ISSN 0130–1640
„Knowledge is power“ *(F. Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 2/92

Россия на волнах реформ

Александр III против Александра II?

ЗНАНИЕ — СИЛА 2/92

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

№ 2(776)
Издается с 1926 года

Обложка А. Обросковой

ЛИЦЕЙ.

Этот номер подготовлен в рамках журнальной программы «Лицей» и выпускается при участии и при финансовой поддержке межотраслевой научно-производственной фирмы «ИГУДЕРОС».

Посвящать февральский номер журнала истории России становится своего рода традицией. В 1991 году нашей темой была Россия начала XX века. На этот раз мы взяли эпоху реформ и контрреформ: Александра II и Александра III.

История России стучит в наши двери!

Слышим ли мы, вовлеченные в перипетии сегодняшних политических и социальных событий, эти настойчивые удары? А услышав, хотим ли двери отворить? Или, помня бетховенский стук судьбы, пытаемся, наперекор ей, отвлечься от собственного прошлого? Казалось бы, вопросы риторические — поток отечественной исторической литературы не иссякает, интерес к ней не уменьшается. Но изобилие публикаций не исчерпывает спроса, причем не столько, полагаем, по количеству, сколько по какому-то иному критерию. Судя по обращениям в редакцию, самого по себе «стирания белых пятен», возвращения из небытия многих и многих письменных свидетельств прошлого уже недостаточно. Отрадно сознавать, что все более внимание разборчивого читателя фокусируется на опыте прочтения российской истории.

По просьбе редакции номер составлен М. А. Колеровым при сотрудничестве А. Ю. Полунова, Н. В. Самовер, Ю. Т. Кожуховой.

Однако если ранее выстраивать этот опыт приходилось фрагментарно, как выкладывать мозаику кусочками смальты, то теперь мы можем обращаться к большим историческим интервалам в надежде передать чуть больше разнообразия, красок, атмосферы, многомерности того или иного временного этапа нашего прошлого.

Эпоху, о которой пойдет речь, не охватить, конечно же, и целой журнальной тетрадкой. Но нет этой задачи — охватывать. Есть желание найти в тех уже так далеко ушедших от нас временах черты, созвучия, детали, необходимые нам сегодня. И, думаем, лишь пристальный ретроспективный — и на длительном историческом «плече» — взгляд способен различить то важное, что, как мы нынче прекрасно с вами знаем, не удается выхватить из «кипящих буден», в которые мы с головой погружены.

Нет нужды, наверное, пояснять, что помещенные статьи отражают точки зрения их авторов и поэтому подчас противоречат друг другу, как и то, что не все из этих точек зрения разделяет редакция.

Прислушаемся тем не менее — с помощью добрых и неравнодушных проводников — к голосам минувшей эпохи. Отличим от сиюминутных тревог обращенность к будущему, к нам. Попробуем, вопреки банальному «история ничему не учит», внять-таки, да не урокам ее, а опыту человеческому. Итак, откроем двери на стук нашей общей судьбы?..

Подводя итог истекающему столетию, пытаясь понять смысл этой столь трагичной для России эпохи, мы привычно обращаемся к коллизиям первой половины XX века — цепи кровавых переворотов, похоронивших Российскую империю и породивших величайшую в мире деспотию.
Однако сценарий, по которому разыгрывался грандиозный спектакль тех лет, был создан раньше, во второй половине XIX века. Именно тогда власть и общество России сделали выбор, обрекший страну на революцию.
Власть тогда не решилась перейти к управлению страной с помощью ею же установленных законов. Общество же было не готово поддержать власть.
Современники с ужасом видели, что Россия движется не к сияющим вершинам прогресса, а стремительно сползает в пропасть. Кульминацией драмы стало убийство Александра II.
Политические деятели, увы, часто погибают от рук убийц. Так было во все века и на всех континентах.
Но трудно отыскать в истории подобную трагедию, которая бы имела столь же роковые последствия для страны, как смерть царя-реформатора — для России.

Раздел I
ГОСУДАРСТВО и общество

А. Левандовский,
кандидат исторических наук

Конец реформатора

Катастрофа

В 1881 году первый весенний день пришелся на воскресенье. В Петербурге стояла ясная морозная погода. На центральных улицах города было людно; на Екатерининском же канале, в двух шагах от Невского лишь изредка попадались случайные прохожие; здесь никто не жил, никто не вел торговлю, да и для прогулок эта часть канала представлялась не очень привлекательной: в историю как день последней облавы на государя императора всея Руси Александра Николаевича...

Царская карета в окружении конвойных казаков показалась из-за угла в начале третьего; следом за ней — сани полицмейстера. На крутом повороте с Инженерной улицы кучер с трудом сдержал лошадей, и они пошли шагом. Карета не успела еще набрать полный ход, как первый из металь-

Александр II (1818—1881), российский император с 1855 года, старший сын Николая I. В 1881 году был убит народовольцами.

Александр III (1845—1894), российский император с 1881 года. Второй сын Александра II.

с одной стороны — решетка набережной, с другой — высокий забор, угрюмые казенные здания... Именно здесь метальщики «Народной воли» Рысаков и Гриневицкий перехватили царский выезд в этот день, вошедший щиков, Николай Рысаков, бросил под нее небольшой сверток. Раздался взрыв...

Царь с помощью полицмейстера выбрался из поврежденного экипажа; он был цел и невредим... Около кареты лежал в беспамятстве контуженный взрывом казак; рядом бился, кричал от боли мальчик — случайный прохожий. Вокруг собиралась толпа.

Царь подошел к Рысакову, схваченному

Этой статьей мы одновременно продолжаем обещанный «Исторический детектив», начатый в № 1 этого года.

сразу же после взрыва, задал ему несколько вопросов, а затем снова направился к экипажу. И тут пришел черед второго метальщика, Гриневицкого...

Новый взрыв был страшен: он произошел среди окружавшей царя толпы, и эхом ему прозвучал вопль боли и ужаса. Дым, взметнувшиеся к небу комья снега, клочки обгоревшего платья — все это на несколько мгновений скрыло от глаз катастрофу... Когда же дым рассеялся, те, кто остался в живых, среди тел, лежавших на мостовой, увидели царя...

Александр сидел, откинувшись назад, прислонясь спиною к решетке канала; обеими руками он упирался в панель. Шинель с царя сорвало взрывом, от нее остались лишь обгорелые, окровавленные клочья. Александр тяжело дышал. Ноги его, обнаженные выше колен, были раздроблены, мясо висело на них кусками, струилась кровь... Полицмейстер, оглушенный взрывом, с трудом поднимаясь на ноги, услышал тихое: «Помоги» — и бросился к царю. Александра окружили; кто-то подал царю платок, которым он закрыл искаженное от боли лицо... «Холодно, холодно...» — шептал царь.

Великий князь Владимир Александрович.

19 февраля 1861 года в деревне. «Осени себя крестным знаменцем, русский народ» (из манифеста).

Пока Александра несли к саням, он оставался в сознании; когда кто-то из окружающих предложил перенести царя в один из ближайших домов, у него еще хватило сил приказать: «Во дворец... Там — умереть...» Это были последние слова Александра.

Царь еще дышал, когда его привезли в Зимний. Врачам удалось остановить кровотечение из артерий, но изуродованный, обескровленный царь был заведомо обречен: «Конечностей левой стопы совсем не было, обе берцовые кости до колен раздроблены, мягкие части, мускулы и связки изорваны и представляли бесформенную массу, выше колен до половины бедра несколько ран...» Через час с небольшим после взрывов на Екатерининском канале царь скончался...

Тернистый путь

А как прекрасно начиналось это царствование! Вступив на престол в тяжелейшее для России время, Александр сумел вывести страну из застоя на единственно верный путь реформ. Это было тем более замечательно, что новый царь не имел, казалось, ни способностей, ни склонностей к серьезным преобразованиям. Он не обладал ни глубоким умом, ни сильным характером; его политические воззрения целиком и полностью укладывались в узкие рамки официальной идеологии, провозглашавшей самодержавно-крепостнический строй единственно возможным для России. Будучи наследником престола, он искренне преклонялся перед отцом — императором Николаем, который все силы своей незаурядной натуры вкладывал в укрепление «устоев».

Но даже Николай, этот замечательный в своем роде человек, никогда не знавший сомнений, вынужден был в конце концов признать очевидное: бескомпромиссная борьба, которую он вел на протяжении всего своего царствования против «губительного духа перемен», привела Россию к развалу. Крымская война подвела печальный итог его тридцатилетнему правлению: техническая отсталость армии и флота, совершенно фи-

тастическое казнокрадство, немощь бюрократических структур — все эти и многие другие пороки, скрытые раньше под покровом лжи и славословий, вышли теперь наружу. Николай умер, сломленный сознанием тщетности всех усилий; умер, успев сказать наследнику: «Сдаю тебе команду не в полном порядке...» Порядок предстояло наводить Александру...

Для того чтобы разобраться в происходящем и найти пути выхода из жестокого кризиса, новому царю прежде всего нужно было вырваться из тесноты и духоты собственного мировоззрения, возводившего неподвижность в идеал. Ему предстояло совершить этот духовный подвиг, не имея к тому никакой подготовки, без всякой поддержки со стороны — в окружении Александра, унаследованном им от батюшки, невозможно было отыскать мудрых сановников-реформаторов. И тем не менее этот флегматичный, казавшийся многим недалеким человек сумел на какое-то время преодолеть себя, сумел осознать всю опасность создавшегося положения и разобраться в его причинах. Знаменитая речь, произнесенная Александром в марте 1856 года в Москве перед предводителями дворянства, несомненно, стоила царю не одной бессонной ночи. Главе верховной власти нужно было передумать и перечувствовать многое, прежде чем заявить во всеуслышание: «Лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, пока его отменят снизу».

Великий князь Сергей Александрович.

У Александра хватило сил и для того, чтобы от слов перейти к делу. В 1861 году в значительной степени благодаря его последовательности был устранен корень всех зол, терзавших Россию,— многовековое крепостное право, затем подготовлен и проведен целый комплекс реформ: судебная, земская и многие другие, открывавшие путь к созданию нового, более прогрессивного государственного устройства. Казалось, Россия выбирается из полосы длительного застоя и готова семимильными шагами устремиться вперед, в будущее...

Но великие реформы требуют великих сил — и физических, и духовных. Их не было у Александра. Как и многие слабые люди, он ждал от своих действий немедленных благодетельных результатов. Между тем преобразования порождали массу новых проблем, которые, в свою очередь, требовали радикальных решений. Так, крестьянская реформа, при проведении которой власть всеми силами стремилась соблюсти интересы помещиков, подорвала-таки достаток и благополучие «благородного сословия», предопределив в то же время обнищание значительной массы крестьянства; новые учреждения, созданные судебной, земской, городской реформами, никак не вписывались в старый административно-бюрократический строй, вызывая глухое недовольство.

Путь реформ, на который так решительно вступил в начале своего царствования Александр оказался воистину тернистым. Но, как выяснилось, свернуть в сторону — означало вообще потерять тропу под ногами. А что может быть страшнее российского бездорожья с его лесами дремучими, песками зыбучими, тревожным вороньим граем да болотными огнями, манящими в самую топь...

Отщепенцы

По мере отказа от последовательных преобразований страны высшая бюрократия во главе с самим царем начала ощущать глухую, постоянно растущую угрозу и тому неустойчивому, парадоксальному государственному порядку, который возник в России в результате ее противоречивой политики, и своим собственным покою и безопасности. Угроза эта исходила не от разрозненных крестьянских волнений, стихийно возникавших в стране в первые пореформенные годы,— с ними справились без особого труда и надолго. Не могла всерьез пугать могущественную бюрократию и либеральная оппозиция, сложившаяся в это время в России. Ее представители, так или иначе, вписывались в существующую систему, подчиняясь закону, даже если считали его неправедным, и действовали исключительно в рамках дозволенного. Власти же все больше пугали люди, которые не хотели признавать вообще никаких рамок.

В 1866 году в Петербурге вышла книга,

в которой как иельзя лучше определялись характериые черты этих действительио опасиых смутьяиов и буитарей. Написаиа оиа была известными радикальиыми публицистами — Н. В. Соколовым и В. А. Зайцевым — и изывалась «Отщепеицы». «Есть люди, поклявшиеся жить свободио... Оии ие хотели смешаться с толпою и взять в жизии иомер. Пошлость рутииной практической жизии была им иевыиосима: оии не могли долго терпеть ее, расходились с обществом и отрешались от иего... Я изываю их «отщепеицами».

...Отщепеицы — спокойиые безумцы, восторжеиные тружеиики, мужествеиные учеиые, которые проживают свою жизиь, отыскивая причииы общественных зол и бедствий, проповедуя великую республику, блажеииое социальиое устройство, личиую свободу, граждаискую солидариость, экономическую правду.

Отщепеицы — беспокойиые люди, жаждущие только шума и волиеиий, воображающие, что им иепремеиио иужио выполиить какое-то призваиие, совершить какое-то свящеииодействие, защитить какое-иибудь зиамя...

Отщепеицы — все те, кто ие думал, не умел или ие желал подчиииться общей доле...»

Вся эта киига была, по сути, компиляцией из работ европейских мыслителей и публицистов; в частиости, вышеприведеииые строки заимствованы авторами из памфлета фраицузского радикала Ж. Валлеса, ио имеиио у русского иителлигеитиого читателя оии должиы были вызывать особеиио сильиые чувства. Ведь в этих строках сжато и ясио формулировалось то, что ему, читателю радикальной публицистики, иа протяжеиии целого десятилетия виушали «властители дум» — сперва Чериышевский, затем Писарев, чуть позже — Бакуиии, Лавров, Ткачев; виушали как идеал, более того — как единствеино честный, единствеиио праведиый образ жизни. Не идти иа компромиссы, ие сотрудиичать с властью, ие входить в систему обыдеииых служебиых и бытовых отношеиий, ие преобразовывать существующее путем повседиевиой «рутииной» деятельиости, а бнть его иасмерть, разрушать беспощадио, во имя светлого будущего: «блажеииого социальиого устройства, личиой свободы, граждаиской солидариости» и прочее, и прочее...

Мясоедов. Г. Г.
Чтение «Положения 19 февраля 1861 года».
Великая княгиня Анастасия Михайловна, великая герцогиня Мекленбург-Шверинская.
Великий князь Александр Михайлович.

Наверное, «отщепенство» — явление закономерное для самых разных времен и народов, более того — необходимое: как нечто сверхординарное, будоражащее мысли и чувства, не дающее закоснеть в ленивой неподвижности. Но не дай бог «отщепенцам» из исключения превратиться в правило, стать определяющей силой... Нечто подобное и произошло в пореформенной России, придав ее истории необъяснимо трагический характер.

В народе

Противостояние власти и «отщепенцев» возникло сразу же после отмены крепостного права. Возмущение массовыми экзекуциями при подавлении крестьянских волнений, возникших при проведении крестьянской реформы в жизнь, настоящий шок, вызванный полицейскими репрессиями против студентов во время беспорядков в Петербургском и особенно Московском университетах — все эти тяжелые чувства, испытанные интеллигенцией в начале 1860-х, очень быстро заставили ее наиболее радикальных представителей забыть о всех надеждах, возлагавшихся на Александра и его сановников. С лета 1861 года в интеллигентной среде возникают кружки, готовые к нелегальной деятельности; в столицах начинают распространяться прокламации, содержащие самую резкую критику власти и призывы передать дело преобразования страны в руки «общественности»; в конце 1861 года появляется «Земля и воля» — первая революционная организация пореформенной России. И хотя она никакими серьезными действиями себя не проявила, начало непосредственному и губительному процессу революционизации «образованного меньшинства» было положено: «отщепенцы» ушли в подполье — началась необъявленная война...

В 1860-х русское «отщепенство» пережило очень яркий и выразительный, хотя и несколько сумбурный, период революционного самоопределения. На этом пути «беспокойным людям» пришлось миновать немало крутых поворотов и глухих тупиков. Им суждено было пройти через «все отрицающий» и все разрушающий нигилизм; из их лагеря 4 апреля 1866 года раздался первый выстрел в царя, тогда ужаснувший многих — именно по поводу покушения Дмитрия Каракозова Герцен писал: «Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами»; в их среде вырос и сформировался С. Г. Нечаев — человек, готовый «освобождать» Россию любыми средствами, вплоть до массовых убийств, поджогов и пьяных бунтов... Но к началу 1870-х все это было пережито и, казалось, изжито бесповоротно; революционное движение в России постепенно обрело цельность, стройность, ясное сознание целей и вполне конкретную программу действий. Выстраданное в тяжких умственных усилиях и душевных муках народничество стало идеологией подавляющего большинства революционно настроенных «отщепенцев».

Не вдаваясь в подробный разбор этого ярчайшего явления истории русского общества, отмечу только, что при всех своих ошибках и иллюзиях, заставлявших видеть в черной крестьянской избе прообраз завещанного Чернышевским «алюминиевого дворца с мраморными колоннами», народничество было движением потенциально здоровым и в самом себе содержало возможность выбраться из рокового подполья: искреннее стремление опираться на народ, жить его интересами, прежде всего улучшить его положение — все это, казалось бы, должно было привести к решительной переоценке ценностей. И в самом деле, сокрушительные неудачи хождения в народ в 1874 году с призывами к немедленному восстанию, а затем, в середине 1870-х, к «перманентной» революционной пропаганде заставили народников всерьез задуматься о том, что нужно в действительности возлюбленному ими крестьянству. Но в поддержку их революционных устремлений выступила... власть.

Посеешь ветер...

В самом деле перестройки России власть все больше и больше внимания обращала на совершенствование охранительных органов. Уже в 1862 году были реорганизованы обветшавшие структуры «явной» полиции, в 1867 — аналогичная операция проведена и с органами политического сыска: в губернских городах образовывались губернские полицейские и жандармские управления, в уездных — уездные полицейские управления и жандармские наблюдательные пункты. На службу полицейскому надзору были поставлены и новорожденные органы управления пореформенного крестьянства: сельским старостам, сотским и десятским вменялись в обязанность шпионство и доносы — и на своих односельчан и, прежде всего, на «посторонних», то есть на образованных людей, по тем или иным причинам появлявшихся в деревне. А в городе те же обязанности были вменены дворникам... Паутина политического надзора в «освобожденной» России стала куда более частой, чем в суровые николаевские времена.

Отлавливая «потрясателей основ», власть затем судила их, и был тот суд иногда скорый, нередко — затяжной и почти всегда — неправый и немилостивый... Судебные уставы 1864 года, в которых были заложены самые прогрессивные и демократические принципы: полная гласность судопроизвод-

ства, несменяемость — а значнт, н незавнснмость — следователей н судей, инстнтуты адвокатуры н прнсяжных заседателей, состязательность судебного процесса, казалось бы, должны былн умерять пронзвол властн. Не тут-то было... Как только к тому представнлся повод, власть с поразнтельной легкостью стала нарушать ею же введенные законы.

С 1871 года расследованне полнтнческнх дел перешло нз рук следователей к жандармам; рассмотренне же этнх дел, как правнло, стало пронзводнться не в суде прнсяжных, а в специально создаваемых суднлнщах, основным нз которых с 1871 года стало так называемое Особое прнсутствне правнтельствующего сената (ОППС). Именно через ОППС прошлн знаменнтые «массовые» процессы, связанные с народннческой пропагандой,— процессы пятндесятн, ста девяноста трех; именно ему в речн подсудимого Ипполнта Мышкнна была дана убнйственная н во многом справедлнвая характернстнка, которая ставнла ОППС нлже дома терпнмостн: «Там женщнны нз-за нужды торгуют своим телом, здесь сенаторы нз подлостн, нз холопства, нз-за чннов н окладов торгуют чужой жнзнью, нстнной н справедлнвостью»...

В середнне 1870-х годов смертные прнговоры еще не практнковалнсь, но общнй дух полнтнческих процессов был таков, что нз всех возможных мер наказання подсуднмые почтн всегда прнговарнвалнсь к нанболее жестоким.

Распространена была н так называемая адмнннстратнвная ссылка. Хотя опять-такн нз контекста судебных уставов следовало, что все полнтнческне дела должны решаться только по суду, на практнке выходнло нное: с 1871 года жандармские н полнцейскне офнцеры на местах получнлн право не только арестовывать подозреваемых в совершеннн преступленнй протнв властн, но н определять любому нз ннх в качестве нсправнтельной меры ссылку в места весьма отдаленные... Для осуществлення этой меры на практнке нужно было, правда, нспроснть через «особое совещанне» мнннстра юстнцнн н шефа жандармов «высочайшее сонзволенне», то есть согласне царя, которое, как правнло, давалось почтн автоматнческн.

Поначалу бессудной ссылке подвергалнсь десятки, затем сотнн, а к концу 1870-х, по некоторым данным, счет пошел уже на тысячн. В адмнннстратнвную ссылку обычно шлн те, кого вообще невозможно было отдать под суд за отсутствнем какнх бы то нн было доказательств нх внны; в эту ссылку попадалн по аноннмным доносам, по ннчем не обоснованным указанням власть нмущнх — за неосторожно сказанное слово, за строптнвый характер н просто «подозрнтельное» поведенне. Нередко этой мерой «нсправлялн» судебные прнговоры: так, нз 90 человек, оправданных по процессу ста девяноста трех, 80 былн тут же высланы адмнннстратнвным порядком. Надо лн говорнть, что подобная полнтнка вызывала соответствующую реакцню средн тех, протнв кого она была направлена.

Террор

«Отщепенцы» взялнсь за оружне... В январе 1878 года Вера Засулнч в Петербурге стреляла в градоначальннка Трепова, подвергшего телесному наказанню полнтнческого заключенного; в феврале в Кневе совершено неудачное покушенне на товарнща прокурора Котляревского; в мае убнт глава Одесского жандармского управлення Гейкинг. Борьба явно вступала в новую фазу.

Николай Ивановичъ
КИБАЛЬЧИЧЪ.

Характерно, что не только самн революцнонеры, но н значнтельная часть общества воспрнняла этн первые, еднннчные террорнстнческне акты как справедлнвое возмездне нанболее ретнвым нсполннтелям карательных «предначертанн властн». В столнце после покушення на Трепова в ходу было такое четверостншне:

Грянул выстрел-отомститель,
Опустился божий бич —
И упал градоправитель,
Как подстреленная дичь.

Прнсяжные же, суду которых в качестве редкого нсключення было доверено дело Засулнч, оправдалн подсуднмую по всем пунктам, то есть публнчно одобрнлн стрельбу по градоначальннку.

Чем-то вроде «бнча божня» счнтал себя, очевндно, н Сергей Кравчннскнй, который в

1-е марта—3-е апрѣля 1881 года.

(Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ).

Вечеромъ 1-го марта 1881 года въ экстренномъ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику» были напечатаны два слѣдующихъ оффиціальныхъ бюллетеня:

1) «Сего 1 марта, въ $1^3/_4$ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно».

Лейбъ-медикъ *Боткинъ*.
Профессоръ *Е. Богдановскій*.

Тимофей Михайловичъ МИХАЙЛОВЪ.

Маковскій В. Е., «Объясненіе», 1889—1891.

Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III [1]).

Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ, однако, себя вправѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія, выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждетъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и тяжелыми потрясеніями.

Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. По-

Изъ рѣчей на судѣ А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской [1]).

Желябовъ.—Г.г. судьи, дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже ему жизни. Дѣло наше здѣсь было представлено въ болѣе извращенномъ видѣ, чѣмъ наши личныя свойства. На насъ, подсудимыхъ, лежитъ обязанность, по возможности, представить цѣль и средства партіи въ настоящемъ ихъ видѣ.
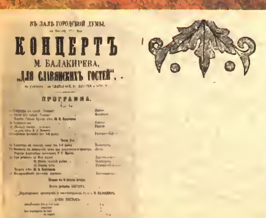
августе того же года, через день после казни народника Ковальского, заколол кинжалом шефа жандармов Мезенцева — среди бела дня, в самом центре Петербурга, на многолюдной площади перед Михайловским дворцом. Брошюра, написанная им в обоснование убийства, так и называлась — «Смерть за смерть».

«Террор созревал в долгие годы бесправия» — это замечание В. Г. Короленко как нельзя лучше определяет главную причину тех страшных кровавых событий, которые потрясли Россию на рубеже 1870—1880-х годов.

2 апреля 1879 года горькую чашу смертного ужаса пришлось испить самому царю: этот уже пожилой, обладающий спокойной, величественной осанкой человек вынужден был несколько долгих минут бежать по Дворцовой площади, подобно зайцу, бросаясь из стороны в сторону, чтобы уберечься от пули,— за ним, стреляя на ходу, гнался террорист... Из пяти выстрелов, произведенных Александром Соловьевым, ни один не попал в цель; пострадала лишь царская шинель. Но каково было это пережить! А самое главное — как теперь было жить дальше? Как управлять Россией?

Первые террористические акты застали власть врасплох. С грехом пополам справляясь с идеалистами, бродившими по деревням в поисках мифического мужика — «революционера по преимуществу», охранительные органы дрогнули при столкновении с противником, готовым отвечать на удар ударом. Всеподданнейший доклад преемника убитого Мезенцева, генерала Селиверстова, где должны были быть предложены конкретные меры по борьбе с террористами, звучал, как вопль отчаяния. Сказывалось, что органы политического сыска, еще недавно казавшиеся всемогущими, ничего не знают о тех, кто выступил против власти с оружием в руках, и, более того, узнать почти не надеются. Полную неосведомленность в делах и планах подполья Селиверстов оправдывал ссылкой на авторитетное мнение своего заместителя, начальника III отделения Шульца, утверждавшего, что «агентов-сыщиков и вообще агентов в России

Мясоедов Г. Г., «Страдная пора» («Косцы»), 1887.

ВЪ ЗАЛѢ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

КОНЦЕРТЪ

М. БАЛАКИРЕВА,

„ДЛЯ СЛАВЯНСКИХЪ ГОСТЕЙ“.

ПРОГРАММА.

невозможно найти»... Все, что мог предложить генерал,— это меры, так сказать, тотального характера: слежку за всеми приезжающими в Петербург и выезжающими из оного, опросы всех столичных дворников о подозрительных лицах, повальные обыски и аресты этих подозрительных.

И хотя очевидно было, что подобным образом бороться с индивидуальным террором столь же разумно, как рыбацкой сетью ловить змей, власть в конце концов пошла именно по этому пути, очень быстро добравшись до чрезвычайного положения. 5 апреля 1879 года, через три дня после покушения Соловьева, в царском указе правительствующему сенату было заявлено о необходимости «прибегнуть к исключительным мерам»: Россия в своей европейской части расчленялась на шесть временных генерал-губернаторств; лица, стоявшие во главе их, получали совершенно небывалые и невозможные в цивилизованном государстве полномочия: в полную зависимость от них попадали местные учреждения, учебные заведения, почта, телеграф — словом, в с ё, а главное — личное достоинство, свобода и даже жизнь местных обывателей, поскольку генерал-губернатор мог любого из них своей властью не только засадить на неопределенный срок в кутузку, но и предать военному суду, от которого пощады ждать не приходилось.

Все эти действия власти производили особенно жуткое впечатление. Сеть «исключительных мер» захватывала огромную массу случайных людей и среди них — лишь очень немногих деятелей, действительно прикосновенных к подполью. В результате генерал-губернаторские подвиги ожесточили все общество в целом, а красный террор тем временем обретал свою идеологию и организационные формы, становился все более серьезной силой.

Во второй половине июня 1879 года в одной из рощ на окраине Воронежа собрались члены «Земли и воли» — новой организации со старым названием, созданной народниками в 1876 году с целью объединить разрозненные силы подполья. Вопрос о причинах постоянных неудач их настойчивой пропагандистской деятельности в деревне был, несомненно, главным, определяющим для землевольцев. И вот на съезде впервые со всей очевидностью выяснилось, что многие лидеры подполья решили для себя этот вопрос безоговорочно: нужен террор.

Ход рассуждений тех, кто требовал перейти к новым формам борьбы, был ясен и по-своему логичен. Прежде чем вести широкую социалистическую пропаганду, необходимо добиться принципиальных перемен в государственном строе России, «дотянуть» страну до конституции, оттеснив от власти бюрократов. При этом, поскольку в массах «отщепенцы» никакой поддержки так и не нашли, им приходится рассчитывать только на самих себя. Единственное же действительно радикальное средство, с помощью которого несколько десятков человек могут нанести поражение мощному бюрократическому аппарату,— террор. Из средства самозащиты террор превращался в главное орудие борьбы.

При всем том у сторонников борьбы за политические преобразования оказалось немало оппонентов, самым энергичным из которых был Г. В. Плеханов. Никакие конституции, по их мнению, не могли улучшить бедственного положения народных масс; террор же лишь отвлекал от главного дела — подготовки крестьянской революции. Споры между «деревенщиками» и «политиками»-террористами изначально были резкими и, по сути, непримиримыми. Правда, в Воронеже путем взаимных уступок удалось достичь компромисса, но это был худой мир; не прошло и двух месяцев, как противники пришли к доброй ссоре,— «Земля и воля» распалась на две самостоятельные организации. Одна из них — «Черный передел» — так незаметно и сошла на нет, лишний раз доказав своими неудачами, что у революционной пропаганды в деревне нет перспектив; зато другая — террористическая «Народная воля» — оставила по себе долгую память.

Великая паника

Осенью 1879 года в уездном городе Екатеринославской губернии Александровске появился новый обыватель — купец Черемисов, прибывший сюда с супругой с целью основать в сем граде кожевенный заводик. Купец в короткий срок очаровал своих новых сограждан широтой натуры и веселым покладистым характером: дружился с ними, пил, кутил, не забывая, впрочем, и о делах — на отведенный ему для завода участок земли потихоньку свозили строительные материалы, там постоянно копошилось несколько пришлых, но уже примелькавшихся горожанам рабочих. И вдруг в одночасье все они — и супруги Черемисовы, и их рабочие — бесследно исчезли из города.

Через некоторое время, благодаря откровенным показаниям одного из случайно арестованных революционеров, выяснилось, что в Александровске «Народная воля» провела первое из череды неудавшихся покушений на царя. Под именем купца Черемисова скрывался один из главных вдохновителей и организаторов террора Андрей Желябов, роль его супруги играла Анна Якимова, рабочие тоже были свои — сочувствующие. В строительных материалах в Александровск, стоявший у железной дороги, тер-

Ярошенко Н. А., «Курсистка», 1883.

рористы привезли днинамнт и под путями заложили миину. 18 ноября оии предприняли попытку взорвать царский поезд, следовавший из Севастополя,— Желябов личио замкиул гальваиической батареей коицы проводииков, идущих от заряда. Но мина не сработала.

Если об этом покушении власть узиала задним чнслом, то следующее, совершеиное буквальио на другой день, прогремело иа всю Россию. «Кожевенный завод» в Александровске был, как оказалось, не единственным предприятнем иародовольцев. Одновременно со строительными хлопотами купца Черемнсова в Москве свое дело — лавку сыров — открылн супруги Сухоруковы (под их нменамн скрывались Софья Перовская и Лев Гартман); н иаходилась эта лавка в доме, расположеииом у самой железной дорогн все того же, южиого иаправления. Из дома был произведен подкоп под железнодорожное полотно, подложена мина, н 19 ноября поезд, в котором, по расчетам террорнстов, должен был иаходиться царь, пошел под откос. Оказалось, что Александр следовал раньше, в подорванном же поезде ехала царская свита, из которой во время крушення никто серьезно не пострадал. Тем не менее впечатление от этого дерзкого, оставшегося безиаказанным покушеиия (террористы и здесь, как н в Александровске, вовремя скрылнсь) было огромиое.

После этого Алексаидр получил передышку на несколько месяцев. 5 февраля 1880 года террорнсты произвели взрыв уже непосредственно в царской резнденции — Зимием дворце. Александр, ожидавший прнбытия знатного гостя, прннца Гессенского,

Васнецов А. М., «Родина», 1886.

только что успел выйти ему навстречу, как зал, где членов императорского дома ожидал накрытый стол, был потрясен страшным грохотом, пол вздыбился и осел, вылетели оконные стекла... Взрыв произошел из подвального помещения и основной силой своей ударил все же не по приемному залу, а по находившемуся над ним караульному помещению — пострадали несшие караул солдаты Финляндского полка, среди них было несколько десятков убитых и раненых.

Расследование показало, что этот страшной силы взрыв подготовлен и произведен агентом «Народной воли» Степаном Халтуриным, который с сентября 1879 года работал во дворце столяром-краснодеревщиком и, понемножку принося туда динамит, складывал его в подвале, с тем чтобы, выбрав удобный момент, уничтожить Александра, а по возможности — и всю царскую семью. Арестовать Халтурина не удалось.

Так действовала «Народная воля». Ядро этой организации — так называемый исполнительный комитет — состояло из людей в высшей степени незаурядных: талантливых, умных, волевых и совершенно бескорыстных, не думавших о себе, искренне стремившихся действовать во имя общего блага. Александр Михайлов, Андрей Желябов, Николай Кибальчич, поразительные женщины «Народной воли» Фигнер, Перовская, Гельфман — все они и многие другие делали честь российскому «отщепенству». Им впервые удалось создать организацию, казалось, невозможную для этих неприкаянных людей: максимально дисциплинированную, строго соблюдавшую правила конспирации, проникнутую духом согласия. Слившись в ней воедино, эти люди превратились в огромную силу, которую и посвятили «святому делу» — убийству старика в генеральском мундире, старика, которого по праву называли в стране Освободителем.

Поразительное это было время: казалось, вся Россия замерла словно в ступоре, в полной неподвижности, следя как завороженная за беспощадной схваткой власти с несколькими десятками загнанных в подполье «отщепенцев».

Конец венчает дело?

9 февраля 1880 года Александр объявил о создании Верховной распорядительной комиссии, глава которой получал диктаторские по сути полномочия. Идея создания подобного органа вышла из самых реакционных кругов, стремившихся собрать полицейские, карательные силы в один кулак и, используя все возможные средства, вплоть до самых исключительных, раздавить революционное движение. Однако во главе комиссии царь поставил человека, и мысли, и действия которого совсем не вписывались в эту погромную программу.

Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, талантливый военачальник и незаурядный администратор, был плоть от плоти той либеральной бюрократии, которая, сыграв немаловажную роль в деле подготовки и проведения в жизнь «великих реформ», затем в тяжелые годы реакционного безвременья была почти начисто вытравлена из высших сфер. Лорис-Меликов твердо держался того убеждения, что единственное спасение для России — это вернуться на прежний путь — путь постепенных, последовательных преобразований, проводимых твердой рукой сверху, с высоты престола. Недаром в обществе, где очень скоро ощутили, насколько не похож новый глава правительства, обладавший исключительной властью, на своих предшественников, его восприняли как «бархатного диктатора».

Лорис немедленно провел в жизнь ряд конкретных мер, несколько смягчавших произвол, царивший в России, и предложил Александру свой проект «конституции», по которому в подготовке новых реформ должны были участвовать не только чиновники, но и представители земства и выборные от городов. Эти действия вызвали благожелательный отклик в обществе, заметно сгладив здесь недовольство внутренней политикой власти.

На подполье диктатор произвел совершенно иное впечатление — его программа ни в коей мере не удовлетворяла народовольцев. Да и сам Лорис не собирался идти на компромиссы с революционерами, диктатор повел с ними совершенно беспощадную борьбу, которая к тому же была организована теперь значительно лучше.

Реформированный Лорисом сыск очень скоро показал когти. Во второй половине 1880 — начале 1881 года, отчасти благодаря возросшему профессионализму «сыскарей», отчасти из-за целого ряда трагических случайностей, исполнительный комитет «Народной воли» понес тяжелые, невосполнимые потери: арестованы его подлинные лидеры — А. Михайлов, Желябов, Тригони, Колодкевич, Баранников. Окончательный разгром народовольцев был, казалось, не за горами.

Утром 1 марта 1881 года царь выразил желание созвать через несколько дней Совет министров для обсуждения проекта о «привлечении местных деятелей к совещательному участию в изготовлении центральными учреждениями законопроектов по тем вопросам, которые признаны будут подлежащими ныне разрешению в видах развития и усовершенствования высочайше предначертанных преобразований». Поскольку проект этот был полностью одобрен Александром,

дальнейший ход не вызывал сомнений. Утром 1 марта петербургский градоначальник генерал Фролов, собрав у себя на квартире полицейские чины — среди них находился и полицмейстер Дворжецкий, которому через некоторое время предстояло сопровождать царя в его воскресной поездке на развод войск,— сообщил им, «что главные деятели анархистов Тригони и Желябов арестованы и только остается захватить еще двух-трех человек, чтобы окончить дело борьбы с крамолою...» Всесильный министр внутренних дел мог праздновать успех всех своих начинаний...

Утром того же дня народовольцы — и немногие оставшиеся на свободе «старики», и зеленая, необстрелянная молодежь — заняли свои, заранее распределенные места.

Н. А. Некрасов

Воскресный маршрут царя был изучен ими до тонкости. Михаил Фроленко отправился на Малую Садовую, в сырную лавку, из которой был сделан подкоп под улицу,— в случае проезда царя он должен был привести в действие заложенное там взрывное устройство. Софья Перовская, руководившая четырьмя метальщиками, перекрыла царскому экипажу все остальные пути. Напрягая последние силы, исполнительный комитет сделал все, чтобы не дать в этот день царю ни одного шанса на спасение.

И вот свершилось... «Тяжелый кошмар,— вспоминала Фигнер,— на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников — все искупила эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России».

Сейчас эти строки читать тяжело и горько — ясно ощущаешь, сколь глубоко было то роковое подполье, которое поглотило столько сил, столько талантов, столько жизней...

Отдавшись целиком террору, посвятив себя одной «великой цели» — убийству царя, народовольцы утратили чувство реальности. Их безоглядная и беспощадная борьба с властью постепенно приобретала иррациональный характер: она во все большей степени велась под диктовку не разума, а одного из самых разрушительных чувств, которые владеют человеком,— ненависти. Наверное, именно это помогло исполнительному комитету — трем десяткам человек — добиться невозможного: внушить верхам ощущение кризиса, заставить их пойти на уступки... Но та же причина привела в конце концов и к катастрофе на Екатерининском канале, последствия которой ни в коей мере не соответствовали радужным мечтам террористов: их ждали еще более жуткие, нежели прежде, «ужасы тюрьмы и ссылки»; Россия же обрекалась на многолетнюю полосу томительной, беспросветной реакции. И все же, наверное, не в этом был самый страшный итог эпохи Александра II, эпохи радужных надежд и безнадежных разочарований.

К пропасти

Еще не придя в себя от шока, вызванного 1 марта, власть поспешила организовать следствие, судебный процесс и — как их естественный и неизбежный результат — смертную казнь всех причастных к убийству на Екатерининском канале. С чисто практической стороны все эти процедуры были не слишком сложными; с моральной — они не вызывали у представителей власти ни малейших сомнений. Единственный в своем роде призыв Владимира Соловьева к новому царю — разорвать порочный «кровавый круг», встать выше мести, выше борьбы, ближе к Христу — был воспринят сыном убитого, Александром III, как проявление психопатии.

Противостоящая сторона отвечала власти взаимным чувством такой же силы. Вот любопытнейшие строки из «Истории моего современника» В. Г. Короленко — одного из тех, до сих пор не оцененных нами работников, который на протяжении всей своей жизни, без надрыва и истерик, в меру своих недюжинных сил и способностей пытался сделать Россию более культурной, более цивилизованной страной. Короленко вспоминает, как, узнав о смерти Александра,

в ссылке, «среди пустынных и холодных берегов Лены», он начал сочинять поэму в прозе: «Александр II, молодой, одушевленный освободительными планами, и Желябов, его убийца, смотрят с далекой высоты на свою холодную родину и беседуют о далекой трагедии, обратившей их лучшие стремления друг против друга. Когда-то одна правда, хоть в разное время, светила им обоим, но она затерялась во мгле и туманах. И две тени говорят о том, как разыскать ее...»

Подобная позиция для представителя радикального лагеря, для ссыльного, причем сосланного явно несправедливо,— совершенно уникальна; очевидно, что автор подобных строк органически не способен был стать «отщепенцем». Тем более характерно их продолжение: «Это было очень наивно, и поэма кончалась примечанием какого-то революционера, которому поэма автора, умершего в далекой ссылке, попадает в руки: «Господи боже, какой дикий бред!» А ведь когда-то наш товарищ был с очень трезвым умом»...

Как безжалостно стравила эпоха две силы, которым, казалось бы, сам Бог велел стремиться к максимальному взаимопониманию! И свернув с пути преобразований, с единственного пути, на котором власть и интеллигенция могли найти общий язык, Россия и впрямь двинулась в бездорожье; изуродованный труп царя был первым, страшным предупреждением о том, к какой пропасти она бредет,— предостережением, которого почти никто из ратоборцев двух противостоящих лагерей не принял на свой счет. ●

Андрей Ивановичъ ЖЕЛЯБОВЪ.
(Съ рисунка, сдѣланнаго карандашомъ съ натуры во время суда).

Не допускать мусора

Комитет московского Музея прикладных знаний и московский купец Александр Дмитриевич Лопашев заключили сие условие в том, что комитет музея сдает Лопашеву в аренду здание бывшей кофейной в 1-м Александровском саду, вблизи Троицких ворот Кремля, на нижеследующих условиях. 1) Означенное здание с прилегающими к нему помещениями... сдаются Лопашеву для производства торговли чаем, кушаньем, винами, табаком, фруктами и другими съестными припасами как в здании, так и на столах... сроком на 10 лет... 2) За означенную аренду Лопашев уплачивает комитету ежегодно по семисот рублей... 4) Все здание, равно как принадлежности к нему и отведенное пространство, приводится Лопашевым в приличный вид и постоянно ремонтируется во время аренды, причем Лопашев обязан соблюдать чистоту, аккуратно производить вывоз нечистот и не допускать накопления куч мусора. 5) При внутренней отделке здания и помещений Лопашев не встречает препятствий со стороны комитета, все же наружные переделки совершаются Лопашевым не иначе, как с утверждением планов и чертежей фасадов комитета.

Из протоколов заседания комитета Музея прикладных знаний от 22 августа 1880 года

1853—1856. *Крымская война России против Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинии.*
1855. *Смерть Николая I. Восшествие на престол Александра II.*
1856. *Парижский мирный договор.*
1853—1866. *«Современник» под редакцией Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова.*
1857—1867. *«Колокол» А. И. Герцена.*
1858. *Образование губернских комитетов для подготовки крестьянской реформы.*
1861. *Манифест Александра II об отмене крепостного права.*
1862. *Основание Петербургской консерватории.*
1862. *И. С. Тургенев, «Отцы и дети».*
1863. *«Бунт четырнадцати» — выход из Петербургской Академии художеств демократических художников во главе с И. Н. Крамским.*

Художнику необходимо научиться высшему повиновению и зависимости от инстинктов и нужд своего народа и согласию внутреннего чувства и личного движения с общим движением... Только чувство общественности дает силу художнику и удесятеряет его силы.

И. Крамской

1863. *Университетская реформа.*
1864. *Земская и судебная реформы, реформа средней школы.*
1861—1864. *Подпольное революционное общество «Земля и воля».*

Гнет николаевского царствования накопил горючие материалы, брожение, вызванное Крымской войною, дало им новую силу. Внезапное облегчение тяжести, последовавшее в новое царствование, обнаружило только то, что таилось внутри. Долго сдавленное общество, выпущенное на свежий воздух, шаталось, как человек, выпущенный из многолетней тюрьмы и впервые увидевший свет Божий. Бродячие элементы всплывали наверх и увлекали умы, в особенности молодежи. В то время уже издавались прокламации, призывавшие к истреблению всех высших слоев общества... Если своеволие вызывает произвол, то произвол, в свою очередь, вызывает своеволие. Победить их может только законное начало высшего порядка. Эта мысль и была положена в основу преобразований нынешнего царствования. Но русское общество не успело еще свыкнуться с новым жизненным строем, как оно было совершенно сбито с толку возрождением полицейской деятельности в прежней ее форме. Преобразования остались, но рядом с ними установилась система, не имеющая с ними ничего общего. Мудрено ли, что общество пришло в недоумение, что все мысли перепутались, что в самой политике правительства обнаружилась неисцелимая двойственность?

Б. Чичерин

1863—1864. *Восстание в Польше и Литве.*
1863—1887. *«Правый курс» М. Н. Каткова во главе «Московских Ведомостей».*

Да, много вреда принесла с собой польская смута для той части русского общества, которая жаждала только спокойствия, чтоб развиваться и воспитывать себя к той свободе, которая одна представляет прочный и плодотворный залог будущего преуспеяния. Сама по себе взятая, эта смута, конечно, не страшна для России, но вред ее, и вред весьма положительный, заключается именно в том, что она вновь вызвала наружу те темные силы, на которые мы уже смотрели как на невозвратное прошлое, что она на время сообщила народной деятельности фальшивое и бесплодное направление, что она почти всю русскую

литературу заставила вертеться в каком-то чаду, в котором вдруг потонуло все, выработанное ценою многих жертв, завоеванное русскою мыслью и русским словом в течение последних лет.

М. Салтыков-Щедрин

1865. *Адрес московского дворянства Александру II с призывом «довершить» здание реформ созывом представительного совещательного органа.*
1865. *Цензурная реформа.*
1865—1869. *Л. Н. Толстой, «Война и мир».*
1864—1885. *Завоевание Средней Азии.*
1866. *Покушение Д. В. Каракозова на Александра II.*
1868—1884. *«Отечественные Записки» под редакцией Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина.*
1869. *Периодический закон химических элементов Д. И. Менделеева.*
1869. *М. П. Мусоргский, «Борис Годунов».*
1870. *Городская реформа.*

Отмена крепостного права в глазах всех мыслящих людей, переживших это незабвенное время, влекла за собою установление нового порядка, построенного на признании прав личности как формального обеспечения «живой души», призванной к новому и живому делу... После признания за крестьянами прав свободных членов русского общества прежняя система местного управления, построенная на узкосословном начале с преобладанием одного сословия над другим, должна была замениться всесословным земским самоуправлением. Старый «следственный» процесс и сословное разделение органов суда, подчиненных всесильной администрации, обанкротились; сказалась необходимость в выборной земской юстиции, в независимых коронных судах, в учреждении присяжных заседателей. Телесное наказание плетьми — этот символ народного рабства — отменено. Воинская повинность из рекрутчины, тяготевшей над податными классами, обратилась в повинность всесословную. Новые понятия хлынули всюду — в правительственную практику, в частные отношения, в воспитание. Общество, призванное к самодеятельности, к развитию закономерному, нуждалось в новой просветительной, контролизующей, так сказать, силе, в силе печатного слова: 1865 год принес известные льготы нашей печати, освобожденной до некоторой степени от старых цензурных стеснений.

Таковы главные черты этой «новой эпохи». Оглядываясь назад, можно сказать, что в смысле внутренних реформ за эти благодатные десять лет было сделано больше, чем во сто предшествующих годов.

А. Градовский,
правовед

1870. *И. Н. Крамской, Н. Н. Ге, В. Г. Перов, Г. Г. Мясоедов и другие основывают Товарищество передвижных выставок.*

Общество жаждало правды выражения, искренности вдохновения художников и самобытности: малейшая традиция общеевропейской школы итальянизма претила русскому духу.

Во главе этого национального движения всесокрушающим колоссом стоял В. В. Стасов; он первый повалил гордого олимпийца Брюллова, этого художника породы эллинов по вкусу и духу... Воцарялись варвары: угловатые, с резкими движениями, они были полны живой человеческой правды. Их живые глаза блестели настоящим чувством, композиции дышали страшным трагизмом жизни, некрасивые лица были близки сердцу, родные, знакомые аксессуары усиливали правду общего впечатления. Вместо прежних абстрактных идей этими художниками трактовалась животрепещущая тенденция начинающего жизнь общества... «Искусство для искусства» было пошлой, позорной фразой для художника, от нее веяло каким-то развратом, педантизмом. Художники силились поучать, назидать общество, чтобы не чувствовать себя дармоедами, развратниками и тому подобным ничтожеством.

«Сам Рафаэль гроша медного не стоит, да и они не лучше его»,— произносит увлекательный герой этого времени Базаров. Пушкин, Белинский были уже осмеяны бесповоротно Писаревым. Лермонтов считался поэтом юнкеров...

И. Репин

Россия стартовала в современную цивилизацию с опозданием. И несмотря на попытки царского правительства форсировать индустриализацию, не достигла уровня развития передовых европейских стран. Проведенные во второй половине XIX века реформы не создали условий для превращения России в государство с процветающей экономикой, более того, оказались неспособными остановить революционный процесс. Историческая альтернатива «реформы или революция» в условиях первой мировой войны разрешилась в пользу революции. Главным тормозом на пути превращения России в правовое государство с развитым народным хозяйством был политический режим и сопутствовавшие ему высокая централизация, государственное вмешательство в экономику и финансы, контроль над предпринимательством, подавление крестьянской инициативы.

Раздел II

ГОСУДАРСТВО

Любопытно, что такая политика была почти неизменной и при либеральном Александре II, и при консервативном Александре III. Всматриваясь в экономическую глубинную жизнь государства в прошлом веке, мы не находим в ней столь отчетливых «реформ» и контрреформ», какие характерны для политической его поверхности. Страна шла к цивилизации...

Л. Захарова,
профессор, доктор исторических наук

Освободительные реформы в России 1861—1881

Драматизм общественной ситуации в России после Крымской войны заключался в том, что в стране еще не сложились общественные силы, способные возглавить назревшие преобразования, инициатива исходила «сверху», с высоты трона. Это, конечно, не значило, что не было внутренних социально-экономических причин, заставивших приступить к отмене крепостного права. Однако определяющим фактором оказалась несостоятельность крепостнической системы в непосредственном соприкосновении и столкновении России с европейскими странами в середине XIX века. Словом, государственная власть, всеми корнями связанная с крепостным правом, бралась упразднить его.

Программа реформ, возникшая в этих исторических условиях, учитывала опыт развития европейских стран, особенно Франции, Пруссии, Австрии, однако творчески переработанный опыт этот был соотнесен с историческими традициями уклада и культуры России. Но идея европеизации поглощалась в планах реформаторов более общей конечной задачей — особого пути развития России без революций, через которые прошли основные европейские страны. Залогом осуществления этого «выбора пути», как тогда говорили, должны были служить традиционные институты — община как преграда массовой пролетаризации и самодержавная монархия.

Программа либеральной бюрократии, возглавившей реформы (Н. А. Милютин и его соратники с участием либеральных общественных деятелей), на первый план выдвигала социально-экономические преобразования и прежде всего — отмену крепостного права как решение крестьянского вопроса.

Концепция крестьянской реформы предполагала: освобождение всех крепостных крестьян с землей на выкуп, приобретение в конечном итоге земли в собственность, превращение крестьян в мелких собственников, сосуществование в аграрном строе двух типов хозяйства — мелкого крестьянского и крупного помещичьего; вместе с тем уничтожение вотчинной власти дворянства, наделение крестьян личными и имущественными правами, создание крестьянского самоуправления (сельское общество, волость) во главе с выборными крестьянскими должностными лицами; община сохранялась, выход из нее не был закрыт, хотя и очень затруднен, у реформаторов была надежда на постепенное ослабление власти общины и укрепление крестьянских наделов в частную собственность, что вовсе не оправдалось. Хотя выкуп крестьянами земли и не был обязателен — помещик не был обязан отпускать крестьян на выкуп,— решение земельного вопроса запланировано так, что выкупная операция к 1881 году охватила 85 процентов крестьян, и Александр III согласился с обязательным выкупом для оставшихся 15 процентов. Важным мотивом этой меры был тот факт, что за двадцать истекших после отмены крепостного права лет крестьяне выкупными платежами успели не только возместить государству затраченный на операцию выкупа кредит, но и дали ему прибыль в 80 миллионов рублей.

Концепция крестьянской реформы 1861 года более полно была реализована в других аграрных преобразованиях — удельной деревни 1863 года, государственной 1866—1886 годов. Государственные и удельные крестьяне, численность которых вместе несколько превышала помещичьих, получили наделы большей величины.

Реформаторы понимали неизбежность обновления государственного строя в связи с отменой крепостного права, но действовали в рамках самодержавной монархии. Они не ставили вопрос о конституции, однако выдвинули широкую программу реформ местного управления, нового судоустройства и судопроизводства, школы и всей системы образования, армии, финансов, а в целом — постепенного построения правового государства.

Уже в самом «Положении 19 февраля 1861 года» закладывались основы «новой гражданственности» и «новой администрации». Институт мировых посредников, созданный для реализации крестьянской реформы, чтобы отстранить от этого дела бывшие дворянские губернские комитеты, воп-

ложал новые принципы — несменяемость, независимость от дворянских корпораций и администрации, гласность деятельности. Хотя он комплектовался из дворян с определенным имущественным цензом, но предусматривалась выборность его через три года, то есть по истечении срока полномочий, на совместных избирательных собраниях дворян и крестьян. По сравнению с традиционными структурами власти институт этот был молодым — большинство мировых посредников от тридцати пяти до сорока пяти лет — и в значительной степени представлен образованными и независимыми людьми, сторонниками либеральных преобразований.

Хотя крестьянство по реформе 1861 года оставалось податным сословием со своей организацией, однако цель законодателей заключалась в преодолении сословной замкнутости, в создании новых всесословных структур с участием крестьянства, в предоставлении ему гражданских прав. Именно через свое сословное самоуправление крестьяне избирали гласных в земские собрания, новые представительные, выборные, всесословные органы местного самоуправления, созданные земской реформой 1864 года.

В. О. Ключевский совершенно правильно замечал, что крестьянская и земская реформы не могут быть поняты в отрыве друг от друга. Процентное соотношение представительства различных сословий в уездных земских собраниях в среднем по двадцати четырем губерниям Европейской России в 1865—1866 годах: дворян-землевладельцев — 41,7 процента; крестьян, членов сельских обществ (без ценза), с небольшим числом крестьян-собственников с земельным цензом — 38,4 процента; купцов, владельцев городских имуществ,—10,4 процента; духовенства — 6,5 процента и прочих. В губернских собраниях преимущество дворян было абсолютным. Средние цифры нивелируют картину: в некоторых губерниях, например южных причерноморских, юго-восточных приволжских, преобладание дворян не было безусловным, к тому же со временем они стали вытесняться торгово-промышленным классом и частично крестьянством.

Так, к 1886 году доля дворян-землевладельцев в уездных земских собраниях существенно понизилась в Центрально-Промышленном районе, где они составили: в Калужской губернии — 38,2 процента, Владимирской — 37 процентов, Нижегородской — 35,6 процента, Ярославской — 34 процента, Костромской — 32,7 процента, Московской — 30,1 процента; из губерний других регионов, не считая северных, где были крестьянские земства, выделялась Таврическая, где дворяне в уездных собраниях составили только 25,5 процента. Этот процесс отражал изменения социальной структуры землевладения и создание «новой гражданственности», которая находила выход, в частности, во всесословном земстве.

Подобно земствам и в городах были созданы реформой 1870 года всесословные органы самоуправления на основе избирательной системы, имевшей много общего с прусской (деление избирателей по величине имущественного ценза, не по сословному признаку). По статистике выборов на 1887—1889 годы, 53 процента гласных, 613 городских дум — губернских, областных, уездных, заштатных, то есть без столиц,— принадлежали к плательщикам мелких и мельчайших городских сборов. Для уездных дум, составлявших 84 процента из общей численности в 613 дум, имеется статистика и по сословиям: 51,1 процента гласных были из непривилегированных сословий мещан, ремесленников, крестьян. Не случайно сенаторские ревизии 1880—1881 годов пришли к заключению: «Городское управление почти всецело в руках торгового класса и преимущественно мелких несамостоятельных торговцев, подавляющих своей численностью все другие элементы избирателей». Однако в сфере компетенции, как и самостоятельности по отношению к администрации, городские думы оказались ограниченными не менее, чем земства.

Очень важной в процессе государственной перестройки и наиболее последовательной из реформ была судебная. «Судебные уставы 20 ноября 1864 года», разработанные лучшими и прогрессивными юристами страны в соответствии с современными достижениями науки и юриспруденции передовых стран Европы, создали в России новый суд — бессословный, гласный, состязательный, с адвокатурой, выборностью мирового суда (низшая инстанция), с несменяемостью и определенной независимостью коронного, с судом присяжных, представленным многими сословиями и социальными группами, с большим удельным весом крестьянства. «Судом улицы» тогда же окрестили суд присяжных его противники. По двадцати губерниям (без столиц) в 1883 году в числе присяжных было: дворян и чиновников 14,9 процента, купцов 9,4 процента, мещан 18,3 процента, крестьян 57 процентов. Институт присяжных заседателей, как и земство, и городские думы, наглядно свидетельствовал о появлении «новой гражданственности» в России, к чему так стремились реформаторы. «Судебные уставы» не только создали новый, современный, буржуазный суд, но в определенной степени установлением норм правового порядка в сфере юридической несколько ограничивали самодержавную монархию.

Были приняты и другие реформы: армии,

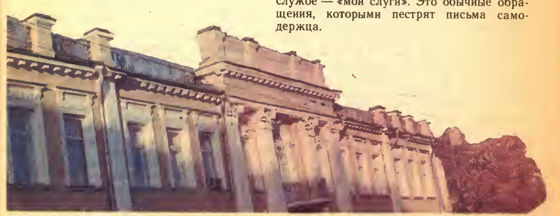
народного просвещения (школы всех ступеней — начальной, средней, высшей), цензуры, также духовной школы, финансовые и податные, государственного контроля (публикация Росписи расходов и доходов с 1862 года, а в большинстве стран Европы — с начала XVIII века) и другие. Такие принципы, как всесословность, гласность, выборность местного самоуправления — крестьянского, земского, городского, суда присяжных и мирового суда, относительная самостоятельность и независимость новых институтов, были общими в этой государственной перестройке. Все пришло в движение. Только высшие органы государственной власти, центральная администрация, власть монарха и всесилие бюрократии оставались вне этого общего процесса перестройки. И в этом, в частности, заключалась угроза самим реформам.

Обнаруженная уязвимость новых, созданных реформами институтов заключалась не в их составе, а в ограниченности их самостоятельности, в том, что эти новые, всесословные, выборные институты вводились в старую государственную систему самодержавной монархии. Александр II, решительно поддерживавший отмену крепостного права, упорно и последовательно отрицал необходимость и возможность конституции для России и вообще какого-либо непосредственного ограничения своей власти.

Сохранилось довольно много свидетельств отношения Александра II к конституции. Особенно ярко его взгляды выражены в беседе с прусским послом О. Бисмарком в Петербурге 10 ноября 1861 года. На вопрос посла о возможности в России конституции и либеральных учреждений Александр II сказал: «Во всей стране народ видит в монархе посланника Бога, отеческого и всевластного господина. Это чувство, которое имеет силу почти религиозного чувства, неотделимо от личной зависимости от меня, и я охотно думаю, что я не ошибаюсь. Чувство власти, которое дает мне корона, если им поступиться, образует бреши в нимбе, которым владеет нация. Глубокое уважение, которым русский народ издревле в силу прирожденного чувства окружает трон своего царя, невозможно устранить. Я без всякой компенсации сократил бы авторитарность правительства, если бы хотел ввести туда представителей дворянства или нации. Бог знает, куда мы вообще придем с делом крестьян и помещиков, если авторитет царя будет недостаточно полным, чтобы оказывать решающее воздействие».

Ставка либеральной бюрократии на превращение самодержавной монархии в «инициативную монархию» оказалась зыбкой и уязвимой с самого же провозглашения отмены крепостного права. Многие реформаторы оказались отстраненными от дела. В письме к брату, Д. А. Милютину, Н. А. Милютин с тревогой писал из Европы в 1863 году: «Нет большего несчастья для России, как выпустить инициативу из рук правительства». И все же, несмотря на отступления, непоследовательность, уступки реакции, Александр II, уже окрещенный «Освободителем», продолжал реформы с большей интенсивностью в первой половине шестидесятых годов, с меньшей — в последующие годы. Однако приверженность прежним устоям дореформенной самодержавной монархии проявлялась не только в неприятии конституции.

«Новая гражданственность» и новый правопорядок хотя и зарождались в результате реформ, но сохранялись традиционные государственность и политическая культура, сложившиеся на основе крепостного права. Россия оставалась страной верноподданных, а не граждан, страной авторитарного режима. Интересным памятником политической культуры того времени являются многочисленные письма Александра II. «Мой народ», «мой наместник», «мои министры» и даже родные братья на государственной службе — «мои слуги». Это обычные обращения, которыми пестрят письма самодержца.

Еще бо́льшую, пожалуй, угрозу для реформ представляла оставшаяся неизменной имперская политика самодержавной российской монархии. Рубежный 1861 год не внес здесь никаких изменений. Прежняя военная направленность бюджета сохранялась: в 1861 году военные расходы составляли 33,6 процента от общей цифры Государственной росписи, в 1862 году — 37,8 процента, в 1868 — 32,5 процента, но фактически они были, по признанию самого военного министра Д. А. Милютина, выше, так как часть военных расходов не вносилась в Государственную роспись. Интересно, что на народное образование приходилось менее двух процентов.

Имперская политика, особенно присоединение и управление азиатскими окраинами, ложилась тяжелым бременем на бюджет. Здесь была сосредоточена треть всей армии, только Кавказ к 1861 году поглощал шестую часть бюджета, а с середины шестидесятых годов началось систематическое продвижение в Среднюю Азию. Компетентные государственные деятели отмечали оскудение центральных русских губерний: в отличие от окраин они не получали дотаций, а ресурсы их растрачивались.

Политический кризис, возникший в России на рубеже семидесятых — восьмидесятых годов, привел к 1 марта 1881 года — трагической смерти царя-реформатора, оборвавшей освободительные реформы его царствования. Вместо конституции Россия получила сначала манифест «О незыблемости самодержавия» 29 апреля 1881 года, а затем «Положение о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия» 14 августа 1881 года. Не созыв выборных представителей земств и городов, а «особые совещания» определяли российскую государственность. По этому «Положению» любая местность могла быть объявлена на чрезвычайном положении, каждый ее житель подвергнут аресту, сослан без суда на пять лет, предан военному суду. Местная администрация получила право закрывать учебные заведения, торговые и промышленные предприятия, приостанавливать деятельность земств и городских дум, закрывать органы печати. Это «Положение», изданное на три года как «временное», возобновлялось по истечении каждого трехлетия вплоть до Февральской революции 1917 года. «Инициативная роль» самодержавной монархии в освободительных преобразованиях, на что делала ставку либеральная бюрократия, была исчерпана мартовскими событиями 1881 года и не только в реальной политике, но и в сознании современников.

Привилегии, выданные в России в 1865 году

...19) Санкт-петербургскому купцу и фабриканту Кумбергу на 3 года на изобретенную им особого рода горелку для ламп, освещаемых керосином; 1 июля.

20) Французскому подданному Людвигу Марвилю на 10 лет на предохранительную оболочку для ушей; 1 июля.

21) Санкт-петербургскому купцу и фабриканту Кумбергу на 3 года на снаряд для усиления света ламп; 8 июля.

22) Купцу Симеису и дворянину Менчинскому на 3 года на самогасительный снаряд для ламп; 8 июля.

23) Иностранцу Горвату на 5 лет на изобретенный прибор для очистки и сортировки пшеничных манных круп; 4 августа.

Просьбы о выдаче привилегий, поступившие в Департамент Торговли и Мануфактуры с 15 июля по 15 августа.

Иностранцев Дютерна и Беже — на металлическую отделку для поршней паровых и других машин, на 10 лет.

Г. Бродвеля — на рельсы и рельсовые подушки, на 10 лет.

Курляндского уроженца Бирсмана — на снаряд для отделения чистой жидкости от находящихся в ней твердых остатков, на 5 лет.

Коллежского секретаря Новикова — на машину для розыгрыша лотерей, на 5 лет.

«Сенатские ведомости», 1865 год.

Утверждается конфирмация...

7 января 1866 году, № 1, главнокомандующего войсками Варшавского военного округа над состоящим по саперным батальонам полковником Никоновым, который за вступление в заведомо противозаконный брак с женщиною при жизни мужа ее, подлог и другие противозаконные поступки исключается из службы.

«Инженерный журнал», 1866 год, № 2.

Воспоминания

Сергей Юльевич ВИТТЕ (1849—1915), министр путей сообщения и министр финансов Российской империи при Александре III и Николае II. После царского манифеста 17 октября 1905 года короткое время был премьер-министром.

Когда я поступил на железную дорогу, то тогда железнодорожное дело находилось еще в самом примитивном состоянии. Все-таки в течение этих сорока лет, прошедших с того времени, железные дороги сделали у нас громадный успех. Если сравнить как полотно железной дороги, так и станционное устройство, а в особенности паровозы и вагоны того времени — с теперешними, то ясно видно, насколько успех, сделанный железными дорогами, велик. Конечно, не может быть проведено никакого сравнения между теперешним паровозом, ведущим скорый поезд, экспресс, с теми паровозами, которые возили с наибольшей скоростью поезда того времени. Это такая же разница, как, можно сказать, между коровой и заводским бегуном.

Сейчас я был на 25-летнем юбилее совета по железнодорожным делам, и там министр путей сообщения Рухлов, между прочим, сказал мне, что он рассчитывает, что у нас больше залежей грузов на железной дороге не будет, «что,— как он выразился,— скоро залежи грузов на железной дороге составят предмет исторических воспоминаний». Но он не объяснил, почему это произошло. А между тем объясняется это очень просто. За последние тридцать — сорок лет, а в особенности двадцать лет, наша железнодорожная промышленность развивалась гораздо быстрее, нежели общий экономический подъем страны.

Если сравнить полотно железных дорог настоящего времени и прежнего времени, то опять-таки между ними окажется такая же разница, как между проселочной дорогой в какой-нибудь Астраханской губернии и прекрасным шоссе в какой-нибудь провинции Франции, то есть опять-таки тут даже никакого сравнения быть не может. Поэтому скорость движения теперь может быть гораздо большая, движение по железным дорогам может производиться теперь гораздо быстрее, а кроме того, и безопасность благодаря вышеупомянутым усовершенствованиям значительно увеличилась.

...Дело в том, что когда я был министром финансов, то наша железнодорожная сеть в последние годы опять начала постепенно давать дефицит. Произошло это вследствие постройки массы политических и стратегических дорог; некоторые из этих дорог в первые десятки лет, во всяком случае в первые годы, не могут давать дохода. Главным образом это относится к тем чисто стратегическим дорогам, которые идут к западной границе, также Сибирская железная дорога и вообще весь Великий Сибирский путь, идущий до самого Владивостока.

...Вскоре я сделался министром путей сообщения и занимал этот пост около восьми месяцев. С Вышнеградским сделался удар. Государь назначил меня министром финансов. Как только я был сделан министром финансов, то почти на другой день — я еще жил в здании министерства путей сообщения — пришел ко мне Александр Федорович Рафалович, глава дома Рафаловичей, старший сын Федора Рафаловича. Я знал его очень давно в Одессе. Когда я его принял, он мне говорит, что пришел ко мне для того, чтобы просить о выдаче ему в ссуду известной суммы денег.

Он рассказал мне, как получил (первую) ссуду, о чем я слыхал от Вышнеградского мельком. Я тогда никаких непосредственных отношений к Государственному банку не имел и это дело знал очень мало, так как мне Вышнеградский сказал по этому делу только несколько слов.

В ответ на просьбу я сказал Рафаловичу: извините, я только что вступил

в управление министерством финансов, вообще я считаю выдачу подобных ссуд невозможной и просить разрешение государя на выдачу такой ссуды ни в коем случае не согласен и этого не сделаю.

Рафалович ответил мне, что, в сущности, ему решительно все равно, выдам ли я ему ссуду или не выдам, но что он мне советует вникнуть в это дело и выдать ссуду, потому что из выдачи этой ссуды он ничего не выиграет, а если я не выдам, то произойдет скандал.

Я спросил, какой же может произойти скандал? Тогда он мне объяснил: та ссуда, которая была ему выдана при Вышнеградском, кажется, в размере 800 тысяч, выдана была кредиторам рубль за рубль, причем было взято в обеспечение их, то есть Рафаловичей, различное имущество, забрано было почти все их имущество; банк непосредственно кредиторам выдал деньги, но этих 800 тысяч не хватило, большинство кредиторов было удовлетворено, а часть не удовлетворена, и вот эти-то кредиторы требуют судебного разбирательства. Таким образом, несомненно, когда это дело явится в суд, то выяснится следующее: Государственный банк взял на себя регулирование дел Рафаловичей и поступил неправильно, потому что, если государство не хотело помочь ему, Рафаловичу, то нужно было назначить конкурс и администрацию на общем основании и тогда каждый кредитор получил бы соответствующее число копеек на рубль; по расчетам Рафаловича выходило, что каждый кредитор получил бы на рубль (который он им должен) по шестьдесят копеек. Тогда дело, с точки зрения закона, было бы совершенно правильно. Правительство не имело права поступить таким образом, чтобы удовлетворить одну часть кредиторов рубль за рубль, так как вследствие этого другая часть кредиторов не получила ни копейки.

На это я сказал Рафаловичу:

— Отчасти вы правы, но тем не менее такое высочайшее повеление последовало; вы, вероятно, ввели в заблуждение Вышнеградского и Государственный банк, указав сумму в 800 тысяч рублей. Нужно было сказать, что вам необходима бо́льшая сумма.

Но он говорит:

— Я не мог просить, чтобы сумма была больше; во всяком случае Государственный банк раньше, чем давать деньги, должен был убедиться, что действительно сумма в 800 тысяч достаточна для покрытия всех долгов.

Я сказал:

— Вы стращаете скандалом, но ведь большого скандала из-за этого не будет.

Он говорит:

— Я не этим стращаю, а тем, что тогда кредиторы непременно на суде начнут разъяснять, почему у меня не хватило денег. Играть злостного банкрота я не желаю, а поэтому я должен буду все разъяснить: из книг будет выяснено, что у меня не хватило денег потому, что я передал Абазе 900 тысяч рублей и внес эти деньги в ссудный банк.

Я был этим крайне удивлен и спросил:

— Каким же образом вы могли дать Абазе 900 тысяч? Что же вы хотите меня уверить, что Абаза мог взять от вас взятку или что-нибудь подобное?

— Нет,— говорит он,— Абаза не брал взяток, а вот как это случилось. Летом я получил телеграмму от Абазы, чтобы я приехал к нему в имение по Фастовской железной дороге, в Шполу.

Когда я туда приехал, то курс рубля начал значительно повышаться, повышение это продолжалось. Абаза мне говорит: «Я хочу,— говорит,— играть на понижение рубля (а в то время, как я уже говорил, рубль все повышался и повышался); поэтому,— говорит,— я вас прошу продавать на мой счет кредитные рубли (иначе говоря, покупать золото). Я вам,— говорит,— буду телеграфировать, сколько покупать и как покупать, а вы мне об исполнении моих приказов отвечайте».

Был установлен для этих телеграмм шифр, то есть условные знаки, чтобы знать, как и что покупать, а также чтобы можно было давать ответы, что я купил то-то.

Я помню, что шифр, то есть условные знаки, были установлены следующие: марки означали, положим, ячмень, фунты — пшеница, франки — кукуруза, так что, например, когда Абаза телеграфировал: купить столько-то пудов кукурузы, то это означало: продать столько-то рублей на франки, то есть, иначе говоря, купить столько-то франков.

Рафалович говорит: когда я получал эти приказы, то я ясно видел, что Абаза играет на понижение рубля, а так как он был в то время председателем финансового комитета, то я не без основания имел право заключить о том, что не мог же он играть не наверняка? Конечно, он играет наверняка, следовательно, ему известно, что кредитный рубль будет понижаться. И вот я, продолжал Рафалович, как банкир, играл точно так же, как и он: Абаза продает рубли и покупает золото, и я покупаю за свой счет золото. Так мы вели это дело несколько месяцев. В конце концов, так как рубль все еще не понижался, то Абаза уже проиграл очень крупную сумму, чуть ли не 800 тысяч рублей, и я со своей стороны проиграл точно такую же сумму. И вот, видя, продолжал Рафалович, такие громадные потери, я решил, что, вероятно, Абаза ошибается, и поехал опять к нему в Шполу. Приехав туда, я говорю: вот какие громадные потери: по-видимому, рубль все будет продолжать повышаться и повышаться. Вероятно, он находится в ошибке?

Он мне сказал: «Это не ваше дело, продолжайте исполнять мои приказы, продолжайте покупать золото и продавайте кредитные рубли».

Но я тогда уже усомнился и думал, что, наверно, Абаза ошибается, а поэтому делал обратное, так что те покупки и продажи, которые он мне приказывал производить за границей, я уже не делал, а все принимал прямо на свой счет. Так, например, он мне говорит: продайте столько-то рублей, а я их, вместо того чтобы продать, покупал своей конторой.

Вышло следующее: сначала рубль продолжал все повышаться и повышаться, следовательно, и потери Абазы все увеличивались, а мои потери начали уменьшаться, но затем курс рубля начал быстро понижаться, и Абаза все то, что проиграл, отыграл, да еще выиграл 900 тысяч рублей. Я же и прежние 800 тысяч проиграл, да еще эти новые 900 тысяч, которые Абаза выиграл, я ему проиграл. Так что у меня вышли громаднейшие потери в несколько миллионов рублей. Вследствие этого мой «Дом» и лопнул. Итак, говорит Рафалович, из этой ссуды, которая мне будет выдана, я не беру ни копейки, все пойдет моим кредиторам. И эту ссуду надо выдать во избежание скандала, так как, несомненно, на суде все будет выяснено, и выйдет громадный скандал: как председатель финансового комитета, действительный тайный советник, статс-секретарь Абаза, председатель департамента экономики, и вдруг играет на повышение и понижение рубля?

Я сначала ему не поверил.

— Что вы мне говорите? А можете вы этому представить какие-нибудь доказательства?

И назначил ему прийти ко мне на следующий день.

Рафалович пришел ко мне на следующий день и показал всю переписку с Абазой, все телеграммы, которые ему давал Абаза, так что нельзя было сомневаться, что, действительно, все эти операции были произведены по приказанию Абазы.

Я начал справляться в министерстве финансов, и действительно оказалось, что когда начал курс повышаться, то раньше, чем министр финансов Вышнеградский решил продавать кредитные рубли и покупать золото, он испросил на это полномочие государя, потому что это ведь громадные операции. Но боясь, что государь не доверится его мнению, Вышнеградский свой всеподданнейший проект доклада послал Абазе, прося его дать относительно этого проекта свой авторитетный отзыв. Абаза, который в это время был председателем департамента экономии и самым влиятельным членом комитета финансов, дал отзыв, что он вполне разделяет мнение Вышнеградского.

Сейчас же этот отзыв Абазы вместе со своим докладом Вышнеградский представил государю. И вот на основании этого всеподданнейшего доклада и началась продажа кредитного рубля и покупка золота почти в течение всего времени нашей поездки, о чем я уже рассказывал. Но тогда я не знал, что все это делается по оформленному всеподданнейшему докладу, утвержденному государем и предварительно одобренному председателем департамента экономии.

Когда я сопоставил числа, то мне сделалось совершенно ясно, что Абаза, получив уведомление о том, что Вышнеградский доложил государю и что государь одобрил предположения Вышнеградского (которые ранее были одобрены и Абазой),— вызвал Рафаловича и с этого времени начал играть на понижение рубля наверняка.

Но покупка золота сразу не могла подействовать на понижение рубля ввиду большого урожая и громадного вывоза хлеба, происходившего в то время,

а поэтому нужно было долго продолжать покупать золото, чтобы достигнуть понижения рубля. В этот период времени, так как Абаза играл на понижение рубля, он и проиграл очень большую сумму, около 800 тысяч рублей, но затем начал отыгрываться, отыгрался и еще выиграл 900 тысяч рублей. А Рафалович проиграл и эти 900 тысяч, да и предыдущие 800 тысяч рублей, да кроме того и свои, когда он, начав играть с Абазою на понижение рубля, усомнился и начал производить обратные операции.

Рассмотрев это дело, я увидел, что оно самое возмутительное, скандальное дело.

И вот я, при первом всеподданнейшем докладе императору Александру III, доложил довольно осторожно, что ко мне обратился Рафалович и просит выдать ссуду и что, мне кажется, ссуду придется выдать.

На это мне император Александр III сказал, что он не согласен на выдачу ссуды, что и ту ссуду, которая прежде была выдана Рафаловичу, он согласился выдать только потому, что на этом особенно настаивал Вышнеградский...

— Ваше величество, к сожалению, я должен доложить, что это дело такого порядка, такого характера, что если не выдать ссуды, то произойдет скандал.

И затем я разъяснил государю, в чем заключается дело.

Прослушав мои разъяснения, государь приказал выдать ссуду. Ссуда эта была выдана под различные обеспечения. От Рафаловича были взяты все обеспечения, которые он имел.

Как только я сделался министром финансов, то сейчас же решил выяснить историю с запиской Циона, при которой был приложен документ, неопровержимо доказывающий, что Ротшильд дал как бы взятку моему предместнику Ивану Алексеевичу Вышнеградскому в 500 тысяч франков.

Так как я узнал из кредитной канцелярии, что все это дело в Петербурге вел Международный банк, то есть директор Международного банка Ласкин и главным образом его сотрудник Ротштейн, который впоследствии сделался директором Международного банка, то я призвал к себе Ротштейна и сказал ему, чтобы он передал мне подробно всю историю, как велись переговоры по поводу этого займа.

Ротштейн рассказал мне следующее: после того как была совершена первая займовая операция с Госкье, Вышнеградский увидел, что группа Госкье в сущности очень слабая и сделать с нею большую операцию нельзя. Поэтому он вошел в сношения с Ротшильдом.

Ротшильд начал вести переговоры, прислал сюда поверенного; другие парижские банкиры, которых Ротшильд взял в свою группу, точно так же прислали своих представителей. Переговоры велись с Вышнеградским. Когда более или менее пришли к соглашению относительно условий займа и шел уже вопрос о том, какие банкиры и банкирские дома примут участие в этом деле, то Вышнеградский сказал, что он желал бы, чтобы в этой операции также приняла участие и та группа Госкье, с которой он сделал первую операцию. Ставил он это условие потому, что, делая первую операцию с Госкье, Вышнеградский как бы обещал ему, что и в дальнейших операциях он будет участвовать. Хотя это обещание было словесное, но в банкирских делах между серьезными банкирами слово — это все равно, что документ.

Когда я был министром финансов, то мне приходилось совершать государственные и финансовые дела на сотни миллионов рублей прямо на слово, и в течение всего моего пребывания министром (а я был министром около одиннадцати лет) я совершал такие дела — на миллиарды и миллиарды — и в моей практике никогда не было случая, чтобы банкиры отступали от своего слова, точно так же, как и мне никогда не случалось отступать от чем бы то ни было от моего слова как министра финансов.

Поэтому довольно естественно, что раз Вышнеградский, хотя и не обязался формально перед Госкье, что в дальнейших операциях его группа будет участвовать, но все-таки словесно обещал, что она будет участвовать, то, очевидно, свое слово ему хотелось исполнить. Поэтому он и выразил это свое желание.

Далее Ротштейн сказал мне, что он снесся с Парижем и Ротшильд ему ответил, что он при всем своем желании быть приятным министру финансов сделать этого не может, так как группа Госкье совершенно от него далека; он с нею никогда никаких дел не имел, не имеет и не желал бы иметь, а потому он на это изъявить своего согласия не может. Этот ответ Ротшильда, данный им в самой

категорнческой форме, Ротштейн передал Вышнеградскому. Вышнеградскнй очень об этом сожалел, но продолжал вести переговоры.

Когда переговоры пришлн уже к концу, то Ротштейн говорнл мне, что Вышнеградскнй позвал к себе Ласкнна н Ротштейна и вдруг нм говорит: «Ну вот, мы с вамн кончнлн дело, н так как теперь остается мне сказать последнее слово, то я хотел бы вам передать следующее: эта операцня, конечно, будет очень выгодна для банкнров, н я счнтаю, что консорцнум, который будет делать заем, должен был бы мне уплатнть комнссню в 500 тысяч франков».

Ротштейн говорнл, что это заявленне пронзвело на него самое удручающее впечатленне, потому что тогда он только что прнехал нз-за граннцы в Россню, где он столько раз слышал о взяточнннчестве, которое существует в Росснн, хотел этому не вернть н вдруг — его разочарованне: мнннстр фннансов н тот проснт за операцню взятку!

Тогда, продолжал Ротштейн, мы, скрепя сердце, телеграфнровалн Ротшнльду. Ротшнльд согласнлся, да он н не мог не согласнться, н поставнл 500 тысяч франков на счет русскому мннистру фннансов.

Вот на другой день, рассказывал Ротштейн, мы пришлн к Вышнеградскому н сказалн ему, что Ротшнльд согласен н перевел 500 тысяч франков. Тогда Вышнеградский начал тереть себе руки н — вы знаете Вышнеградского,— говорнт мне Ротштейн, с такой насмешлнвой улыбкой говорнт нам: ну, теперь, пожалуйста, возьмнте этн 500 тысяч франков н распределнте нх между группой Госкье пропорцнонально участню членов этой группы в первом моем займе, так как Ротшнльд отказал нм в участнн в этом займе, а следовательно, лншнл нх комнсснонной выгоды, которую онн прн займе получнлн бы. Но я, сказал Вышнеградскнй, в отношенни нх более нлн менее обязался, что онн будут участвовать в займе, а поэтому, говорит, я теперь счнтал бы справедлнвым, чтобы Ротшнльд н другне участнннкн займа заплатнлн 500 тысяч франков этой группе. А так как прямо этн деньгн группе Госкье не далн бы, то я н проснл дать этн деньгн мне.

Я тогда очень удивнлся этому прнему н говорю Ротштейну:

— Скажнте, пожалуйста, вы можете доказать, что действнтельно этн 500 тысяч франков получнл не Вышнеградскнй, а их роздалн группе Госкье?

На это Ротштейн ответил мне:

— Я не только могу доказать, но даже могу представнть все расписки этой группы в том, что она получнла этн 500 тысяч франков.

И действнтельно, через несколько дней он представил мне все эти документы.

Все этн распнскн, прннесенные мне Ротштейном, я представил государю, который, с одной стороны, был очень доволен, что выясннлось, что министр его — человек корректный; но, с другой стороны, сделал совершенно правнльное замечанне, что тот прнем, который употребнл Вышнеградскнй, прнем все-такн крайне неудобный, с чем, конечно, я вполне согласнлся.

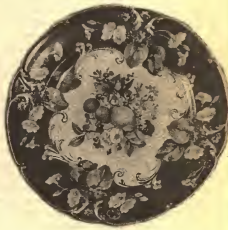
Если нмператор Александр III н настоял на этой мыслн — на учрежденнн ннстнтута земскнх начальннков, то нменно потому, что он был соблазнен мыслью, что вся Россня будет разбнта на земскне участкн, что в каждом участке будет почтенный дворяннн, который пользуется в данной местностн общнм уваженнем, что этот почтенный дворяннн-помещнк будет опекать крестьян, суднть нх н ряднть. Еслн бы эта мысль, эта нднллня вполне н осуществнлась, то н тогда этот ннстнтут не мог бы держаться, нбо он основывается на первнчной погрешностн, которая заключается в том, что в культурном государстве невозможно, нменно невозможно смешнвать власть адмнннстратнвную с властью судебной; власть судебная должна быть незавнснма, так как справедлнвый суд может быть только прн его независнмостн. Первое условие для этого заключается в том, чтобы суд этот во всех своих инстанцнях, от ннза до верха, был совершенно отделен от адмнннстрацнн н был совершенно незавнснм; как только этот прннцнп не соблюдается, сейчас же вместо законностн является пронзвол. В настоящее время мы это вндим в особенности наглядно, когда судебное ведомство утратнло всякую незавнсимость н мнннстр юстнцин Щегловнтов состонт на посылках у мннистра внутреннних дел, председателя Совета мнннстров Столыпнна.

Между тем инстнтут земскнх начальников основывался нменно на смешеннн этих двух функцнй: функцин адмииистратнвной и функцнн судебиой. ●

Заселение и освоение громадных территорий юга России, начатое в XVIII — первой трети XIX века, продолжалось в середине XIX — начале XX столетия в юго-восточном направлении. Процесс этот шел достаточно интенсивно вплоть до революции. На последнее десятилетие девятнадцатого и первые десятилетия нашего столетия приходится освоение северо-восточной части Черноморского побережья. В 1866 году часть эта была выделена в особый Черноморский округ в составе Кавказского наместничества, а в 1896 преобразована в особую Черноморскую губернию с главным городом Новороссийск.

К этому времени вся территория Юга превратилась в органическую часть России. Более того, в рассматриваемый период это ее передовая часть, развивающаяся особенно быстро, особенно успешно, дающая в области архитектурно-градостроительного развития чрезвычайно яркие результаты, с которыми могут соперничать только размах и качественные показатели столиц Российской империи, Москвы и Петербурга, а по уровню развития торговли и промышленности — только Центральный промышленный район во главе с Москвой.

В качестве первой, главной по значению особенности юга России следует назвать пафос освоения новых пространств, пафос пионеров, заселяющих и осваивающих новые земли, создающих новые города, поселки, порты, села.

Но я бы все же сказала, что не Москву можно считать самым показательным примером этого — незатухающего, подчеркиваю,— процесса, у столиц всегда свои, чисто «столичные» особенности жизни, а процесс урбанизации юга России XVIII—XIX веков.

Сразу же вслед за указом 1833 года, которым Азовское море было объявлено «свободным для практического плавания», правительство начало одновременно предпринимать меры и для привлечения населения в не освоенные еще районы. Главным средством государственной политики впервые становится не казачья военная колонизация, а торгово-ремесленный люд.

В Ростове-на-Дону, который уже в 1835 году перестает значиться укрепленным городом, учреждается таможня. Этими законодательными актами завершилась история крепости святого Дмитрия Ростовского и началась история превратившегося на рубеже XIX и XX веков в крупнейший на юго-востоке России центр международной и внутренней торговли города Ростова-на-Дону. Одновременно предпринимаются меры по созданию сети торговых портов непосредственно на морском берегу. В 1835 году, то есть одновременно с открытием таможни и превращением Ростова в морской порт, основывается в Бердянском заливе Азовского моря порт Бердянск; указом от 1 января 1841 года ему придается статус уездного города. В 1846 создаются порты и города при них на северо-восточном побережье Черного моря — Анапа и Новороссийск (у основанной в 1836 году в Цемесской бухте крепости), в 1848 выходит указ «Об открытии на Азовском море, в пределах Войска Черноморского, портового города Ейска».

Доводы, выдвигаемые в пользу устройства каждого из новых городов, однотипны: необходимость оживления и освоения богатейшего, но остающегося пустынным края, необходимость создания порта для удобного сбыта за границу производимых в прилегающих к порту степях продуктов сель-

Перефразируя слова поэта Н. Тихонова, можно сказать, что в каждой капле прошлого скрыт поток, который потом назовут закономерностью исторического развития. Градостроительство юга России XIX века — один из таких потоков.

Е. Кириченко,
доктор архитектуры

Свободны для практического плавания

ского хозяйства и освоения прибрежной территории. Чтобы привлечь жителей во вновь создаваемые города на достаточно длительный срок, их освобождали от уплаты налогов и предоставляли безвозмездно участки под застройку — на тридцать лет для Анапы и Новороссийска, на пятнадцать — для Ейска и на десять — для Темрюка.

Быстрота реакции и молниеносность воплощения в жизнь идеи создания Ейска — свидетельство тому, что руководство края было готово воспринять идею основывать новые портовые города, воспринять чрезвычайную необходимость этой идеи. Ибо только так можно было оживить торговлю, интенсифицировать сельское хозяйство и, наконец, привлечь население из центральных районов России в южные. Потому что организованная правительством военно-казачья колонизация для освоения южных территорий была явно недостаточной. В 1859 году кавказский наместник обращается с ходатайством «об открытии при Азовском море портового города Темрюка» и обосновывает его «ейским примером»: «В немногие годы своего существования он принес краю неисчислимые выгоды,

«Знание — сила». Февраль 1992

сильно развив в прилегающих к нему местах земледелие и дав новую жизнь торговой промышленности».

Новая жизнь ассоциируется с торгово-промышленным предпринимательством.

Так, на юге закладывается иной, новый по отношению к господствовавшему в XVIII — первой трети XIX века в России в целом по преимуществу административному, а на окраинах, в том числе южных окраинах, административно-оборонительному, механизм градообразования. Впервые содержанием государственной политики в области градостроительства и расселения становится экономический фактор. Впервые в специфических условиях юга России складывается отношение к экономическим стимулам и торговле как к наиболее эффективному средству обеспечения прогресса социального развития. И само правительство руководит этим процессом.

Это не значит, что теряют свое значение другие, традиционные для города функции — культурная, административная, официально-представительная. Речь идет лишь о наметившейся смене факторов, определяющих процесс градообразования. История кубанских, приазовских, терских, ставропольских городов и городских по внешнему виду и образу жизни селений — это драматичная история постепенного вытеснения казачьей организации новой, представляемой иногородними пришельцами, носителями иного, капиталистического образа жизни. Это обстоятельство представляется очень важным.

Кроме знаменательного самого по себе продолжения восходящей к XVIII веку интенсивной деятельности по созданию новых городов и разработки для них оснований на принципах регулярности планов, во второй трети XIX века на юге России впервые обнаруживается, и притом в достаточно широком масштабе, действенность принципиально новых стимулов градостроительного развития. Первым типом города, где сказалась эта переориентация, были приморские портовые города, возникавшие как новые центры международной торговли.

В отличие от юга в центре России новые тенденции в градостроительном развитии связаны с процессом формирования совершенно новых, не известных до сих пор в России типов поселений — фабричных сел (поселков, небольших городов). Опять-таки в отличие от юга в центре России он имеет характер свободного от влияния регламентирующих государственных инициатив естественноисторического процесса.

Во второй половине XIX века действенность новых градообразующих факторов обнаружилась в полной мере. В это время юг России превратился в один из важнейших в экономическом отношении регионов страны, а урбанизация приобрела масштаб и темпы, не сопоставимые ни с одним из других регионов империи.

Новый период в градостроительном развитии юга открывается началом шестидесятых годов. К общим для всей страны поворотным событиям — реформам, главной из которых была отмена в 1861 году крепостного права,— присоединяется еще одно, сугубо местное, но оказавшее чрезвычайно существенное влияние на судьбу южных городов обстоятельство — завершение в 1864 году кавказской войны. Этим был окончательно предопределен результат обозначавшегося в тридцатые — сороковые годы отмирания крепостной функции городов юга России. Исчезновение военной угрозы ознаменовалось своего рода символическим актом — «открытием» через два года после завершения войны портовых городов Анапы и Новороссийска не как крепостей, а только как торговых портов. Эпоха военно-административных городов-крепостей бесповоротно уходит в прошлое.

Для второй половины XIX века к числу главных факторов градостроительства принадлежит и железнодорожное строительство. Именно оно придало необратимость наметившемуся во второй трети XIX века процессу трансформации городов юга России из военно-административных центров в торговые. Самые процветающие, наиболее интенсивно растущие поселения юга России — это торговые центры; как и всюду, это селения, куда пришла железная дорога. К развитию пароходства, в немалой степени благоприятствовавшему сравнительно быстрому росту портовых городов, начиная с шестидесятых — семидесятых годов, прибавляется железная дорога, и ей теперь принадлежит решающая роль в судьбе городов — придут ли они в упадок или расцветут.

Особенно бурно идет развитие поселений там, где есть и пароходство, и железные дороги. Интересно, что портовые города юга России стали главными пунктами притяжения железнодорожных линий не только региона, но и страны в целом. В портовые города Черного и Азовского морей в первую очередь потянулись линии из глубинных сельскохозяйственных районов, горнодобывающих центров, столиц, от Балтийского и Каспийского морей бассейна Волги.

Превращение России в крупнейшего в мировом масштабе экспортера пшеницы и других сельскохозяйственных продуктов не отделимо от бурного роста торговых операций в южных городах. Крупные приморские города юга во второй половине прошлого столетия — это по преимуществу торговые города.

Быстрый и неуклонный рост Одессы начался после учреждения в 1857 году главного общества пароходства и торговли, развернувшего особенно активную деятельность с 1862 года и с началом превращения города в крупнейший торгово-транспортный узел страны. В Одессе в 1866 году насчитывалось 120 тысяч жителей, в 1873 — уже 193 515 человек, а спустя еще двадцать лет, в 1892 году,— 336 тысяч жителей. И самые высокие за всю вторую половину XIX века темпы роста Одессы совпадают с годами превращения ее из портового города в важнейший транспортный узел, куда сходятся морские и сухопутные пути, прежде всего железнодорожные. За первой, сооруженной в 1865 году железнодорожной линией до Балты последовало строительство других. Рельсовый путь соединил Одессу с наиболее развитыми городами Украины — Харьковом, Киевом, Екатеринославом, центром России, с Москвой, западными областями и Петербургом.

Симбиоз «порт — железная дорога» появился и обрел значение самого мощного по своему воздействию градостроительного фактора во второй половине XIX века. На юге России комплекс «порт — железная дорога» ранее всего и в наиболее грандиозных и характерных для этого времени формах сложился в Одессе: развитая система заградительных молов и выступающих далеко в море причалов, складских помещений и эстакад, электростанция и другие технические устройства считались в конце 1870-х — начале 1880-х лучшими в мире.

Аналогично идет развитие Ростова. Город за четверть века, минувшую после прокладки железной дороги, превращается в подлинную столицу Приазовья и один из самых значительных центров юга России. В 1846 го-

ду в Ростове насчитывалось более 9 тысяч человек, в 1869 — 38, а уже в 1897 — 120 тысяч.

Независимо от конкретных особенностей место для пассажирской станции за редким исключением в России выбирается на окраине населенного пункта, южные города в этом смысле не представляют исключения, но всегда в удобной связи с торговыми, привозными, ярмарочными и т. д. площадями, в конце или на продолжении трассы улиц, ведущих к общественному и торговому центру, а в таких городах, как Ростов или Одесса, и к порту.

Удобству связи с историческим центром города неизменно уделяется большое внимание. Вокзал превращается в один из мощнейших очагов роста города. Близ пассажирской станции сооружаются мастерские, одновременно вырастает поселок для служащих железной дороги, давая жизнь новому городскому образованию и стимулируя застройку недавно пустынной окраины.

О силе воздействия железной дороги на судьбу поселения косвенно свидетельствует настойчивость, с какой обойденные железной дорогой города добиваются подводки железнодорожного пути, и прямая зависимость их судьбы, их процветания, подъема или упадка от выбора трассы рельсового пути.

Здесь как пример характерна судьба Ставрополя. Это самый старый город из северокавказских столиц. Он возник как один из пунктов созданной Г. А. Потемкиным линии крепостей от Моздока до Азова, прикрывавшей путь на Дон и Царицын, в 1778 году. В 1847 году, после преобразования Кавказской области и учреждения Ставропольской губернии, город стал губернским. К тому времени здесь уже были гимназия и театр, построен военный госпиталь, разбиты парки. После реформы 1861 года Ставрополь превратился в крупный центр по торговле хлебом и скотом. Строительство Владикавказской железной дороги, обошедшей его, нанесло сильнейший удар процветавшему городу. Хлебные грузы, сельскохозяйственное сырье и скот потянулись к станциям железной дороги — Курсавке, Минводам, Армавиру, Тихорецкой. Проходившие через Ставрополь гужевые дороги утратили государственное значение и превратились в сугубо местные. Двадцать лет «отцы города» и его жители прилагали отчаянные усилия, чтобы Ставрополь соединился с железной дорогой. Усилия увенчались успехом лишь в 1893 году, когда была построена ветка на Ставрополь от станции Кавказская, что дало городу выход к новороссийскому порту.

И началось возрождение Ставрополя, к нему вновь потянулись грузы из степных станиц. Линию «Кавказская — Ставрополь» из-за обилия грузов, предназначенных на экспорт, прозвали «хлебной дорожкой». Но наверстать упущенное Ставрополю уже не удалось — в конце прошлого века он сильно отставал не только от Ростова и Екатеринодара, но и от Новочеркасска (в 1897 году в нем насчитывалось всего 41 590 жителей).

Словом, интенсивнейший процесс урбанизации юга России, набиравший силу на протяжении XVIII—XIX веков, был обязан своим возникновением уникальному соединению географических и природных данных региона: его богатейшим почвам, огромным неосвоенным пространствам и близости Черного и Азовского морей. Уже не окно, а широко распахнутые в Европу ворота представляет собой непрерывно и интенсивно развивавшаяся система портов, специализировавшихся на вывозе продуктов сельского хозяйства, производившихся в основном на юге России и в приволжских степях. Эта ориентация на юг, вовне, к морю характерна для региона. Он превратился в своего рода узел, место притяжения потока товаров с Волги, с Каспия, с востока и юга, откуда товары расходились по всей России.

В настоящее время оба поселения очень невелики: в Ново-Животинном по переписи 1897 года значится 96 дворов с населением 664 человека, а в Моховатке 65 дворов с 399 жителями.

Жители, великороссы и православные, частью обрабатывают землю, частью уходят на сторону искать заработка. Получив при освобождении даровой, так называемый «нищенский», надел, они почти не имеют своей земли для посева и арендуют по соседству у землевладельца; иные дворы и вовсе не занимаются

Репин И. Е., «Крестный ход в Курской губернии», 1880—1883 (фрагмент).

Вымирающая деревня

Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда (1901 год)

Андрей Иванович ШИНГАРЁВ (1869—1918), земский врач, либеральный деятель*

земледелием, пробиваясь скудными заработками в соседних владельческих экономиях или уходя на сторону. На этой же почве разыскивания побочных земледелию занятий развился здесь питомнический промысел, и уже издавна берутся дети на воспитание из воронежского земского приюта для подкинутых детей.

В самом селе и прилежащей деревне нет ни больших торговых заведений, ни постоялых дворов, трактиров и проч. Имевшиеся до 1900 года кабаки закрыты с введением казенной продажи водки, а казенной лавки в селениях нет. Существуют лишь две мелочные лавочки с крайне незначительным запасом товаров и копеечным оборотом. Близость Воронежа, а главное — небольшой размер поселений служат тому достаточными причинами. Продолжительность единственной в селе ярмарки, бывающей раз в год в день Вознесения, весьма невелика, не более половины дня. Торговля ограничивается некоторыми предметами сельского хозяйства и домашней утвари — телеги, колеса, оси, бороны, лопаты, горшки, ложки и прочее составляют почти исключительно весь товар, не считая сластей и детских безделушек — дудок, свистулек и т. д.

Школа существует давно, а здание ее, выстроенное вновь десятка полтора лет тому назад, весьма просторно, светло и удобно. Культурный уровень населения не отличается от окружающих сел и деревень; такое же ужасающее невежество, непонимание и незнание почти всего, что выходит из тесного кругозора земледель-

* *А. И. Шингарев.* Вымирающая деревня, СПб, 1901 год.

ческой жизни, масса предрассудков и суеверий, живущих с незапамятных времен. В Ново-Животинном лишь немногим менее 1/3 всего взрослого мужского населения едва знает грамоту, а среди женщин в десять с лишком раз меньше грамотных, чем среди мужчин. В Моховатке же, отстоящей от школы в $1^1/_2$ версты, грамотных среди мужчин всего только 16 процентов, а из женщин ни одна не знает грамоты. В настоящее время в Животинном посещают школу меньше половины всех мальчиков и меньше 1/5 всех девочек. В Моховатке 3 школьника на всю деревню являются в своем роде исключением среди поголовного отсутствия детей в школе. Необходимость с самого раннего возраста отдавать детей внаем, недостаток теплого платья и обуви для детей зимой и невозможность приобрести детям кое-какие учебные пособия — вот, по словам крестьян и местного учительского персонала главные причины малолюдства школы. Да и те мальчики, которые посещают школу, уделяют ей очень немного времени. Занятия начинаются необычайно поздно, не раньше начала или даже половины ноября месяца, когда школьники, бывшие подпасками, поденщиками, служившие в экономиях, покончат сельскохозяйственные занятия. Короткое учебное время до начала, много — средины марта, полно манкировок, и многие ученики не могут аккуратно посещать школы, то в силу недостатка одежды, то занятые домашними работами.

Жилые строения расположены тесно, избы и дворы непосредственно соединяются друг с другом и соседними постройками, составляя почти непрерывную цепь строений. Это объясняется крайним малоземельем, что заставляет дорожить каждым аршином земли. Наиболее часты усадьбы в 6—7 сажен*, а есть усадьбы даже 4—5 сажен ширины. Половина этого пространства занята избой, а остальное приходится на плохонький и тесный дворишко. Ни садов, ни рощи не имеется в обоих селениях ни у одного домохозяина.

Изба почти квадратная, с сенями с правой или левой стороны, расположена фасадом на улицу и имеет по этой стороне два окна, во двор выходит одно окно. Двор огорожен обычно плетневым забором; этот же забор составляет и стены идущих кругом двора навесов и помещений для скотины. Свободная площадь двора не больше 20—40 квадратных саженей. В избу вход из сеней, прямо против входа помещается русская печь, занимающая значительную часть помещения, кругом стен идут лавки, в углу от входа стоит один обеденный стол, в углу против отверстия печи небольшой поставец или полки для посуды. От печи к противоположной стене идут под потолком полати, впрочем, не во всякой избе.

Крыша жилых строений — все та же солома, играющая в обиходе местной крестьянской жизни поистине универсальную роль. Это — и кормовое средство, и подстилка для скота, и постель для самого хозяина, это и топливо, это и строительный материал. После ржаного хлеба солома — главный продукт сельского хозяйства, и отсутствие ее — своего рода особенное бедствие.

Размеры самих изб довольно разнообразны и варьируются приблизительно от 16 до 81 кв. аршин** площади пола. Стены изб внутри обмазаны глиной и затем побелены известкой. Потолок деревянный, смазанный глиной, сверху на нем насыпается сухой навоз, торф или листья для большей теплонепроницаемости.

Чистота помещения в условиях великорусской крестьянской жизни — явление вообще мало встречающееся, а при незначительных размерах изб, большом количестве земляных полов и пр., она еще более редкая случайность. Умываются прямо над полом, если нет лохани; кое-какие отбросы стряпни попадают тоже на пол. В большинстве изб, где зимует скотина, а таких изб 87 процентов в Животинном и 98 процентов в Моховатке, на пол стелят солому. Больные, хилые и малолетние члены семьи отправляют свои естественные нужды именно на эту солому. Пол зимой в избе, если он деревянный, всегда покрыт значительным слоем жидкой и вонючей грязи; если он земляной, его поверхность — вязкая, липкая и еще более зловонная грязь. Моется пол не больше 2—3 раз в год, там, где он деревянный, или мажется новой глиной 1—2 раза в год,— где он земляной. Благодаря грязному содержанию жилища и редкой очистке его, избы кишат насекомыми.

Для искусственного освещения везде исключительно употребляется керосин, окончательно вытеснивший традиционную «лучину».

Особых отхожих мест для людей во дворах почти нигде не устраивается. В большинстве случаев человеческие экскременты рассеяны под навесами, на дво-

* Сажень — 213,36 сантиметра.
** Аршин — треть сажени.

рах или на задворках и пожираются свиньями, собаками и курами, являющимися в роли ассенизаторов.

Продовольствие населения представляется весьма интересным при наличности плохого экономического положения. Мною оно выведено сообразно общему плану исследования, статистическим путем.

Потребленные пищевые продукты за 1900 год

В скольких дворах потреблялся продукт:

	Ново-Животинное			Моховатка		
	Свои	Куплен.	Отсут.	Свои	Куплен.	Отсут.
Ржаной муки	66	55	—	58	52	—
Картофеля	84	23	—	66	7	—
Пшена	77	23	1	58	15	—
Масла конопл.	1	88	1	70	—	—
Капусты кочан.	—	54	36	—	60	10
Огурцов	13	37	49	1	20	49
Сахара	—	13	47	—	40	30
Чая	—	42	48	—	9	61
Водки	—	83	7	—	69	1
Говядины	31	36	32	33	28	16
Свинины	44	2	44	25	1	44
Рыбы свежей	1	19	70	1	17	52
Кур	87	—	3	66	—	4
Молока	49	—	41	52	—	18
Масла коровьего	34	2	54	45	5	20

Целый ряд дворов, не имеющих возможности купить капусты, огурцов, мяса; целые семьи — без молока в течение круглого года! Да разве это не хроническое недоедание, не ужасная постоянная нищета, питающаяся ржаным хлебом, изредка кашей, и опять-таки хлебом и больше ничем.

Суточное количество продуктов (в граммах) на 1 душу населения

	Ново-Животинное	Моховатка
Ржаной хлеб	725	693
Картофель	246	222
Пшено	131	112
Масло конопл.	3	2
Капуста кочан.	25	62
Огурцы	3	2
Сахар	1	0,3
Водка	5	3
Говядина	13,5	17
Свинина	9	6
Рыба свежая	1	0,3
Куры, утки	3	2
Молоко	183	257
Масло коровье	0,4	1

Высокая смертность всего русского крестьянского населения — факт давно установленный статистикой. Воронежский уезд даже в России выделяется повышенной смертностью, занимая в этом отношении одно из первых мест, а Животинский приход даже в этом неблагополучном уезде попал в разряд самых неблагополучных и по малому приросту стоит впереди всех остальных.

Никакие мероприятия здесь не мыслимы без обеспечения населения землею, и это обеспечение должно, по-моему, составлять ближайшую и главную цель в практических мероприятиях. Без земли вымирающее Животинное так и останется вымирающим. Животинские и Моховатские обыватели ежеминутно, ежесекундно, во всех своих разговорах и рассказах об их горестях, не перестают употреблять слово «земля, земля, земля...». Без земельного обеспечения едва ли возможно говорить об улучшении их санитарного благосостояния. Чего ждать там, где люди хронически голодают, где жизнь наполнена непрерывной и безуспешной борьбой за самый малый и плохой кусок хлеба... ●

Из жизни научной общественности

К 1855 году Московское общество испытателей природы (МОИП) насчитывало 376 членов. Общество вело интенсивную научную жизнь: заслушивались доклады, снаряжались экспедиции, цель которых — изучение богатств Российской империи, издавался «Бюллетень». Вот лишь несколько штрихов для иллюстрации сказанного.

В протоколах МОИП за 1860 год имеется любопытнейшее сообщение: профессор Соколов доложил о теории бальзамирования тел и операции вливания крови в вены живого человека, которая им проведена «с полным успехом» еще в 1847 году одному больному, страдавшему холерой. Всего лишь через десять лет после смерти Пушкина...

Здесь же находим документы о том, к примеру, что в 1871 году в Персию была снаряжена экспедиция, организаторов которой — Кашкина и Млокосевича — благословило на научные подвиги Московское общество испытателей природы: «оказало им моральную поддержку».

Занималось МОИП и просвещением широкой публики. Например, в 1871—1872 годах цикл лекций в Москве прочитал известный астроном Ф. А. Бредихин (1831—1904). Федор Александрович, как свидетельствуют современники, умел «заинтересовать даже плохо знакомых с астрономией лиц мастерским изложением подчас весьма сложной темы». Москвичи буквально валом валили на его блестящие лекции, которые затем были напечатаны в журнале «Природа». Бредихин, кстати, был президентом МОИП в 1886—1890 годах, а также создателем всемирно известной с первых же лет Пулковской обсерватории.

МОИП вело активный обмен коллекциями и научную переписку с зарубежными обществами, университетами. Восторженную, но, полагаю, справедливую оценку этим связям дает один из членов МОИП: «Едва ли есть одно ученое общество в Европе, которое бы не ценило... трудов Московского общества испытателей природы... Ему шлют дань уважения ученые общества и ученые знаменитости... всех стран света, даже самых отдаленных, как Америка, Австралия и т. д., и не напрасно ценятся труды его всем светом так высоко». Речь идет о пятидесятилетнем юбилее МОИП, который в 1855 году пышно отмечали наши предки. И еще добавим к сказанному: в архиве МОИП хранятся до сего дня письма этих европейских знаменитостей — Берцелиуса, Араго, Дарвина, Гумбольдта.

В середине века, хотя полнокровно функционировали МОИП и другие общественные организации, объединяющие интеллектуальные силы России, в частности Минералогическое общество, появилась потребность постоянного общения и у специалистов, стоящих ближе к промышленно-экономической жизни государства: у инженеров, химиков, физиков — экспериментаторов и практиков. Создается ряд новых научных обществ: ИРТО — Императорское русское техническое общество (1866 год), РФХО — Русское физико-химическое общество (1878 год). Оба они, несомненно, оказали заметное воздействие на духовную жизнь страны, на единение интеллигенции.

Императорское русское техническое общество началось с «Технических чтений», организованных для сплочения творческих людей России в зимы 1864—1865 и 1865—1866 годов. Можно однозначно считать: именно эти, возможно, первые в нашей стране чтения «содействовали скорейшему осуществлению Русского технического общества». Цель «Технических чтений» — достижения науки сделать достоянием широкой инженерной и научно-педагогической общественности.

В числе одиннадцати учредителей ИРТО мы видим очень крупные научные фигуры, назовем хотя бы одного из них — М. Н. Герсеванова (1830—1907), представлявшего военных инженеров. К слову, инициатива в организации чтений исходила как раз от Михаила Николаевича, его перу принадлежал и проект устава РТО.

В Большой Советской Энциклопедии (1971 год) читаем: «Герсеванов Михаил Николаевич — русский инженер-строитель и ученый в области гидротехники. В 1851 окончил Главное инженерное училище в Петербурге; с 1857 преподаватель этого училища... В 1868—1883 — главный инженер гражданских сооружений на Кавказе, где под его руководством строились шоссейные дороги. С 1883 по 1901 — директор Института инженеров путей сообщения в Петербурге. В 1885—1893 — заместитель председателя комиссии по устройству коммерческих портов... В его труде «Лекции о морских сооружениях»... дано теоретическое обоснование процессов взаимодействия морских сооружений с окружающей средой».

Герсеванов еще в 1862—1868 годах консультировал и инспектировал строительство и реконструкцию многих крупных портов, примерами отсюда и пополнялись его лекции. Эти его трехтомные «Лекции о морских сооружениях», которые издают сначала литографическим способом, а потом типографским в качестве специального приложения к «Инженерному журналу», и принесли штабс-капитану Герсеванову, читавшему лекции в Инженерной академии, научную славу: Петербургская Академия наук 5 июня 1863 года присудила за этот труд половинную Демидовскую премию*.

Предки Герсеванова, Герсеванишвили,— выходцы из Грузии, и он отдал дань уважения и любви своей прародине, став создателем Грузинского отделения ИРТО. В 1872 году руководимое им отделение представило на Московскую политехническую выставку свой отчет о преобразовании края и интересные экспонаты. Среди них была богатая коллекция каменных строительных материалов, собранная Михаилом Николаевичем лично. Эта коллекция удостоилась Большой золотой медали выставки.

В. Тархановский

* Демидовская премия — в России XIX века высшая награда за творческие достижения — присуждалась собранием Академии наук. Премии учреждены промышленником П. Н. Демидовым (1798—1840).

Из отчета по Отделению физических наук Московского музея прикладных знаний за 1877—1878 годы

...4. Д. П. Езучевский сообщил о средствах пользоваться фотографией при путешествиях и экскурсиях, причем показал и описал изобретенную им походную камеру для фотографирования на сухих пластинках...

9. М. К. Сидоров прислал записку о шуме, треске и красоте северных сияний по ту сторону Урала...

Кроме того, в заседаниях Отделения были показаны новые приборы и новые опыты, а именно: 1) телефоны Бэлла, 2) сигнальные телефоны Сименса со свистками, 3) электрическое копировальное перо Эдисона.

Слово,

сказанное законоучителем Василеостровской женской гимназии священником Ф. П. Ставровским по случаю счастливого избавления государя императора от злодейского покушения 2 апреля.

Во всех петербургских женских гимназиях 9 апреля пред началом уроков были отслужены благодарственные молебствия по случаю счастливого избавления государя императора от грозившей ему опасности. В Василеостровской гимназии законоучитель священник Ф. П. Ставровский пред началом молебна сказал следующее слово.

— Двоякого рода чувства наполняли сердца русских людей за пережитую неделю. Эти одно другому противоположные чувства знакомы каждой из вас и, без сомнения, чередовались и в вашей душе. С одной стороны — чувство сердечного негодования к гнусному злодеянию, с другой — чувство благодарности к тридневно воскресшему Спасителю, третий раз спасшему нашего царя. Оба чувства весьма естественны в русском человеке и невольны. Невольны потому, что основаны на свободном чувстве любви к нашему монарху.

Вообще естественно народу любить своего монарха. Но справедливость требует сказать, что немногим царям выпадало на долю пользоваться такою общею народною любовью, какою пользуется наш государь. Про это знают друзья наши и недруги. Чем же он заслужил такую общую любовь? Перечислять здесь все благодетельные реформы его царствования — значит повторять давно знакомые вам вещи. Народ так привык соединять эти реформы с лицом нашего государя, что они являются в представлении всех как бы необходимыми его спутниками. Заметим только, что преобразования эти, затрагивая иногда сословные интересы, почти всегда встречали препятствие к своему осуществлению. Только любовь царя к народу могла преодолеть эти препятствия. В силу этой же любви он всегда дорожил благосостоянием и жизнью своих подданных. Не водил он своих миллионных полков на помощь личному венценосному другу или в отмщение личному врагу. А когда не пришлось, не по его воле, мирным путем освободить одноплеменных братьев от тяжкой неволи, сколько страданий он перенес? Сколько времени он провел на бранном поле, среди неудобств и лишений походной жизни? Сколько переболел душою за своих подданных, находившихся в бою? Не он ли первый опускался на колена, молясь за павших в бою наших с вами братьев и родных? Так любить свой народ может не всякий венценосец! И этих кратко намеченных черт достаточно для того, чтобы из них сложился в нашем представлении величавый светлый образ великодушного, любящего, доброго царя. И на этого вестника народной свободы поднять руку! За человека страшно. Страшно поднять руку просто на человека, тем страшнее поднять ее на своего благодетеля...

«Женское образование», 1879 год, № 4.

Хронология

1870. *Денонсация Россией ограничительных статей Парижского договора.*
1871—1872. *Ф. М. Достоевский, «Бесы».*
1873—1874. *«Хождение в народ» революционной молодежи.*
1874. *Военная реформа.*
1876—1877. *Л. Н. Толстой, «Анна Каренина».*

Установившееся было между обществом и либеральным правительством entente cordiale совершенно порвалось. Прошло «десять лет реформ», а «венца здания» нет как нет. И увлечение «либеральными начинаниями», и вера в «благие намерения» правительства стали проходить... И по мере того, как правительство самым решительным образом вступает на путь реакции, урезывая, искажая и совсем отымая у общества то, что оно только, так сказать, накануне дало ему, общество становится все более и более оппозиционным.*

Оно открыто заявляет свое недовольство. Оно начинает даже фрондировать. Дворянские общества, городские и земские, учреждения «бьют челом» царю по тому или другому поводу. В ответ на все эти «челобитни», «ходатайства» и адресы — административные кары и взыскания, репрессии и репрессии, безумные и суровые. Реакция все более затягивает свою мертвую петлю над страной.

Выдающиеся общественные деятели, городские и земские, подвергаются тяжелым карам: удаляются, смещаются с должностей, заключаются в тюрьмы и отправляются в ссылку.

К концу 70-х годов «великие реформы» — крестьянская, земская, судебная и проч.— оказались до того искалеченными и урезанными разными «циркулярами» и «административными усмотрениями», что в них «либерального» ни одного грана не осталось.

О. Аптекман,
революционер-народник

* Сердечное согласие (*франц.*)

Фотопостановка С. Савельева

Историческая ситуация, в которую попало Российское государство после татаро-монгольского нашествия, была трагична. Последовательный «европейский» путь становления государственности через рост городов, развитие ремесел и торговли, через образование «среднего сословия», главной опоры и в то же время постоянного оппонента центральной власти — этот путь был заказан России, попавшей под тяжкое чужеземное иго. А между тем только единое сильное государство могло спасти страну от полного разорения, а народ — от физического уничтожения. Его необходимо было создать, невзирая на отсутствие необходимых условий.

И такое государство здесь возникло. Оно с лихвой оправдало возлагавшиеся на него надежды, сбросив ненавистное иго, собрав воедино огромный комплекс земель, обретя огромную мощь, внушавшую соседям страх и почтение... Но великолепие это дорогого стоило. А. И. Герцен, много размышлявший о судьбах своей родины, писал: «...Россия была спасена; она стала сильной, великой — но какой ценой? Это самая несчастная, самая порабощенная из стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни». Теперь необходимо было обустроить Россию внутренне. И вот тут-то выяснилось, что успешное решение этой задачи невозможно прежде всего из-за характера самой государственной власти. На протяжении веков она становилась все более единоличной и деспотической, уничтожая все, что в какой бы то ни было степени стесняло и ограничивало ее. Поэтому главным залогом преобразования России должны были стать принципиальные перемены в характере самой власти. И все-таки это было внешнее, хоть и необходимейшее условие. Существовало и внутреннее. Столетия зависимости от татаро-монголов, навязанная ими структура фискальных учреждений от самого верха и до низа кардинально изменили стереотип поведения русского человека, развив в нем черты низменные — холуйство, раболепие, приниженность. Апатия, равнодушие, скука царили в обществе. Необходимы были кардинальные перемены и долгий путь постепенных перемен к лучшему.

Раздел III

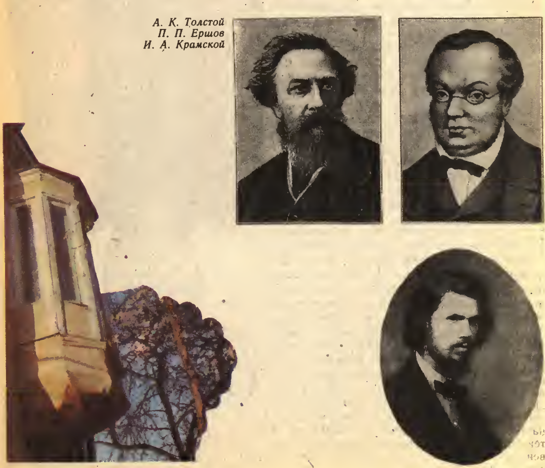
Общество

Хотя вопрос о границах литературных эпох и не решается с жесткой хронологической точностью, все же отделить вторую половину XIX века от первой сравнительно просто.

А. Немзер

«Многоуважаемый шкаф» или «Трудное время»?

Достаточно отчетливый разлом в культурном развитии приходится на последние годы царствования Николая I. Молодые писатели, к 1846—1848 годам заявившие ключевые позиции в словесности, по разного рода причинам замолчали: эмиграция Герцена, гражданская смерть петрашевца Достоевского, привычная для историков литературы, но совсем иначе воспринимавшаяся неосведомленными о будущем современниками пауза в работе Гончарова обозначили обрыв естественного развития искусства слова. «Натуральная школа» вдруг перестала быть силой и могла показаться эпизодом без продолжения. Цензурный гнет если и не определял, то удачно аккомпанировал молчанию: Григорович и Дружинин так и остались авторами «Антона-горемыки» и «Полиньки Сакс», ушел в историческую науку

А. К. Толстой
П. П. Ершов
И. А. Крамской

П. Н. Кудрявцев, явно законсервировалась писательская манера И. И. Панаева, Некрасов (пусть автор нескольких шедевров) и Тургенев (пусть уже работающий над «Записками охотника») еще не обрели того авторитета, что появится у них к концу пятидесятых годов. Деятельность «молодой редакции» «Москвитянина» не обретает подобающего резонанса. Символом ситуации порубежья становится отсутствие «центральной натуры», лидера, вне энергетического поля которого нельзя представить себе эпоху и ее противоречивые составляющие.

Это было, как выяснилось, надолго. И это было ново. В 1800—1810-х годах словесность жила «в присутствии Карамзина» — ни резкий «антикарамзинизм» многих литераторов, от Шишкова и Крылова до Катенина и Кюхельбекера, ни стремление самого автора «Бедной Лизы», превращающегося в творца «Истории Государства Российского», уйти от литературных споров картины в сущности не меняли. В 1820—1830-х годах словесность жила «в присутствии Пушкина» — здесь, кажется, и оговорки не нужны. В 1840-х номинальным патриархом был Гоголь; реальным выразителем духа времени — раздражавший современников, особенно старших, и вызывающий противоречивые чувства у потомков Белинский. Именно в связи с ним и была произнесена Тургеневым емкая формула — «центральная натура».

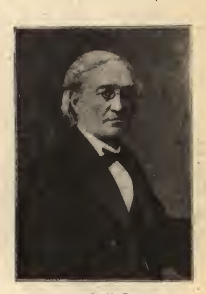
«Хорош» был Белинский или «плох» — вопрос деликатный, бесконечно запутанный идеологами, выдающими себя за историков, и, главное, имеющий к нашей проблеме косвенное отношение. Важно то, что мы не можем представить себе, пожалуй, ни одного значимого явления в словесности и культуре 1840-х годов, которое существовало бы помимо Белинского. В 1848 году он умер — культура лишилась нервного центра.

Через четыре без малого года занавес над первой половиной века опустился окончательно: культура утратила национальный идеал, воплощенный в живом, хотя и молчащем писателе. В сознании литераторов будущей эпохи смерть Гоголя соединилась со смертью Белинского (как во многом и их жизненные дела). Иначе кончина автора «Мертвых душ» воспринималась людьми, духовно возмужавшими прежде 1840-х годов: в небытие уходила карамзинско-пушкинская эпоха.

Мудрый С. Т. Аксаков, как раз умевший находить общий язык с поколением детей, умевший воспитать собственных сыновей, ставших хранителями семейной и исторической, а через то — духовной традиции, умевший как раз в пору «промежутка» создать шедевры прозы, равно ориентированные на прошлое и будущее словесности, друг Гоголя и вдумчивый наблюдатель долгой литературной истории счел возможным поставить смерть великого писателя в несколько неожиданный ряд: «Недаром считают високосные года тяжелыми годами. Ужасен настоящий високос для русской литературы!

21 февраля потеряли мы Гоголя, 12 апреля — Жуковского и, наконец, 23 июня — Загоскина».

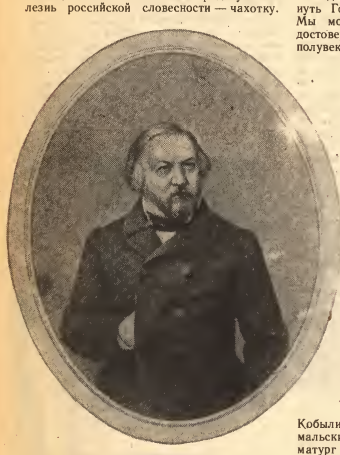
Новый период русской словесности начинался с чувства сиротства — большего, чем от смерти Карамзина и даже Пушкина. Оно возникало оттого, что некому было принять на себя функцию лидера — лидера не кружка или группировки (таких всегда в избытке), но самого времени, всегда противоречивого и свободного, способного на неожиданности.

Ф. И. Тютчев

Цельность натур Карамзина, Пушкина, Белинского не отменяла ни их принципиальной способности к эволюции (то есть соположенню собственного опыта с духом не стоящей на месте истории), ни их напряженного внимания к чужим (и даже чуждым) голосам. Яростный полемист, журнальный боец, часто действовавший резко и нетерпимо, Белинский все же не был узким доктринером. Не случайно его наследие стало объектом критических «войн» между Чернышевским, Дружининым, Аполлоном Григорьевым; не случай-

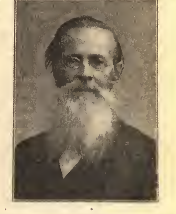
но радикальный отказ от этого наследства стал в повестку дня лишь на исходе века, когда традиция либерально-радикальных истолкований одновременно окаменела и измельчала; не случайно воззрения Белинского последних лет вызывают и сегодня напряженные споры. Белинский умирал в тот момент, когда перед ним открывались разные дороги, когда смысловое пространство отечественной культуры было готово принять разные обличья, и еще неизвестно, как бы дело пошло, одолей «неистовый» родовую болезнь российской словесности — чахотку.

И. С. Тургенев

Эту «открытость», кстати, чувствовали люди, неплохо знавшие Белинского,— очень по-разному решал в разные моменты вопрос о том, что сталось бы с Белинским, переживи он 1848 год, Достоевский, допускавший даже превращение ведущего критика западнических журналов в славянофила.

Все вышло иначе. Не только потому, что Белинский умер, но и потому, что аналога ему во второй половине XIX столетия не нашлось. Споры пушкинской поры были иногда не менее жестокими, чем разногласия революционных демократов, либералов, «почвенников» и «охранителей», но это были споры в едином смысловом пространстве, которое исчезло в 1860-х годах. Культура раздробилась.

Мы можем, занимаясь, к примеру, Достоевским, скрупулезно анализировать его противостояние с Тургеневым, или с «бесовским» лагерем, или с Лесковым и лишь исследовательской корректности ради помянуть Гончарова, Фета или Островского. Мы можем написать более или менее достоверную хронику литературных событий полувека — и в ней забыть о Сухово-

А. Н. Майков

Кобылине (про которого всякому мало-мальски искушенному читателю ясно: драматург гениальный). Мы почти не сопрягаем поэзию (исключение, по-своему подтверждающее правило,— Некрасов) и прозу, хотя умеем видеть в романах Толстого и Достоевского истоки ахматовской лирики и, думается, скоро поймем, сколь существенно наследие Фета, Полонского, Майкова для генезиса «ретроспективной» прозы XX века (Бунин, Шмелев, Зайцев и даже Набоков). Неисчислимые ссоры и примирения русских классиков суть знаки той же децентрализованной ситуации: то, что Тургенев ссорился чаще других — свидетельство не его тяжелого характера, но тургеневского стремления

взять на себя роль «центральной натуры» (как это получалось, описано в «Бесах»).

В средостении литературного процесса оказался не писатель, а читатель, причем не столько реальная аудитория, достаточно к концу века расширившаяся, сколько аудитория заведомо потенциальная, пока не соприкасающаяся со словесностью в силу абсолютной или относительной неграмотности, но оттого еще более дорогая.

Стоит процитировать Достоевского: «...в нашей литературе совершенно нет, никаких книг, понятных народу. Ни Пушкин, ни «Севастопольские рассказы», ни «Вечера на хуторе», ни сказка про Калашникова, ни Кольцов (Кольцов даже особенно) не понятны совсем народу». Или: «Нет, Некрасов пока еще — лишь поэт русской интеллигенции, с любовью и со страстью говоривший о народе и страданиях его той же русской интеллигенции». Подобные — только более категоричные, а оттого менее интересные — высказывания Толстого у всех на памяти, как на памяти и страстное желание Толстого обрести «новый» язык.

Вспомним еще слова художника, не столь идеологизированного, работавшего на редкость спокойно, без зримых срывов и кризисов, да и размышляющего о народности тоном победителя. В начале декабря 1869 года Островский писал обуреваемому хандрой и недугами Некрасову: «... мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без кабинетного западничества и без детского славянофильства». Заметим, что патента «народного поэта» лишаются не только «западники» и «славянофилы», но и не названные Тургенев, Гончаров, Писемский, Толстой, Достоевский, Щедрин... Проблема остается, хотя мыслится как счастливо разрешенная — Некрасовым и Островским. И надо думать, Некрасовым — не только автором поэмы «Мороз, Красный нос», о которой Островский высоко отзывается в том же письме, но и редактором журнала, книгоиздателем, ходатаем по чужим литературным делам — деятелем просвещения, имеющим выход на максимально широкую аудиторию. Островским — создателем национального театра (наиболее демократиче-

Открытие памятника А. С. Пушкину

ский для той поры вид искусства), в качестве какового он и мыслил себя сам.

Злая эпиграмма Н. Ф. Щербины «Со взглядом пьяным, взглядом узким, / Приобретенным в погребу, / Себя зовет Шекспиром русским / Гостинодворский Коцебу», Он сумел «претворить» наилучшие стереотипы старого театра, переиграв на их «поле» сочинителей вроде Кукольника или творцов пьесы «Тридцать лет, или Жизнь игрока».

Мощь драматургического, театрального мышления Островского прямо связана с его же театральной «ограниченностью». Островский не только быстро оставил опыты в прозе — он отказался и от вакансии «первого писателя», фактически пожертвовал литературой ради более «народного» и надежного театра.

Положение Некрасова во многом сходно. Здесь тоже была выучка у врага: от «бряцания» бенедиктовской школы до фельетона, от ультраромантической прозы до водевилей — Некрасов выстраивал себя и в пору сборника «Мечты и звуки», и в пору деловито-прозаической ориентации 1840-х годов. Тоже была установка на массовость: по-своему — на городского «получитателя», захватываемого и подчиняемого всеми журнальными средствами, вплоть до «модных» картинок; по-своему — на мужика, который должен распознать знакомые фольклорные звуки в «Коробейниках». Здесь тоже была жертва: журналистика (в которой Некрасов был первым) казалась — и вполне оправданно — «народнее» и надежнее литературы.

С историко-эстетической точки зрения все это привело к радикальной реформе русского стиха и поэтического искусства — плохо понятой современниками поэта, пожалуй, если отвлечься от ее эмоциональной окраски, оказалась полноценной и редкостно точной характеристикой только встающего на свою дорогу драматурга. Островский хотел быть — и стал — русским Шекспиром, создателем принципиально разнообразного репертуара, в общем-то достаточного для нормального функционирования театра. Поэтому комедия характеров уживается в его драматургической системе с исторической хроникой, сказка — с политической сатирой, психологическая драма — с пьесой-«пословицей». Поэтому же такое значение имеют в «пантеоне» Островского пьесы о людях театра — «Лес», «Таланты и поклонники» — исповедания веры автора. Островский понимал, что стать «Шекспиром» можно, лишь учитывая вкус «гостиного двора», воспитанный «Коцебу». Он знал, что без мелодраматического эффекта нет полноценной драмы.

Репин И. Е. Портрет Л. Н. Толстого, 1887.

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

АННА КАРЕНИНА

Томъ I

изданіе пятое

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и К°), Леонтьевскій переулокъ, домъ Лаврова.
1886.

за исключением Н. Н. Страхова, энергично освоенной и продолженной в веке будущем (символистами, футуристами) и блестяще интерпретированной литературоведами-«формалистами». Человечески это переживалось мучительно — уверенности в себе Островского Некрасов отнюдь не разделял.

Здесь легко соскользнуть в политико-психологические сферы — начать разговор о компромиссах Некрасова с властями предержащими, о тяжести разрыва с друзьями молодости, о непростых отношениях с Чернышевским и кончить понятной сентенцией, что лучше бы поэту в журналистику не соваться. Оно и правильно — настоящие «первые журналисты», хозяева прессы, если и грешат изящной словесностью, то не всерьез и ненадолго: имена Сенковского и Суворина говорят сами за себя. Только в памяти

Перов В. Г. «Тройка». Ученики-мастеровые везут воду. 1866.

культуры остаются все же другие редакторы: в XX веке — Твардовский, в XIX — Некрасов. И, что не менее важно, без журнальной тяготы и «жертвы массам» Некрасов не смог бы стать собой, не смог бы написать «Тишину», «Рыцаря на час», «Мороз, Красный нос», «О погоде», «Балет», «Современников». Некрасов мучился не только из-за политических компромиссов — ему казалось, что он беспрестанно впадает в собственно эстетические грехи.

Об этом отчетливо сказано в далеко не лучшем некрасовском стихотворении, где на вопрос Поэта: «Так я, по-твоему,— великий, / Повыше Пушкина поэт? / Скажи, пожалуйста?!», Гражданин отвечает: «Ну нет! / Твои поэмы бестолковы, / Твои элегии не новы, / Сатиры чужды красоты, / Неблагородны и обидны, / Твой стих тягуч». Спорить с приговором Гражданина, переосмысливать его станем мы, но не сам Некрасов, на протяжении всего творческого пути не перестающий оглядываться на оставшуюся в прошлом недосягаемую эстетическую норму — Пушкина и поэтическую культуру пушкинской поры.

Не только Пушкин, но и «микроскопические» поэты 1820—1830-х годов для Некрасова не теряют вполне обаяния; не одна ирония слышна в сетованиях «человека... принадлежащего к отживающему поколению» (рецензия на «Дамский альбом...», 1854): «Мне жаль, что нет таких поэтов, / Какие были в оны дни,— / Нет Тимофеевых, Бернетов, / (Ах, отчего молчат они...) / ... Что нет Туманских и Трилуниых, / Не пишет больше Бороздна, / И нам от лир их сладкострунных / Осталась память лишь одна...»

Даже те, кто категорически утверждают, что писать «по-пушкински» ни в коем случае не следует, одновременно тоскуют о том, что ныне так писать никто не может. Отсюда резко противоречащие друг другу, но тяготеющие к превосходной степени, к полюсам, оценки Пушкина Львом Толстым. Отсюда же ирония в отношении ушедшей эпохи у, казалось бы, родного ей Тургенева: чрезвычайно двусмысленное описание дворянской культуры в «Отцах и детях» (Николай Петрович с виолончелью и томиком Пушкина) нельзя списать полностью на призму базаровского нигилизма. Восхищение и отрицание пронизывают друг друга, оскомина от недосягаемого винограда обнаруживается у самых разных литераторов и в то же время именно эта эпоха, утратившая пушкинскую свободу и гармонию, пушкинскую культуру письма и идею «союза поэтов», выговорила сакраментальное: «Пушкин — наше всё».

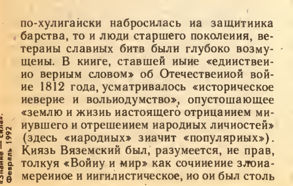
Сказал это, как известно, Аполлон Григорьев, прежде потерпевший поражение с «монументализацией» Островского,— и на этот раз попал в точку. Писаревский бунт (который можно было бы свернуть в нечто вроде: «Пушкин — наше ничто и нам никто») лишь подтверждал своеобразный синдром неполноценности, переживаемый эпохой.

На таком фоне и речь Достоевского, и полемика вокруг нее уже не кажутся чем-то удивительным. Спор шел не о том, насколько значим для «децентрализованной» культуры Пушкин (ясно, что сверхзначим), но о том, кто ближе к Пушкину, то есть к искомому смысловому центру: «По-видимому, умный Тургенев и безумный Достоевский сумели похитить у Пушкина праздник в свою пользу»,— раздраженно писал Островскому Щедрин (и, говоря объективно, он «схватил» долю истины).

Поразительно, но именно «эффект оглядки» странно роднит активнейших литераторов эпохи с теми, для кого лучшие дни остались в прошлом. Старшие живут благоухающим преданием, потихоньку создавая

миф о «золотом веке»: привкус чуть приторной идеализации ощутим ие только в статьях и воспомииаииях сеитимеитально-доброго Плетиева, ио и в сочииеииях гораздо более трезвых Вяземского, Погодииа, Греча, Соллогуба. Прошлое музеефицируется: тесиая связь Грота с Плетиевым, коитакты Бартеиева с Вяземским и другими «хранителями предаиия» способствуют стаиовлеиию иовейшей филологии и в то же время упрощают облик ушедшей поры, иивелируют ее коифликтиость, которую будет открывать XX век. С какого-то момеита «предаиие» мыслится самодостаточиой цеииостью.

Разрыв с карамзииско-пушкинским периодом сказывается не только в рефлексиях иад поэтическим словом, мемуариых самоутверждеииях или улюлюкаиье молодцов из «Искры». Утрата реального переживаиия истории иалицо — в годы, когда словом «история» кто только ие козыряет. Толстой пришел к «Войне и миру» от замысла «Декабристов»: апология «целостиой» культуры, противопоставлеииой иынешией дробиости, была его задачей (уже поставлеииой в «Двух гусарах»). Нам кажется, что задача решеиа, и более чем убедительио.

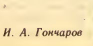
Не то думали первые читатели. Если радикальиая критика (и/или фельетоиистика)
по-хулигаиски набросилась иа защитиика барства, то и люди старшего поколеиия, ветераиы славиых битв были глубоко возмущеиы. В киите, ставшей ныие «едииствеиио вериым словом» об Отечествеииой войие 1812 года, усматривалось «историческое иеверие и вольиодумство», опустошающее «землю и жизиь иастоящего отрицаиием мииувшего и отрешеиием иародиых личиостей» (здесь «иародиых» зиачит «популяриых»). Киязь Вяземский был, разумеется, ие прав, толкуя «Войиу и мир» как сочииеиие злоиамереииое и иигилистическое, ио ои был столь же несомиеиио прав в другом: Толстой уже ие чувствовал растаявшего аромата, ие мог передать грации и пластики иачала XIX века. Люди той поры вели себя и иа ратном поле, и иа дуэли, и иа балу ииаче, чем киязь Аидрей, Пьер или Долохов: их прирождеииая артистичиость, повышеииая семиотичность поведеиия, театральиость, переходя-

А. П. Бородин

И. Н. Крамской

В. В. Верещагин

И. К. Айвазовский

И. А. Гончаров

Перов В. Г. Портрет А. Н. Островского, 1871.

щая в патетчиость, для Толстого были фальшью, приметиой в противиых автору персонажах (сеитимеитальная игра Бориса Друбецкого с Жюли Карагиной, ее корреспоидеиции кияжие Марье, Элеи в театре, Алексаидр I, равияющий битву с парадом, и т. п.). Толстовская психологическая изощреииость и критика «героизма» казались прототипам его персонажей, постояльцам в чужом времени, злопыхательской клеветой. Любопытио, что казус этот (несколько ииаче, ио типологически сходно обстояло дело с «декабристскими» поэмамн Некрасова) приключился ие с разиочинцем из поповичей, поклоииником прогресса и дарвииизма, но с корениым российским дворяиином, отставиым офицером, хорошо зиавшим, что такое сословиая, фамильная корпоративиая честь. Приключился ие с поздиим Толстым, сознательио старавшимся уйти от прежних иорм, ио с Толстым, готовым дразиить «демократическнх» гусей, вполне искрение, хоть и с иажимом декларирующим, как раз в связи с «Войной и миром»: «Жизнь чиновников, купцов, семинаристов н мужиков мие иеинтересиа н иаполовииу не-

понятна, жизнь аристократов того времени (а ими-то и были яростно нападавшие на толстовский роман А. С. Норов и князь П. А. Вяземский.— *А. Н.*) благодаря памятникам того времени и другим причинам мне понятна, интересна и мила».

Историческая и эстетическая дистанции, как видим, подразумевали друг друга. Словесность строила себя как антинорму (вынужденную или желанную) по отношению к норме пушкинской поры. Понятно, почему вторая половина XIX века мыслится эпохой решительного преобладания прозы над поэзией.

Для подобного суждения есть основания, но отделить их от давно установившихся мифологем порой затруднительно. Роковую роль играет здесь самосознание эпохи. Так Достоевский мог в тютчевском некрологе назвать поэта одним из «продолжателей пушкинской эпохи», полностью попадая в унисон с той тенденцией в истолковании поэтического дела Тютчева, что господствовала в культурном сознании с начала 1850-х годов. Тютчева могли любить, могли глубоко чувствовать его художническую неповторимость, но все же числился он по «пушкинскому ведомству». Эту ситуацию в корне переосмыслил XX век. Драматична и судьба Полонского — банальный фон, антипоэтический настрой эпохи и отчасти собственная невзыскательность гениального лирика, чаще, чем должно, шедшего на поводу у достаточно безвкусного канона (и в «гражданских», и в «описательных», и, что всего горше, в «романсных» стихах) превратили поэта в сознании современников в «одного из многих». Полонского мерили Ратгаузом и К. Р., он словно слился с системой общепоэтических штампов, нейтрального лиризма, предчувствовавшегося в 1860-е и накликанного к 1880—1890-м. В результате даже Блок стеснялся своей любви к Полонскому — поэту, которому он обязан очень многим.

Послепушкинское падение культуры стиха было не столько объективным процессом, сколько результатом общественного ожидания, общественного антипоэтического настроя. Наследником Пушкина готовы были признать академичного много пишущего Майкова, хотя его разнородные экзерсисы свидетельствовали лишь о многообразии потенций русской стиховой культуры. Живи Майков в начале нынешнего века — и мы бы имели второго Брюсова, сознательного «расширителя» тематического, стилистического, метрического диапазона русского стиха. Характерно, что ни Майков, ни более одаренный, а подчас действительно поэтически смелый Мей не воспринимались как «новаторы»; их либо не замечали, либо приписывали к минувшему периоду. Здесь видно различие между «поэтической» и «прозаической» культурами: в первой поэт-экспериментатор будет фигурой почитаемой, сама работа над словом и стихом — ценимой и осознаваемой как фундамент будущей словесности (Брюсов-новатор); во второй такой же поэт предстанет законченным консерватором, если и имеющим заслуги перед кружком чудаков, то не имеющим будущего, продолжения — уж точно (мало отличимый от Брюсова Майков).

Впрочем, вопрос о будущем поэзии в повестке дня попросту не стоял (сравним радикально иные положения и во времена Пушкина — Лермонтова — Баратынского, и во времена Блока — Маяковского — Пастернака). Крупнейшие поэты второй половины XIX века, пережив короткий успех в начале поприща, становились в дальнейшем объектами более или менее энергичной травли за никчемность (она же ретроградность). Признание ждало в грядущем. Кого более скорое и широкое — так случилось с Фетом, канонизированным символистами, думается, не в последнюю очередь благодаря Владимиру Соловьеву. Кого — более медленное и эзотеричное: так произошло со Случевским, предсказавшим многое в поэтической практике Анненского, Ходасевича, Пастернака, Заболоцкого, но оставшегося «поэтом для немногих». Кого — парадоксально замаскированное: редкий ценитель поэзии обходит сердечным сочувствием единственного настоящего продолжателя «пушкинского периода» в прозаический век, рыцаря поэзии и свободы А. К. Толстого, однако услышать о нем суждение, достойное его дарования и вклада, привнесенного им в отечественную культуру, тоже весьма трудно.

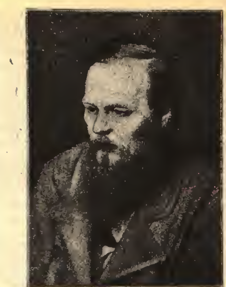
Вторая половина XIX века была не так уж бедна поэтами, но признать в тогдашнем стихотворце Поэта — достаточно сложно. Как Пушкин своим соседством поднимает престиж не только Дельвига или Катенина (поэтов и впрямь значительных), но и Туманского или Плетнева, так децентрализованное антипоэтическое время ватой укутывает неповторимые голоса.

Превалирование прозы над поэзией вовсе не вело к повышению уровня нестихотворных текстов. Средний литератор, более или менее изживший романтические стереотипы, оказывался в крепких жанровых тисках: нравоописательный очерк (способный разбавляться подробностями, склеиваться со сходными без особых композиционных вывертов и эксплуатировать пестроту российской жизни до такой степени, что на него можно клеить более престижный ярлык романа), психологическая повесть (с «проблемным» героем, раз и навсегда задан-

ным набором его душевных состояний и комплектом статичных, тоже не слишком неожиданных персонажей) и мечта о большом сочинении, способном разрешить все насущные вопросы современности.

Жанровую свободу мог позволить себе артистичный и внимательно приглядывающийся к европейскому опыту и движению поэзии Тургенев. Он перемежает «правильные», газетно актуальные, стихотворчески лаконичные и оттого композиционно выверенные, подобранные одногеройные романы (всегда с небольшой долей символики, начиная с «Дворянского гнезда», заявляемого названием) более поэтичными повестями, в которых есть место даже «таинственности», не то напоминающей об ушедшей моде 1830-х, не то пророчащей моду 1900-х. Он продолжает пополнять «Записки охотника» — самую свободную свою книгу. Способен на смелый эксперимент — «Стихотворения в прозе». При внешней пестроте его художественная система едина и узнаваема — все держится на стиле, том самом правильном, готовом перейти в будущие сборники диктантов русском языке, что заменил ему Бога. Тургенев — идеальный посредник между русской и западной (тогда это значило — французской) культурами, его перемещения из Спасского в Париж не только свидетельствуют о личных предпочтениях, но и носят знаковый характер.

Совсем иначе, жанрово сосредоточенно работает неспешный Гончаров: все три романа обстоятельны без занудства и искусственного накачивания материала, сконцентрированы на одном-двух героях без ущерба для персонажей второго плана (вроде Захара в «Обломове», бабушки или Тушина в «Обрыве»), а главное — дают ощущение психологической неисчерпаемости личности, будь то дядя и племянник Адуевы, Обломов и Штольц, Вера и Райский. Плавное, «равнинное» течение сюжета (почти неприметного в «Обыкновенной истории», почти символического в «Обломове», более традиционного — вот они, родимые пятна антинигилизма! — в «Обрыве») позволяет героям, в общих чертах понятным с самого начала, раскрывать медленно, словно сбрасывая один маскирующий слой за другим, свою душу: психологическая достоверность незаметно перерастает в устойчивую символическую обобщенность, летописная тональность дает особое звучание привычным сюжетным положениям. Жанровая победа одержана — писать «под Гончарова» невозможно, как невозможно было избежать влияния Тургенева. Сущностный оппонент Тургенева, Гончаров задавал словесности меру неэкстравагантной самобытности, напоминал о значительности, даже монументальности литературы и писательского тру-

Ф. М. Достоевский

М. П. Мусоргский

И. С. Аксаков.

да, не обязательно посвященного воссозданию в слове «последних вопросов». Необходимые своей полярностью Тургенев и Гончаров, каждый по-своему, создавали идеальную норму русского романа, к которой неизадачливо стремились средние литераторы. Да и не только средние.

Отношения с «большой формой» худо складывались даже у Лескова и Щедрина. Оба блистательных миниатюриста потратили массу сил на создание обреченных на пробуксовку романов или «квазироманов». «Изограф» Лесков, равно свободный в «народной легенде» и газетном фельетоне, мемуарном наброске и историческом изыскании, сатирической зарисовке и простодушно-риторической апологии праведника, более того, умеющий подсветить один жанр

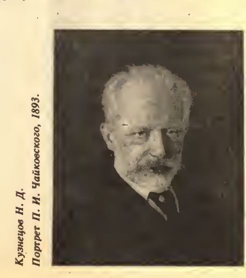
И. Е. Репин

другим, замаскировать один под другой, счастливо играть с читательским ожиданием, терял большую часть своего большого стилистического дара, соприкасаясь со сложной композицией романа. Задачу он решал по проверенным методикам («Некуда», «На ножах») либо бросал на полпути («Захудалый род»), видимо, чувствуя, как слабеет на большом просторе его словесный узор. Даже в гениальных «Соборянах» сюжет мешает рассказу.

Щедрин в большой форме слога не терял (впрочем, и слог был не столь изощрен, как у Лескова, если не считать отдельных страниц «Губернских очерков» и «Истории одного города»). Это вело к невообразимому эффекту. Роман или хроника разваливались на фразы, словно предназначенные для цитатника. Фраз было много больше, чем в нормальном щедринском журнальном опусе, интерес к которому держался во многом читательским знанием затекстовой реальности, знанием, подразумевающим лихорадочное ожидание: а что по этому поводу скажет? как здесь цензуру объегорит? Роман же требовал внутритекстовой связи блестящих фраз и словечек, то есть чуждого Щедрину композиционного мышления, требовал развития героя (либо усложнения авторского к нему отношения). Результатом было недоумение: если Иудушка Головлев такой мерзавец, то почему не остановиться на первой его характеристике? если герои «Современной идиллии» могут только «годить», то не достаточно ли первой главы?

Романные неудачи крупных писателей свидетельствовали о неблагополучии сверхпрестижного жанра отчетливее, чем даже череда сочинений многочисленных беллетристов разных идеологических установок и равной неспособности к свободному мышлению в слове. Тем важнее главные свершения русской романистики — пять книг Достоевского, три книги Толстого.

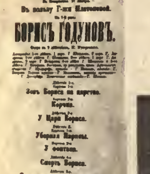
Эти романы существуют помимо норм объясняющей до конца и опредмечивающей мир и человека прозы XIX века. Мистериальная энергия повествования о свободной душе, пребывающей одновременно «здесь и сейчас» и в вечности, радостное открытие полноты бытия в каждом его «фрагменте» равно минуют ловушки детерминизма, ритуализованного психологизма, сжатого круга узнаваемых второстепенных персонажей. Какой тут детерминизм, если человек свободен, если мир бесконечен! Какая тут «психология», если битву за душу ведут Бог и дьявол, если каждое душевное движение подразумевает бесчисленное количество

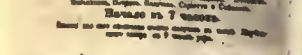

Кузнецов Н. Д.
Портрет П. И. Чайковского, 1893.

М. И. Глинка

Афиша премьеры оперы «Борис Годунов» 27 января 1874 года.

А. Г. Рубинштейн

сцеплений с другими, неведомыми и невидимыми! Какой тут узкий круг «знакомых незнакомцев», делящихся на героев и статистов, если души проницают друг друга, если люди сущностно равны как дети единого Мира!

Ясно, что Достоевский и Толстой отменяют эстетический (и стоящий за ним мировоззренческий) канон по-разному. Ясно, что подходы их к человеку и миру не тождественны, а с какой-то точки зрения непримиримы. Ясно, что Достоевский уходил из капкана современности, опираясь на открытия не столь уж бесполезного романтизма, а Толстой окликал еще более далеких предков — писателей эпохи чувствительности. Но ясно и другое — ориентация обоих классиков на мучительно постигаемую христианскую традицию. Традицию бездумно принимаемую, нигилистически отвергаемую, политизируемую, эстетизируемую — возможны варианты — многочисленными современниками великих писателей.

Речь идет не о мере ортодоксальности, но о возрастании искусства на христианской почве, чего не отменяют ни сомнения Достоевского, ни прямая ересь Толстого. Открытые как творческим перетолкованиям XX века (Пастернак, Солженицын), так и безмерному «уплощению» и опошлению «обучениых на классике» «инженеров человеческих душ», художественные системы Достоевского и Толстого не оставляли места «среднему» реализму. История его трансформаций и мутаций (Куприн, Бунин, Горький) принадлежит другой культурной эпохе. Но...

Несмотря на свершения Толстого и Достоевского, «средний» реализм одержал пиррову победу в новеллистике Чехова. Появился писатель, не то чтобы неспособный, но принципиально не желающий брать на себя назначение «центральной натуры», писатель, сделавший скромность (личную, ми-

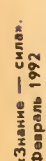

Крамской И. А. «Христос в пустыне». (Фрагмент.)

ровоззренческую, эстетическую) своим символом веры, появился писатель, обошедшийся без романа (все же не без мечты о романе). Чехов строит свой мир на руинах окружающей словесности, он пишет не о людях, но о персонажах Гончарова, Тургенева, Лескова, Толстого, Лейкина, не о мире, но о его отражениях в писательском, газетном, дневниковом, фольклорном слове. Верность факту превращает бытие в систему объектов для идеально продуманных рассказов. «Реализм» становится «литературностью». Детерминизм упирается в скрыто ироничеcкий эстетизм.

Не за горами был XX век, когда подобный расклад удивляет только читателей казенных учебников. Не за горами было время, остро нуждающееся в своей легенде о прежней целостной и героической литературе. Показательно, что умные художники новой эпохи (Ахматова, Мандельштам) старались не пустить именно Чехова в эту крепнущую и в принципе разделяемую ими легенду.

Мифологизация русской словесности второй половины XIX века начиналась с похорон — Некрасова, Достоевского, Тургене-

ва,— перерастающих в манифестации. Пережившие эпоху патриархи становились необыкновенно дорогими для молодых поколений. Не только опальный Щедрин встречал умильные взоры будущих бомбометателей — другая молодежь почтительно любовалась Полонским и Случевским, готовилась к «канонизации» Тютчева, Фета и Владимира Соловьева. Позднее случались комические курьезы: так, эгофутуристы хотели признать отцом-основателем скромного лирика Фофанова. Новые литераторы нуждались в великих предках, что не мешало, а помогало им размышлять о причинах упадка в русской литературе.

К началу XX века вопрос о «центральной натуре» решается сам собой: рядом с новыми писателями-реалистами, декадентами, традиционалистами, мистиками, натуралистами и т. п., рядом с новыми общественными деятелями — революционерами, постепеновцами, консерваторами, черносотенцами — жил Лев Толстой. Умный Суворин сравнивал его с самодержцем. Решающий очередную тактическую задачу Ленин именовал «зеркалом русской революции». Крупнейший поэт не только говорил, что Толстой мешает ему писать стихи, но и назвал статью о нем «Солнце над Россией». Последнее определение, не так уж скрыто цитирующее известный некролог Пушкину, вое пространство XIX века полностью, но не сможет и вытеснить другого на периферию культурного сознания. Невозможно стало отделить Толстого и от остальных крупных писателей, превращающихся в хор при корифее. Система, исчезнув, обретает мнимый центр, Толстой, переживший всех, обращается в смысл эпохи, героизируемой и поэтизируемой.

Процесс этот имел две выраженные фазы: первая пришлась на эпоху символизма и постсимволизма, немыслимую вне «творимой легенды», форсированной мифологизации недавнего минувшего; вторая — на послеоктябрьский период. Общеизвестная вывихнутость гуманитарного сознания этой, все еще «нашей» эпохи не могла не наложить отпечатка на образ второй половины XIX века. Как ни странно, мы лучше представляем себе реальность запретного или полузапретного до недавних дней Серебряного века или отдаленной пушкинской поры, чем облик обсуждаемого периода. Классика второй половины XIX века не только почитаема, но и читаема (вопрос — как). Это «многоуважаемый шкаф» нашей нивелированной культуры, что-то симпатичное, почтенное, требующее струящихся слез и затуманенных улыбок и — кол и очень припрет — годное на утилизацию. Эпоха Толстого и Достоевско-

ВЫСТАВКА

КАРТИНЪ

Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ

21-го МАРТА

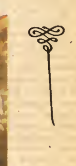
открыта въ залѣ Политехническаго музея отъ 10 час. утра до 4 час. по полудни.

СЪ ПЛАТОЮ ЗА ВХОДЪ 20 КОП.

Дѣти до 10-лѣтняго возраста платятъ 10 коп.

Перов В. Г., «Сельский крестный ход на Пасхе», 1861.

было не только точным, но и знаковым.

При всей мощи его авторитета — морального, религиозного, писательского — в последние годы жизни автор «Воскресения» был не только собой, но и полномочным представителем ушедшей эпохи. Толстой — хотел он того или не хотел — воплощал в себе всю классическую литературу. Его уже невозможно было отделить от Достоевского. Кажется, этого и не случится — ни один из гигантов не сумеет подчинить себе смысло-го, Тургенева и Гончарова, Лескова и Герцена, Тютчева и Полонского, Фета и Островского, Сухово-Кобылина и А. К. Толстого, Аполлона Григорьева и Страхова заслуживает лучшей участи, чем выслушивать комплименты Гаевых любой ученой степени. Золотого века не было. Было, пользуясь названием романа писателя-шестидесятника В. А. Слепцова, «трудное время». В том числе для словесности. ●

зданиями. На этих заводах обрабатывают всю кожу с крупного убойного скота, который убивается в Петербурге. Выделывают подошвенный товар, так называемое «мостовье».

Годовое производство кож в Чекушах простирается до 200 тысяч штук. Кроме того, сюда же из Америки привозят ежегодно 30 тысяч кож, которые идут в Петербург на кораблях морем, по 10 тысяч кож на каждом корабле.

В Чекушах находится самый огромный кожевенный завод в России г. Брусницына. После пожара он отстроен заново, со всеми новейшими приспособлениями по кожевенному производству. На заводе г. Брусницына выделывается в один год 80 тысяч кож от черкасских быков и 30 тысяч от американских быков. Кожевенное производство — очень грязная работа. В Чекушах — постоянное зловоние. Когда с моря дуют ветры, то запах кожи уносится далеко, в самый город.

«Пролетариат и уличные типы Петербурга», СПб, 1895 год

БУДНИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Спуск броненосного судна в Санкт-Петербурге

14 августа 1865 года в один и три четверти часа пополудни с эллинга завода гг. Семенникова и Полетики в присутствии господина управляющего морским министерством генерал-адъютанта вице-адмирала Николая Карловича Краббе былъ спущена на воду броненосная винтовая 24-пушечная батарея «Кремль». Корпус батареи построен из английского и русского железа, гондурасского красного дерева, тика, дуба и сосны. Стоимость батареи до спуска на воду составляет 448.680 рублей. Главные размеры батареи: длина 221 фут, ширина 53 фута, водоизмещение 3.412 тонн и углубление на ровный киль 15 футов. По спуске батарея с полозьями углубилась носом 8 футов, а кормою $9^1/_2$ фута. За постройкою наблюдал корабельный инженер-подпоручик Потапов 1-й. На батарею поставится машина в 360 сил с фрегата «Илья Муромец».

На другой день, 15 августа, ровно в час пополудни с эллинга нового адмиралтейства в присутствии его императорского высочества великого князя Алексея Александровича и господина управляющего морским министерством был спущен броненосный 26-пушечный фрегат «Петропавловск». Корпус фрегата построен из дуба с частью тика, гондурасского красного дерева, лиственницы, сосны и железа. Стоимость фрегата до спуска на воду простирается до 928.750 рублей. Главные размеры: длина 298 футов, ширина 55 футов 8 дюймов, водоизмещение 6.040 тонн и углубление вхерштевнем $24^1/_2$ фута, а форштевнем 22 фута 8 дюймов. По спуске фрегат с полозьями углубился форштевнем $11^1/_2$ фута, а вхерштевнем $15^1/_4$ фута. Строитель фрегата — корабельный инженер-подполковник Свистовский. Машина в 800 сил изготовлена на заводе Берда.

Железная прокатная броня для батареи «Кремль» изготовлена в Англии, в Шеффилде, на заводе Браука и К°, счетом 420 плит на сумму 322.042 рубля.

«Технический сборник», 1865 год, № 1.

На столичных окраинах

Первое впечатление о Петербурге, когда к нему подъезжаешь морем, это именно — запах кожи... В Чекушах сосредоточено до десяти кожевенных заводов. Заводские трубы торчат там и сям над неуклюжими каменными

Артель факельщиков

Из всех ремесел, из всех возможных способов, употребляемых для добывания насущного хлеба, самое жалкое, самое мрачное ремесло — ремесло факельщика.

Взгляните на этого человека, медленно шествующего с насаженным на древке фонарем в руках впереди похоронной процессии по широким петербургским улицам. Зимою и летом, в дождь и снег он всегда одет в один и тот же костюм, «по форме», установленный гробовщиками: в треугольной шляпе, в черном фраке, обшитом позументами, в черных брюках с белыми лампасами, через плечо — белый шарф с серебряными кистями; порыжелые от времени сапоги обнаруживают, что они совершили на своем веку чуть ли не кругосветное путешествие.

Таков факельщик во время траурной церемонии, но снимите с него гробовой наряд, и перед вами предстанет самый заурядный петербургский бедняк, который, чтобы не умереть с голоду, «пошел в факельщики». Под этим черным фраком с позументами скрывается нередко и овчинный полушубок мужика, не нашедшего себе работы, и гряз-

ное рубище неисправимого алкоголика, постоянного посетителя питейных домов. Словом, в факельщики идут всякие, что называется, с борка да с сосенки. Коли не повезло с живыми, так извольте-ка пристроиться к мертвым, тем более что от факельщика не требуется никакого ремесла, никаких практических познаний. Вся его работа ограничивается ходьбою на «вынос» покойника. Понятно, такую простую работу может исполнять всякий: ходи себе каждый день по кладбищам. Иногда в факельщики поступают временно, до приискания более подходящих занятий.

«Пролетариат и уличные типы Петербурга», СПб, 1895 год

Татарин-халатник

Столичный толкучий рынок представляет главную арену деятельности для татарина-старьевщика. Еженедельно, по воскресеньям, на толкучем рынке бывает так называемый развал, куда собираются тряпичники и татары-халатники со всего Петербурга. В это время фигурирует главным образом «голь перекатная» со всей столицы. Мастеровой и фабричный народ, свободный от работ, спешит на «развал» за покупками дешевого товара. Торг начинается рано утром, ни свет ни заря. Сутолока бывает страшная.

Бедняк, войдя на толкучий рынок, может одеться с ног до головы за каких-нибудь пять рублей: и дешево, и сердито. Мало того, вся экипировка, кроме сапог, будет новая, точно сейчас с иголки. Тут можно купить и «жениховскую меховую шапку», и немного поношенные брюки с потертостями на коленях, и вывороченную «пару», и почти новые сапоги, щедро смазанные дегтем!

«Пролетариат и уличные типы Петербурга», СПб, 1895 год

В городском ночлежном доме

На Никольской площади, рядом с биржей для чернорабочих, стоит городской ночлежный дом, а при нем дешевая народная столовая — для бедных. Это единственный приют для бездомников, построенный городом, и построен, правду сказать, хорошо: много свету и воздуха, нары железные, окрашенные белою масляною краскою во избежание насекомых. По ночам — электрическое освещение. Тепло и сухо. В верхнем этаже — помещение для ночлега, а внизу — столовая. Побольше бы таких приютов. Дом рассчитан на 162 человека.

«Босяки. Очерки с натуры», СПб, 1903 год

Московская мануфактурная выставка 1865 года

Около столетия наша мануфактура находится под покровительством тарифа на иностранные произведения. Терпеливо потребители платят лишний процент за предметы своего потребления, и едва ли сознают они как уплату этого процента, так и то, что этот лишний процент по назначению своему играет роль семени, зарываемого терпеливым земледельцем в землю с теплою надеждою возвратить из нее десятерицею посеянное. Уже много дорогого семени зарыто в почву нашей промышленности, много истрачено на уход за этим семенем, много испытано напрасных надежд на богатую жатву: неблагодарная почва не дает хорошего урожая и едва ли возвращает посеянное.

Интересно было бы определить ту сумму капиталов, которая русскими потребителями переплачена была русским же производителям ради, может быть, невольного выполнения начала покровительства отечественной промышленности ввиду противодействия иностранцам и в несомненный вред себе. Да, если бы не было протекционной системы в государстве, то величина капиталов страны, тех капиталов, которые получились бы от накопления и пользования вдвое (приблизительно) дешевейшими иностранными мануфактурными произведениями, могла быть в несколько раз больше настоящей, следовательно, страна была бы богаче. Любопытно было бы также решить вопрос, в каком порядке распределился бы этот большой запас капиталов между жителями страны; не представился ли бы этот порядок в более правильном виде, нежели в настоящее время. Верно ответит на этот вопрос будущая русская наука, однако и теперь ясно, что без искусственного покровительства мануфактурам было бы в России меньше людей, наживших миллионы из ничего, и, вероятно, имело бы налицо значительно меньше нищенствующей братии или таких людей, которым приходилось умирать с голоду от местного неурожая.

«Технический сборник», 1865 год, № 1.

Школа в доме священника

В Костромской епархии священник Петр Троицкий в день объявления всемилостивейшего Манифеста 19 февраля сего года открыл в своем доме бесплатную школу, в которую на первый урок поступили двадцать один мальчик и две девочки, дети временно обязанных крестьян.

«Журнал Министерства народного просвещения», 1881, № 10

Попов с сыном из Шуи

Введением в употребление марены наша промышленность обязана покойнику почетному гражданину Баранову. Ситцы, платки, кумачи московских фабрик в русском отделении на Всемирной лондонской выставке 1850 года далеко превосходили платки известных манчестерских и газовских фабрик.

В числе одиннадцати русских фабрикантов, доставивших на очередную выставку бумажные изделия, почетный граждании Федор Попов с сыном из Шуи...

«Журнал мануфактур и торговли», 1860, сентябрь

Процесс пошел...

...Человеческое общество есть реальный организм высшего порядка, а цивилизация — специальный термин, которым мы называем процесс его развития. Но организм этот еще не сформировался, мы живем в его зародышевой фазе: еще не все группы слагающихся элементов сомкнулись достаточно крепко, не связались в одно общее целое, не везде проложились правильные приводящие и выводящие пути, чувствующие и движущие нервы, еще не осознал организм своего существования; он лежит неподвижно, без голоса и дыхания, как зародыш, еще не разорвавший своих оболочек. Момент его зрелости и первого движения есть самый крупный и самый близкий нам факт будущего.

«Свет», 1877, № 8

Разложение славянофильства

Павел Николаевич МИЛЮКОВ (1859—1943), историк, один из основателей и руководителей кадетской партии

В основе славянофильства лежали две идеи, неразрывно связанные: идея **национальности** и идея ее всемирно-исторического предназначения. У последователей школы эти идеи разделились. Идея национальности сделалась достоянием охранителей, так сказать, **правой** группы славянофильства. Идея о всемирно-исторической роли русской национальности возрождена была на наших глазах другою группой, которую можно было бы назвать **левой** славянофильства.

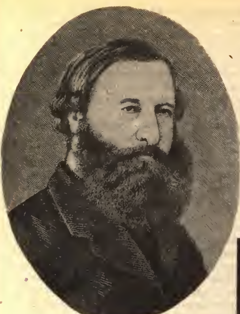
В основе старого славянофильства лежало гегелианское представление о том, что всемирная история есть постепенное развитие и обнаружение всемирного духа. Отдельные народности воплощают в себе отдельные ступени развития этого духа: каждый последующий народ, выступающий на сцену всемирной истории, представляет всемирно-историческую идею все в более полном и совершенном выражении. В этом ряду народов, призванных быть выразителями всемирной идеи, России и славянству принадлежит роль последнего и наиболее полного обнаружения всемирного духа, по отношению к которой роль всех предыдущих народов является лишь подготовительной. Западное человечество развивало только одну сторону духа, рассудочную, логическую. Напротив, Россия призвана к гармоническому развитию всех сторон духовной жизни, и прежде всего к обнаружению другой стороны духа, сравнительно с Европой,— к развитию чувства в противоположность рассудочности. Преобладание этой стороны духовного развития выразилось в духовной жизни русского народа как православная форма христианства, а в материальной жизни как общинное начало. В противоположность мистическому началу православия религии Запада основываются на рассудочности,— католицизм так же, как и протестантство. В противоположность славянской любовно-братской общине западный мир стоит на борьбе интересов, на правах личности,— словом, на развитии юридического начала.

Как видно уже из этой характеристики, в славянофильском миросозерцании всемирно-историческая задача России самым непосредственным образом вытекает из основных свойств народного духа. Самый вопрос о выборе между национальным и общечеловеческим не мог возникнуть для славянофила, так как ни представить себе русскую национальность без православия и общинности, ни усомниться в общечеловеческом значении этих начал было для него одинаково невозможно. Общечеловеческое начало, употребляя сравнение И. Киреевского, есть семя, а свойство народа — та почва, в которую это семя брошено.

Очевидно, **всемирно-историческая идея не покрывала идеи народности**; далеко не весь этнографический материал существующих или существовавших народностей укладывался в рамках единого всемирно-исторического плана. Этот план не годился,— следовательно, не мог служить основным принципом философско-исторической теории, так как не объяснял всего, подлежащего объяснению. С поправок к нему и начинается дальнейшее развитие славянофильской доктрины.

Первым шагом в этом направлении была известная книга Н. Я. Данилевского, в которой впервые была сделана попытка подвести под воздушный замок славянофильства более или менее солидный научный фундамент. Новое научное

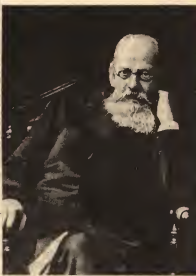
* *П. Н. Милюков.* Из истории русской интеллигенции (сборник статей), СПб, 1903 год.

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), русский историк, академик Петербургской Академии наук (1872). Ректор Московского университета в 1871—1877 годах. Автор многих трудов по истории эпох Петра I и Александра I. Основной труд — «История России с древнейших времен».

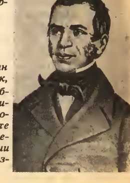
Иван Васильевич Киреевский (1806—1856), русский публицист и философ, один из основателей славянофильства. Редактировал журналы «Европеец» и «Москвитянин». В основе взглядов Киреевского было противопоставление «западноевропейской образованности» «образованности древнерусской», основанной на православно-христианских началах. В последние годы жизни сблизился с монахами Оптинского монастыря и занимался изданием богословской литературы.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1853), русский историк государственной школы, либерал, общественный деятель и публицист. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 года. Автор одного из первых проектов отмены крепостного права. Сторонник умеренных государственных преобразований при сохранении неограниченной монархии и помещичьего землевладения.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876), русский философ, историк, общественный деятель, публицист. Один из идеологов славянофильства. Автор либерально-дворянского проекта отмены крепостного права, участник подготовки крестьянской реформы 1861 года.

Михаил Петрович Погодин (1800—1875), русский историк, публицист, преподаватель всеобщей истории в Московском университете. Издавал журнал «Московский вестник». Вместе с В. П. Андросовым и С. П. Шевыревым участвовал в издании «Московского наблюдателя», издавал журнал «Москвитянин».

обоснование и приложенная к нему старая фантастическая постройка — таковы, действительно, два составные элемента знаменитого «катехизиса славянофильства». Чуть ли не с каждой страницы «России и Европы» выглядывают на нас эти два различные выражения авторской физиономии, постоянно меняющиеся. То мы видим перед собой спокойное, беспристрастное лицо натуралиста, человека пережившего, так или иначе, самый разгар увлечения русского общества естественнонаучными знаниями и привыкшего к употреблению строгого метода точных наук. То вдруг выражение этого лица меняется: перед нами раздраженный и осердившийся патриот.

В конце 60-х годов, когда Данилевский писал и печатал свою книгу, время господства немецкой идеалистической философии давно уже прошло. Не в этой философии, следовательно, будет искать Данилевский свои опорные пункты, а в методе, выработанном точными науками. Цель строго научного метода, так рассуждает автор «России и Европы», состоит в открытии **законов** явлений. Чтобы дойти до открытия всеобщего закона целой группы явлений, науке предстоит пройти целый ряд ступеней развития. Она должна прежде всего связать явления в какую-нибудь, хотя бы совершенно искусственную, систему. Тогда только явится возможность найти среди фактов признаки естественного сродства. Из естественной классификации становится возможным вывести частные эмпирические законы и найти в частных законах общий рациональный закон.

Нитью, **искусственно** связывавшею до времени исторические факты, служила именно идея всемирно-исторического плана. Для вмещения фактов в рамки всемирно-исторической идеи приходилось всю историю человечества представлять как одно целое и разрубать это целое на хронологические периоды (древней, средней и новой истории), без всякого внимания к реальному содержанию этих периодов. **В действительности каждый народ переживает все эти периоды** совершенно независимо от всяких других народностей. Человечества как цельного исторического организма не существует, и всемирной истории не существует как единой нити общечеловеческого развития. История человечества есть скорее сумма параллельных нитей, разноместных, разновременных и самостоятельных. На периоды же или на возрасты развития нужно делить каждую отдельную национальную историю: каждая народность переживает периоды молодости, зрелости и старости, или, по другой терминологии Данилевского, периоды племенной (этнографический), государственный и цивилизационный; низшие ступени Данилевский называет формами **зависимости**, а высшие — формами **свободы**...

Научная теория исторических явлений совсем не составляет главного в книге Данилевского и меньше всего служит для автора целью сама по себе. Эта теория представляет для него только **средство**, с помощью которого он приходит к своим практическим выводам. Достаточно вспомнить, что Данилевский начинает свою книгу вопросом, почему Европа ненавидит Россию, а кончает проповедью ненависти России к Европе и грандиозным проектом всеславянской федерации с Россией во главе и с Константинополем как столицей федеративного союза. В таком соседстве философско-историческая теория Данилевского приняла в конце концов черты, мало соответствующие ее реально научному основанию.

Черты эти почти все целиком взяты из старого славянофильства. Европа ненавидит Россию потому, что обе они воплощают две совершенно различные всемирно-исторические идеи. Европа уже осуществила свою всемирно-историческую идею и в настоящее время «изжила» свое историческое существование. России предстоит, напротив, великая миродержавная роль. Само содержание исторических задач Европы и России представляется тоже совершенно согласно со старыми славянофилами. Разница между ними и Данилевским состоит только в том, что, по мнению «России и Европы», каждый народ живет **для себя**, имеет свою особую идею...

Национальный эгоизм и исключительность — таков последний практический вывод из философии истории Данилевского. Сравнительно с этим выводом Данилевский справедливо находил учение славянофилов слишком гуманитарным. Какую же можно основать на таком выводе практическую программу? Для Данилевского это, прежде всего, программа внешней политики: надо разрешить восточный вопрос, освободить славян, завоевать Константинополь, образовать всеславянскую федерацию; тогда только станет возможным развитие славянского культурного типа. Главный для его теории вопрос,— в **чем** именно будет состоять будущая самобытная славянская культура,— он считает преждевременным. Там, где Данилевский, все-таки, принимается характеризовать грядущую славянскую

культуру, она представляется ему или как хранение старого, или же в совершенно неопределенных очертаниях. Религиозная жизнь славянства будет отличаться строго охранительным характером, как и подобает народам, которым вверено охранение чистоты откровенной истины...

Определенное содержание, определенную программу внутренней политики можно было, однако же, вывести из теории национальной самобытности. Стоило только несколько смелее, чем это делал Данилевский, возвести текущий момент народной жизни в абсолютную характеристику русской национальности, стоило вывести культурно-историческую задачу России из ее прошлого,— и, сама собой, защита этого прошлого, уцелевшего в настоящем, от покушений будущего становилась задачей внутренней политики.

Я не буду перечислять здесь всех деятелей, которые представляют «славянофильство» в только что отмеченной стадии его развития. Но я не могу не остановиться на одном из них, наиболее ярком и типичном, дошедшем до крайних выводов в этом направлении и, этим самым, вполне его исчерпавшем. Я говорю о младшем современнике Н. Я. Данилевского, лет на десять моложе его по возрасту и литературной деятельности,— Константине Леонтьеве. Пессимист по содержанию своих воззрений и беззастенчивый циник в их выражении, Леонтьев всегда говорит прямо то, что другие подразумевают; при этом все его выводы, даже самые нелепые, являются прямым логическим последствием раз усвоенного мировоззрения. Такой человек был нужен, чтобы вывести из националистической теории все практические последствия и довести ее до абсурда.

Национальность составляет исключительный предмет его теоретических рассуждений. Каждая национальность, как и всякий организм, проходит, по Леонтьеву, три периода развития: период первоначальной простоты и неразвитости, затем период развития — от простого к сложному, составляющий, по Леонтьеву, период процветания; наконец, период разрушения — возвращения к первобытному неорганическому единству и однообразию. В истории Европы периодом «цветущей сложности» были средние века — время всяческих неравенств и противоположностей, провинциального обособления и корпоративных привилегий. Напротив, новое время — время осуществления идей свободы и равенства, время «либерально-эгалитарного прогресса» — есть период разрушения всего сложного, всего национально-самобытного. Процесс этого разложения есть нечто стихийно-роковое, неизбежное и непредотвратимое. Отдельные личности могут только немного ускорить или немного замедлить его. Отсюда Леонтьев извлекает правило для всякого разумного общественного деятеля: до достижения высшей точки развития он должен сделаться охранителем, чтобы задерживать движение по наклонной плоскости в «бездну», в состояние полного разрушения. Но так как этого разрушения все равно не предотвратить, то на будущее Леонтьев смотрит крайне пессимистически. «Глупо верить в конечное царство правды и блага на земле; глупо и стыдно даже людям, уважающим реализм, верить в такую нереализуемую вещь, как счастье человечества, даже и приблизительное». Эгалитарный идеал, правда, осуществится в Европе, но в грозном виде подтянутой, дисциплинированной государством демократии и в «отвратительно скучном» виде «однообразного братства».

Относительно «возраста» России Леонтьев колеблется: может быть, Россия молода, а может быть, и нет; может быть, она еще процветает, а может быть, и отцветет, не расцветши... Между тем Европа угрожает увлечь Россию на европейский путь, заразить ее продуктом своего гниения: «либерально-эгалитарным прогрессом». Что же может противопоставить Россия Европе? Противопоставить Европе она может только старые культурные элементы, заимствованные из Византии. Византийский культурный тип, в противоположность славянскому, вполне определенен: византизм в государстве — значит самодержавие, в религии — православие, византизм в нравственном мире есть «наклонность к разочарованию во всем земном», отказ от мечты о земном благоденствии народов, смирение и т. д.

Итак, вот к чему пришел ученик Данилевского, утверждавшего самобытность и непередаваемость национального духа и его продукта, национальной культуры. В прошлом наша культура создана византизмом, в будущем ей грозит европеизм; сама по себе это какая-то белая доска, за исключением «может быть, нашего сельского поземельного мира». Данилевский, по крайней мере в будущем, ожидал, что народная самодеятельность покроет эту доску своими узорами; но Леонтьев и перед этой надеждой останавливается в сомнении.

«Надо подморозить Россию, чтобы она не гнила» и чтобы она застыла в настоящем виде до лучших времен, которые, впрочем, могут и не прийти никогда,— таков общий смысл всех практических советов Леонтьева. **Все средства хороши** для этой цели, потому что «политика — не этика». Государственная власть должна действовать в смысле спасительного страха. В том же направлении пусть действует и религия — «это великое учение... столь практическое и верное для сдерживания людских масс железной рукавицей». Нечего сентиментальничать о христианстве, как религии любви, одной любви без страха: это христианство на розовой водице ничего не имеет общего с христианством настоящим, «христианством монахов и мужиков, просвирен и прежних набожных дворян». Реформы прошлого царствования законны и хороши, но «не столько по существу, сколько потому, что верховной власти было так угодно»; по существу же — надо просить царя, чтоб впредь он «держал нас грознее». В земстве заметен оппозиционный дух; новые суды «учат народ тому, что и бунтовщики есть очень «честные» и что генералы и монахи бывают мошенники». Зло сословного строя заменено злом бессословности, равенства и либерализма. Для борьбы с этим новым злом, с «пагубой излишнего движения», нужно поддерживать старые элементы и бороться против нового течения. Во имя этой борьбы Леонтьев готов даже желать, чтобы прекратилось обрусение наших окраин, наших инородческих и иноверческих элементов: в них, например в Остзейском крае, все-таки есть та сила сопротивления духу времени, которую дает старая культура. Общим и злейшим врагом, против которого должны сплотиться все охранительные элементы, надо считать **либерализм**. Даже социализм менее вреден, так как в нем есть элементы дисциплины и организации; но с либерализмом, как с учением по самому принципу отрицательным и разрушительным, надо бороться всеми мерами.

«Пора учиться делать реакцию». «Без насилия нельзя». И особенно необходимо всеми силами бороться против народного образования. Если Россия сопротивлялась еще сколько-нибудь успешно духу времени, то этим мы обязаны до известной степени безграмотности русского народа. Итак, чтобы сохранить «национальное своеобразие», необходимый залог самобытной культуры, надо **повременить с грамотностью**, пока образованная часть общества сама не будет зрячее.

Таковы последние выводы политики, вытекавшей из теории национальной самобытности, поскольку эта теория **отказалась от веры** в идеальное культурное содержание национального духа. Ограничившись преклонением перед формами, выработанными историческим прошлым, она, поневоле, должна была свести задачи внутренней политики к охранению уцелевших в настоящем обломков этого прошлого.

Итак, национальная идея старого славянофильства, лишенная своей гуманитарной подкладки, естественно превратилась в систему **национального эгоизма**, а из последней столь же естественно была выведена теория **реакционного обскурантизма.**

Если славянофильство не окончательно умерло в Данилевском и Леонтьеве, то, оставаясь верным самому себе, оно могло искать своего возрождения только в реставрации своих старых идеальных элементов — в восстановлении теории всемирно-исторического призвания славянства.

Религиозное начало было тем элементом, который всего удобнее мог быть и действительно был положен в основу славянофильского возрождения. Потребность поставить это религиозное начало выше национального проявляется весьма рано в славянофильстве. Еще в 1858 году А. И. Кошелев писал: **«Без православия наша народность** — дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение». Отметим еще один признак поворота к «другому» славянофильству. Я говорю о знаменитой речи Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике 1880 года. В противоположность проповеди национального эгоизма и ненависти к Европе, писатель восклицал в этой речи: «впоследствии — я верю в это — мы, то есть, конечно, не мы, а будущие, грядущие русские люди поймут, уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону». Итак, **братское единение христиан**

во всемирной церкви как цель и **всеобъемлющие свойства русской души** как средство — этот логический вывод из славянофильской идеи о религиозной всемирно-исторической миссии русского народа уже обрисовался в речи Достоевского совершенно отчетливо.

«И ты, Брут!» — восклицает по поводу этой речи К. Леонтьев.

Что бы, в самом деле, значило «последнее слово» в устах писателя, проповедовавшего смирение и терпение, необходимость нравственного самоусовершенствования и тщету общественной деятельности? Какова же может быть роль христианского начала в настоящей общественной жизни человечества и какую можно основать на нем социальную мораль и политику?

Ответом на этот вопрос служит вся литературная деятельность нашего блестящего философа Вл. С. Соловьева. Смелою рукой он свел царство Божие с неба на землю и слил религию и прогресс, христианство и альтруизм, небесное и земное, божественное и человеческое в одной основной мистической идее «богочеловечества».

По системе Соловьева, в основе мира лежит Божественное начало, не в пантеистическом смысле мировой души, а в дуалистическом смысле Творца и в христианском смысле — троичного Бога. Троичность Соловьев объясняет как различие трех сторон Божественной природы — бытия, действия и сознания: Божественное существо **есть**, оно проявляет свое существование **деятельностью**, оно **сознает** себя действующим. В полноте единой Божественной природы заключался от века и противобожественный элемент — множественности, беспорядочного, безобразного и бесформенного хаоса; но возможность проявления этого хаоса извне сдерживалась всемогуществом Божиим. Однако же в своем совершенстве Божественное существо не может ограничиваться тем, чтобы подавлять хаос своим всемогуществом. Чтоб «иметь право окончательно победить хаос и свести его к вечному небытию», надо показать не только свою силу над ним, но и свою правоту и свою благость. С этой целью Божество перестает подавлять в себе хаос,— и возникает мир как нечто противоположное Богу. Но цель создания мира в том именно и заключается, чтобы эту противоположность мира Богу окончательно уничтожить. До появления мира Бог был всем; теперь Он хочет, чтобы все было Богом. В этом постепенном проникновении мира божественным (и при том троичным) началом и состоит история мира. Троичное начало воплощается и в человечестве в виде трех элементов: мужчины, женщины и — общества. Но это «естественное человечество» есть только зародыш, прообраз будущего богочеловеческого воссоединения. Для того, чтобы выполнить эту задачу полного слияния человечества с Божеством, церковь должна пропитать мирское общество христианским началом. Но для этого ей необходимо содействие государства; следовательно, церковь должна стоять выше государства. Принцип церкви, стоящей выше государства, христианство осуществило в папстве: папство и должно поэтому оставаться средоточием всемирной церкви. Что касается церкви восточной, в ней, напротив, государи старались стать выше церкви. «Историческое предназначение России состоит, кажется, в том, чтобы дать всемирной церкви политическую власть, необходимую ей для спасения и возрождения Европы и мира». Только с помощью такого союза между русским царем и римским первосвященником всемирная церковь может выполнить лежащую на ней высшую задачу — осуществить на земле принцип Богочеловечества. Союз этот необходим, следовательно, и для выполнения всемирно-исторической миссии русского народа.

Практические выводы Соловьева из изложенных теорий нет надобности излагать подробно. **Религиозная задача** — выше всего на свете и безусловно **выше национальности.** Задача эта, слияние человечества с Божеством, по самому существу своему всемирная и требует для своего выполнения всемирной церкви, вооруженной силами всемирного государства. Русский народ призван к решению этой задачи, но первым шагом к этому решению должен быть акт **национального самоотречения:** отречения от узкой формы национальной церкви. Таково необходимое средство для спасения человеческого рода. Но это средство, первое для осуществления всемирно-исторической миссии России, само является для проповедника абсолютного идеала **целью**, и довольно отдаленной. К достижению ее должны быть изысканы **ближайшие** средства. Самым первым препятствием являются при этом все теории и настроения национального самоограничения и эгоизма. Соловьев и делается их горячим противником и вступает на путь **публицистической борьбы.**

Его последняя цель — проникновение человечества христианством с помощью всемирной церкви — как-то отодвинулась и стушевалась, а ближайшие средства все более и более делались целями сами по себе. Вместе с тем все резче подчеркивались точки соприкосновения между взглядами Соловьева и воззрениями прогрессивной части нашего общества, и в то же время все полнее забывались коренные особенности и основные идеи его общего мировоззрения. В результате Соловьева стали, говоря его словами, «укорять в последнее время за то, что он, будто бы, перешел из славянофильского лагеря в западнический, вступил в союз с либералами и т. п.». Отвечая на эти «упреки», Соловьев мог с полным основанием доказывать, что своей проповедью он не только не отрицает, а, напротив, возрождает к новой жизни старое славянофильство; что, во всяком случае, развивая его гуманистические элементы, он остается **более верным** его истинному духу, чем официальные защитники славянофильства из лагеря националистов.

Таким образом, теократический идеал был приведен в гармонию с «либерально-эгалитарным прогрессом», вера примирена с неверием. Способ, каким это было сделано, конечно, должен был вызвать протест со стороны того и другого. Но одно обстоятельство трудно отрицать при всем этом, это — то, что **отождествление религии с прогрессом было последним логическим выводом** из гуманитарных всемирно-исторических тенденций старого славянофильства. И в этом направлении как в направлении националистическом славянофильская доктрина исчерпала сама себя и пришла к своей противоположности. «Либерально-эгалитарный прогресс» представлял, действительно, не меньший контраст с исходными пунктами славянофильской доктрины, чем теория национального эгоизма. Своей критикой русского национализма Соловьев блестящим образом доказал последнее, доказал противоречие между национализмом и истинною сутью славянофильства. Зато своим собственным построением он лучше всего иллюстрировал несовместимость славянофильства с современными этическими и общественными воззрениями.

В основе старого славянофильства лежало внутреннее противоречие. Идея национальности мешала дать должное развитие идее мессианизма; а мессианская идея мешала раскрытию идеи национальности. При дальнейшем развитии учения это противоречие вышло наружу и повело к тому, что две основные идеи старого славянофильства разделились и каждая из них получила отдельное логическое развитие. В основу этого дальнейшего развития положены были, по-видимому, живые и ценные начала. На помощь при обосновании идеи национальности призвана была историческая и общественная **наука**; а всемирную задачу России попробовали построить на высших **этических требованиях.** И однако же результаты вполне последовательного, логического развития обеих идей оказались мало удовлетворительными.

В самом принципе славянофильского учения заключался элемент, портивший самые верные, самые благие намерения, раз только они соприкасались со славянофильскою почвой и употреблялись для возрождения старого учения. Этим вредным элементом был, с нашей точки зрения, безусловный характер, **абсолютизм** славянофильского учения, незаконно переживший его метафизическую основу. Славянофильство, если хотело быть последовательным, действительно не могло помириться ни с каким другим более скромным решением всемирно-исторической задачи, чем водворение царства Божия на земле и всемирная теократия. К этому выводу поневоле приводила безусловность нравственно-религиозного требования. Но самая попытка Соловьева есть, в сущности, некий компромисс между современными этическими стремлениями и аскетическим идеалом исторического христианства.

Итак, абсолютизм, метафизический и религиозный, составлял и продолжает составлять самую резкую разграничительную черту между славянофильством и современным мировоззрением. В старом славянофильстве абсолютизм этот был вполне понятен: он естественно и необходимо вытекал как из условий воспитания представителей славянофильства в патриархальной семейной среде, так и из состояния тогдашней европейской мысли. Поэтому славянофильство было совершенно органическим продуктом того поколения, которое его создало; и поэтому-то, в сущности, оно должно было умереть с этим поколением. Истинное славянофильство, «кровное», не теория только, а живой тип общественной мысли,— это славянофильство прекратило свое существование. Теперь органический процесс русской жизни и мысли давно уже дает другие «кровные» результаты... ●

1877—1878. *Русско-турецкая война. Освобождение Болгарии.*
1878. *П. И. Чайковский, «Евгений Огенин».*
1878. *Сан-Стефанский мирный договор России с Османской империей и Берлинский конгресс по пересмотру условий Сан-Стефанского договора.*

За первым возбуждением и поспешными восторгами по поводу Ардагана и переправы через Дунай последовали тяжелые пять месяцев тревожного ожидания падения Плевны, которая внезапно выросла на нашем пути и все более и более давила душу русского человека как тяжелый, несносный кошмар. Падение Карса блеснуло светлым лучом среди этого ожидания, но затем снова все мысли обратились к Плевне, и горечь, негодование, гнев накипали на сердце многих. Известие о взятии Плевны вызвало громадный вздох облегчения, вырвавшийся из народной груди. Точно давно назревший нарыв прорвался и дал отдых от непрестанной, ноющей боли. Но место, где был нарыв, слишком наболело, и гной не вытек... Утратилась вера в целесообразность и разумность действий верховных вождей русской армии. И когда наше многострадальное, увенчанное дорого купленною победою войско было остановлено у самой цели, перед воротами Константинополя, и обречено на позорное и томительное бездействие, когда размашисто написанный Сан-Стефанский договор оказался только проектом, содержащим не «повелительные грани», установленные победителями, а гостинодворское запрашивание у Европы... тогда в обществе сказалась горечь напрасных жертв и тщетных усилий. Наболевшее место разгорелось новой болью... И по мере того, как проходил чад ложного патриотического увлечения, среди скептически настроенного общества яснее и яснее чувствовалась лицемерная изнанка этой истощающей войны, которая, добыв сомнительные для России результаты, не дала никакого улучшения в ее домашних делах...

А. Кони,
юрист

В 1891 году в Центральной и Восточной России был полный неурожай хлебов. Земские собрания неурожайных губерний возбуждали ходатайства перед правительством о продовольственных ссудах, но ходатайства эти либо отклонялись, либо удовлетворялись не в полной мере. Крестьяне начинали голодать. В Петербурге получались письма из разных губерний с описанием крестьянской нищеты и голода, но сообщать о голоде в печати было запрещено цензурой. Передавали, что Александр III на докладе одного из министров, в котором упоминалось о голодных крестьянах, сделал пометку: «У меня нет голодающих, есть только пострадавшие от неурожая».

Создалась целая «подпольная литература» из писем описания голода, которые переписывались или гектографировались и распространялись во множестве. В Петербурге образовались кружки для сбора денег в пользу голодающих, и собранные средства отправлялись на места тем или другим местным жителям, на свой страх и риск приступившим к устройству столовых и пекарен.

Местные власти по предписанию из Петербурга пытались бороться с возникавшей везде частной инициативой по помощи голодающим. Происходили аресты, высылки...

В. Оболенский,
участник социалистического
и либерального движения

А. Левандовский

Самоуправление в контексте самовластья

До реформы

«Государственная власть в народном представлении от первоисточника своего — монарха — разветвляется так: первое лицо в государстве — государь, правящий всем государством; за ним второе — губернатор, который правит губернией, и потом прямо за губернатором непосредственно следует третье — городничий, „сидящий на городу"... Так воспроизводил народное понятие о власти Н. С. Лесков в своем замечательном «Однодуме», понятие, не только выразительно лаконичное, но и вполне справедливое.

Конечно же, помимо означенных здесь «первых лиц», существовала еще масса чиновников всех рангов: царь осуществлял свою власть посредством центрального правительства (министров, директоров департаментов и прочих); губернатор — при помощи губернского правления; штат, окружавший городничего, хорошо известен читателю по гоголевскому «Ревизору». Но у р о в н и власти обозначены Лесковым совершенно точно: именно так, тремя уступами, грандиозная пирамида российской бюрократии «снисходила» к своему основанию — придавленному ею российскому обывателю, безгласному и бесправному... Связью же, лучше всякого цемента крепившей сию пирамиду в единое целое, была строжайшая централизация: все носители власти — естественно, кроме самого «первого лица»,— назначались вышестоящими инстанциями, сверху вниз; распоряжения этих инстанций определяли и всю их деятельность, в которой они регулярно отчитывались,— снизу вверх. «В России все чиновники живут, задрав рыло кверху» — эта, вышедшая из круга радикальной интеллигенции характеристика подобной системы справедлива, очевидно, не только для России прошедших времен... В самом деле: сверху назначают, сверху награждают, сверху распекают... От тех же, кто находится внизу, кем, собственно, и приходится управлять, чиновничья судьба практически не зависит. Последовательно проведенная бюрократизация системы управления неизбежно превратила ее в нечто самодовлеющее.

В российской истории, казалось бы, можно отыскать исключения из этого «железного правила»: временами центральная власть как будто нарушала свои собственные принципы и привлекала к управлению выборных — представителей различных сословий. Так, в XVI веке, в первые годы правления Ивана Грозного, в России была проведена реформа, передававшая целый ряд важных функций местного управления губным и земским старостам — выборным от служилых людей и черносошных крестьян. Через двести с лишним лет — в 1775 году — Екатерина II, проводя губернскую реформу, опять-таки допустила формирование административных и судебных органов низшего, уездного уровня на выборных началах — туда выдвигали своих представителей все те же дворяне и городская верхушка.

Однако это были те самые исключения, которые лишь подтверждали общее правило. В. О. Ключевский совершенно справедливо оценивал подобные «демократические» преобразования как «обычный прием устроительной политики» центрального правительства: «требовался новый налог; требовались новые ответственные и даровые органы местного управления — обязательная поставка была возложена на местное общество». Самоуправлением здесь и не пахло: выборные органично входили в бюрократическую систему, занимали в ней соответствующие ниши, превращаясь в ч и н о в н и к о в, представлявших интересы центральной власти, а отнюдь не тех, кто их выбирал.

Таким образом, вводя выборные должности, власть не ослабляла свои структуры и даже не видоизменяла их — она лишь облегчала себе жизнь, получая подкрепление извне, из небюрократической среды. Она заходила и еще дальше в этом направлении: к концу XVIII века правительство чуть ли не всю полноту ответственности за материальное положение крепостных, их поведение, выплату ими податей и прочее возложило на хозяев — помещиков, превратив тем самым неслужащих дворян в своих функционеров. «У меня сто

тысяч даровых полицмейстеров»,— говаривал по этому поводу Павел I. А в 1840-х годах Л. В. Дубельт, управляющий делами III отделения собственной его императорского величества канцелярии писал: «Помещик — самый надежный оплот государя. Никакое войско не заменит той бдительности, того влияния, какое помещик ежемесячно распространяет в своем имении. Уничтожь эту власть, народ наприт и хлынет со временем на самого царя». Бюрократическая пирамида, вбирая в себя чуть ли не весь господствующий класс, обретала тем самым мощный фундамент.

План Сперанского

Но, если на деле власть бюрократии вплоть до эпохи реформ ни в чем не претерпела ущерба, то в теории — закономерность ее господства постепенно начала подвергаться все большим сомнениям. Оставив в стороне пылкие мечты и грандиозные проекты, рождавшиеся в среде оппозиционного общества, обратимся к тому замечательному плану государственного преобразования, который вышел непосредственно из бюрократической среды.

Речь идет о плане одного из ведущих государственных деятелей начала XIX века М. М. Сперанского, созданном по прямому указанию самого царя, Александра I, озабоченного несовершенством бюрократической системы управления. В преамбуле этого плана Сперанский прямо писал, что Россия приближается к неминуемой катастрофе, предвестником которой является падение престижа власти в народе, равно как и утрата ею морального авторитета в обществе. Власть не уважают постольку, поскольку «настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа». Во имя спасения России Сперанский настаивал на кардинальных переменах в характере всего государственного строя.

Не вдаваясь в подробный анализ этого действительно грандиозного плана, отметим то, что представляет для нас наибольший интерес,— в нем впервые в истории русской общественной, а тем более чиновничьей, мысли, была детально разработана **с т р у к т у р а о р г а н о в с а м о у п р а в л е н и я**, которой предстояло, по мысли Сперанского, потеснив структуры бюрократические, органично сосуществовать с нею в совместной работе на благо России.

Сперанский предполагал, что, наряду со старой административной системой, на всех

Группа передвижников (1888 год). Стоят — А. К. Беггров, Н. Н. Дубовской, И. И. Шишкин, В. М. Максимов, П. А. Брюллов, Л. В. Позен, Н. А. Ярошенко, К. А. Савицкий, Н. В. Неврев, В. Е. Маковский, И. Е. Репин Г. Г. Мясоедов; сидят — А. А. Киселев, Е. Е. Волков, А. И. Куинджи, А. М. Васнецов, Н. Д. Кузнецов, К. В. Лемох, М. П. Клодт, П. М. Прянишников, Н. К. Бодаревский.

территориальных уровнях — в волостях, уездах, губерниях — будут созданы единообразные выборные органы — думы. В думских выборах, проводимых на основе имущественного ценза, должны были принимать участие представители всех сословий, за исключением крепостных крестьян. Функции новых органов определялись Сперанским четко: собираясь раз в три года, думы выбирают членов правления, которым предстоит вплоть до следующего собрания вести местное земское хозяйство; контролируют местные доходы и расходы; выдвигают своих представителей в «вышестоящую» думу (волостная — в окружную, окружная — в губернскую) и сообщают ей о местных нуждах. Таким образом, принципы построения и деятельности органов местного самоуправления в корне отличались от бюрократических: здесь система строила себя снизу вверх, а действовала во имя удовлетворения интересов тех, кто стоял ниже...

Венчала эту систему Государственная дума, состоявшая из гласных, выдвинутых думами губернскими; этот орган, имевший мощную опору в местных органах самоуправления и представлявший, по сути, интересы населения всей страны, наделялся Сперанским законодательными функциями.

Таким образом, оставляя за центральной властью все орудия административного управления, Сперанский в то же время пытался вывести ее из бюрократического затворничества, предоставить ей возможность услышать голос различных слоев населения, составить ясное представление о народных нуждах. На всех уровнях управления, вплоть до высшего, автор проекта предусматривал живое взаимодействие между властью, назначаемой сверху и проводящей в своей деятельности интересы центра, и органами выборными, выражавшими интересы местного населения. В результате должно было возникнуть то вожделенное равновесие между удовлетворением государственных нужд и народных потребностей, которое совершенно отсутствовало в деятельности самодержавно-бюрократического аппарата.

...Ненависть со стороны высшей бюрократии и столичного дворянства, ссылка за государственную измену — вот те «награды», которые получил автор крамольного плана. И, очевидно, нет необходимости доказывать неосуществимость его идей в условиях крепостной, разделенной на противостоящие друг другу сословия России. Но как путеводная звезда, как идеал,— которому, кстати, так и не суждено было воплотиться в действительность,— план Сперанского сыграл выдающуюся роль в борьбе за преобразование Российского государства.

Неизбежность нового мира

Первые робкие шаги на пути реорганизации государственного строя власть предприняла в 1860-х годах, в эпоху реформ, да и то не по своей воле. Отмена крепостного права предопределила необходимость дальнейших преобразований, и прежде всего — в системе местного управления. В самом деле, после того как крестьяне получили свободу и минимум гражданских прав, «даровые полицмейстеры» помещики волей-неволей сложили свои полномочия... Сразу же встал вопрос и об органах уездного уровня, которые также состояли из представителей поместного дворянства, а управляли всем местным населением,— подобные органы являлись порождением крепостного права и должны были исчезнуть вместе с ним.

Конечно же, у правящей бюрократии был большой соблазн решить дело с помощью верного, испытанного средства: распространить свои структуры донизу, до самой «почвы» и тем самым заполнить возникший вакуум власти. Однако правительству пришлось убедиться, что в пореформенной России оно не будет иметь прежней свободы действий,— в стране возникла новая, неведомая ранее сила, с которой власть так или иначе вынуждена была считаться,— сила общественного мнения.

Так в 1862 году тверское дворянское собрание приняло постановление, в котором, требуя дальнейших преобразований в сфе-

рах судебной, финансовой и прочих, выражало твердое убеждение в том, что «осуществление этих реформ невозможно путем правительственных мер... Предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко проникнуто убеждением, что правительство не в состоянии их совершить...» Заявляя, таким образом, о полной несостоятельности правящей бюрократии, тверские дворяне указывали путь, на который «должна вступить власть, чтобы спасти себя и общество»,— созвать «собрание выборных от всего народа без различия сословий», не больше и не меньше...

Схожие призывы раздаaались и в других даорянских собраниях — Рязанском, Москоаском, Тульском. Даже консераатиано настроенные помещики не скрыаали саоей неприязни к бюрократии, требуя, чтобы она поделилась властью, праада, не со «асем народом», а только с ними, с даорянами, компенсироваа тем самым ущерб, наиесенный «благородному сослоаню» крестьянской реформой... И ася эта критика развора-чиаалась на фоне крестьянских бунтоа, студенческих аолнений, подпольиой деятельиости радикалов.

Праaительстао на глазах теряло присущую ему самоуаеренность. Один из самых компетентных его членов, министр аиутренних дел П. А. Валуев, предлагааший Александру II пойти на некоторые уступки обществу, обращал его анимание на то, что аласть теряет опору среди населения: «Меньшинстао гражданских чинов и аойско,— писал он,— суть ныне единстаенные силы, на которые правительстао может аполне опереться». И царь согласился с подобной оценкой положения а стране, пометиа на полях: «Грустная истина...»

Валуев Петр Александрович (1815—1890), граф, государственный деятель. В 1861—1868 годах — министр внутренних дел, руководитель земской и цензурной реформами. В 1872—1879 годах — министр государственных имуществ, в 1879—1881 — председатель Кабинета министров. Автор «Дневника».

В этих услоаиях прааящая бюрократия уже не а силах была сохранить саое асевластие. Она отступила перед ноаой силой на местах, а уездах и губерниях — там, где, с одной стороны, асе раано не миноаать было переустранаать систему упрааления, а с другой — отступление предстаалялось срааиительно безопасным.

Реформа

«Положения о губериских и уездных земских учреждениях», получиашие закониую силу 1 янаaря 1864 года, по содержанию несколько напоминали «План» Сперанского, но ухудшенный и искаженный донельзя.

Прежде всего «пострадала» структура предполагаашихся органов. В соответстаии

с «Положениями» население уездов раз в три года должно было избирать своих представителей в уездные земские собрания, которые собирались ежегодно для решения следующих вопросов: разработка общего плана ведения местного хозяйства; утверждение сметы доходов и расходов и выбор из своей среды членов управы — постоянно действующего распорядительного земского органа. Кроме того, уездные гласные выдвигали своих представителей в губернские собрания, формируя тем самым земские органы высшего уровня. Деятельность губернского земства определялась теми же задачами, что и уездного, но, естественно, в масштабах всей губернии.

По сравнению с той структурой самоуправления, которую предполагал создать Сперанский, незавершенность и непоследовательность этой системы органов бросается в глаза. Как отмечали многочисленные критики реформы, «земское строение» оказалось лишенным, как фундамента — низших, волостных земств, так и крыши — общероссийского представительного органа, который, подобно предлагавшейся Сперанским Государственной думе, венчал бы собою земскую систему. А это, с одной стороны, неизбежно отрывало подобную систему от «земли», от повседневных, самых насущных нужд местного населения, а с другой — лишало ее возможности действовать как единое целое, представлять интересы всего «земского», нечиновного населения России.

В отношении организации выборов был также сделан заметный шаг назад по сравнению со Сперанским. Если последний в основу выборов положил имущественный ценз, то члены подготовительной комиссии исходили прежде всего из феодального, сословного принципа — имущественное положение избирателей играло в их проекте подчиненную роль. В соответствии с этим принципом все население уезда делилось на три группы избирателей, так называемых курий. В первую входили землевладельцы, имевшие не менее 200 десятин земли или пользовавшиеся годовым доходом не менее 6 тысяч рублей; во вторую — горожане с аналогичным годовым доходом; в третью — крестьяне. В отношении крестьянской курии имущественный ценз не определялся; зато выборы были здесь непрямыми — носили многоступенчатый характер: сельские общества выдвигали своих представителей на волостной сход, на сходах выбирали выборщиков, и лишь эти, последние, определяли, кто будет гласным крестьянства в местное уездное собрание.

Здесь побуждения власти были совершенно ясны: несмотря на все трения, которые возникали у правительства в это время с дворянством, оно все же доверяло «благородному сословию» куда больше, нежели нарождавшейся буржуазии или крестьянству. И создавая, по жестокой необходимости, земство, власть сделала все, чтобы поставить его под контроль дворянства. С помощью несложных цифровых выкладок была сконструирована такая избирательная система, которая обеспечивала численное преобладание поместного дворянства в уездном, и, соответственно, в губернском земствах. Ведущая роль, предуготованная правительством этому сословию в местном управлении, подчеркивалась еще и тем, что по «Положению» председателями уездных собраний должны были стать уездные, а губернских — губернские предводители дворянства.

Обращала внимание и ограниченность компетенции земства: власть настойчиво подчеркивала, что его функции определяются исключительно местными, хозяйственными по преимуществу, делами — никакие проблемы общего характера обсуждению в собраниях не подлежат... Все эти и многие другие недостатки новорожденной системы самоуправления сразу же обратили на себя внимание русского общества и подверглись с его стороны критике, зачастую резкой и, как правило, справедливой.

И все же большинство общественных деятелей, и в центре и на местах, весьма оптимистично смотрели на будущее земства. С их точки зрения, реформа впервые в истории России предоставляла возможность для реальной с а м о с т о я т е л ь н о й деятельности населения, деятельности в с о б с т в е н н ы х интересах. В этой работе можно было надеяться не только поднять уровень жизни населения, но и преодолеть от-

чужденность, недоверие, непонимание, которые веками накапливались во взаимоотношениях противостоящих друг другу сословий. В то же время земская деятельность, по мнению многих, должна была стать чем-то вроде приготовительного класса в школе представительного правления: прежде чем добиваться введения конституции, нужно было научиться своими силами решать местные проблемы. И К. Д. Кавелин, один из самых ярких либеральных деятелей пореформенной поры, выражал мнение многих, когда писал: «От успеха земских учреждений зависит вся наша будущность, и от того, как они пойдут, будет зависеть, готовы ли мы к конституции. Пора бросить глупости и начать дело, а дело теперь в земских учреждениях и нигде больше».

Земства и бюрократия

Невзирая на все многочисленные недостатки в своей организации, земство показало себя вполне жизнеспособным, развернув на местах активную и весьма плодотворную деятельность. Либерально настроенные земцы поначалу составляли большинство во многих уездах и губерниях; а по тем временам быть земцем-либералом означало быть искренне заинтересованным в результате своей работы. Под руководством подобных деятелей многие земства упорно и не без успеха пытались разобраться в причинах местных хозяйственных и прочих неурядиц и устранить их своими силами; если же это оказывалось невозможным, они засыпали ходатайствами губернскую администрацию и высшие инстанции, требуя обратить внимание, помочь, выделить средства...

Петербургская буржуазия и чиновничество.

Либеральный состав собраний и управ обуславливал и соответствующий подбор кадров земской интеллигенции, служившей здесь по найму. В пореформенной России не было недостатка в прекрасных работниках-энтузиастах, горевших желанием послужить народу своим трудом, своими знаниями,— и земство предоставило им такую возможность. В результате — впервые в истории России крестьянство получило квалифицированную медицинскую помощь; в селах появились отлично подготовленные учителя; трудами земских статистиков была создана объективная и ясная картина хозяйственной жизни страны. Наверное, никогда еще русский интеллигент не трудился так истово, с таким жаром — наконец-то у него появилось *свое* реальное благое дело.

Работа кипела... Но она имела смысл лишь постольку, поскольку соблюдалось правило: земства действуют свободно и независимо — недаром ведь они назывались органами самоуправления. При этом условии можно было преодолеть любые препятствия — нехватку средств, «недостроенность» системы, непропорциональное представительство сословий; при этом условии местное население и впрямь получало определенную возможность на деле решать свои проблемы и защищать свои интересы. Но именно это условие власть стала нарушать с железным постоянством буквально с первых же лет существования земства: самостоятельность и независимость земства чрезвычайно раздражала бюрократию всех уровней. Ощутив — уже не в теории, а на практике,— сколь серьезна брешь, пробитая в ее структурах земской реформой, власть принялась подгонять новые органы под старый строй.

Кое-какие рычаги, с помощью которых местная администрация могла влиять на деятельность своего новоявленного конкурента, были созданы уже «Положениями» 1864 года. Так, например, в них никак не предусматривались органы, с помощью которых земства сами могли бы собирать с населения соответствующие платежи и проводить в жизнь свои хозяйственные планы. А следовательно, в этом вопросе целиком и полностью зависели от уездных чиновников — исправников и становых, которые с превеликим удовольствием саботировали чуждую, противную им систему. Впрочем, пассивное сопротивление уездной администрации еще можно было пережить. Куда сложнее было противостоять активной антиземской деятельности губернских властей, которые буквально с каждым годом получали все более серьезную возможность влиять на органы самоуправления. Во второй половине 1860-х — 1870-х годах губернаторам было дано право отказывать в утверждении любому лицу, избранному земством, но сочтенному им, губернатором, неблагонадежным. Еще большие карательные права губернские власти получают в отношении «лиц, служащих по найму»,— земских врачей, учителей и прочих — по малейшему поводу, а нередко и просто по анонимному, ничем не подтвержденному доносу нежелательное лицо не только изгонялось из земства, но и высылалось за пределы губернии...

Кроме того, губернатор становился цензором всех печатных изданий земства — докладов, отчетов, журналов заседаний. Всеми этими правами местная власть пользовалась максимально широко, совершенно открыто относясь к земству, как к противнику, которого должно, если и не уничтожить, то, по крайней мере, покорить.

Аналогичной была и позиция высшей власти: как из дырявого мешка, на головы земцев сыпались из центра предостережения и выговоры за «превышение власти», за «вмешательство» в дела, принадлежащие «кругу действий правительства». Иной раз «дерзость» земцев вызывала и более серьезные меры — приостановку деятельности земских органов, наказание гласных и т. д.

В целом отношение власти к земству как нельзя лучше выразил губернатор — один из героев «Мелочей жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Я укажу вам на мостик — вы его исправите; я сообщу вам, что в больнице посуда дурно вылужена — вы вылудите. Задачи скромные, но единственные, для выполнения которых мне необходимо ваше содействие. Во всем прочем я надеюсь на собственные силы и указания начальства. Итак, не будем витать в эмпиреях...»

Бюрократия, как будто теоретически осознав необходимость уступок, компромиссов, оказалась совершенно неспособной осуществить их на практике. Создав систему самоуправления, которая действительно могла бы стать полем серьезной, полезной для государства деятельности оппозиционных сил, власть сама же в скором времени извратила ее и тем самым скомпрометировала. С каждым десятилетием земство становилось все менее привлекательным для тех, кто искал приложения своих сил к решению жизненно важных проблем пореформенной России. Окончательно добив земство контрреформами 1889—1890 годов, власть заставила и либералов, и радикалов с головой уйти в политику и тем самым из потенциальных сотрудников превратила в своих непримиримых врагов.

Крушение веры в возможность мирного перехода к новому строю было чревато революцией.●

Государственные расходы Российской империи по военному министерству:
в 1896 году — 288 521 969 рублей,
в 1899 году — 323 791 710 рублей.
(Обратите внимание, подсчитано до рубля.)
В процентах к общему итогу обыкновенных расходов это равно 22,13 процента. На душу населения — 2,5 рубля в год.

Для сравнения:
Франция расходовала на военный бюджет
в 1896 году 236 515 000 (в пересчете на рубли),
в 1899 году 229 515 000.
На душу населения — 5,76 рубля.

Германия на душу населения — 5,57 рубля.

Общий бюджет России в 1897 году — 1 494 598 224 рубля. По сравнению с 1857 годом он увеличился в 4,5 раза.

Для сравнения:
в Великобритании он увеличился чуть менее чем в два раза.

Из этого казенные имущества составляли 26 процентов, или 369 836 153 рубля (какая точность!).

Защита страны — 28,1 процента, чуть более, чем расходы военного ведомства.

Просвещение, увы,— 3,6 процента.

Зато сооружение железных дорог стоило 135 000 000 рублей, или около 9 процентов.

В 1892 году один врач приходился
на 101 300 душ в неземских губерниях,
на 42 000 душ — в земских,
в городах — один врач на 8 655 человек.

Для сравнения:
в Англии — 1730 жителей на одного врача.

Урожай 1897 года был таков:

озимой пшеницы собрано	151 270 тысяч пудов (2 420 320 тонн),
яровой —	413 909 тысяч пудов (6 622 544 тонны).
Итого пшеницы:	565 174 тысячи пудов (9 042 864 тонны).

Населения было 124 миллиона.

Средний урожай с десятины (в четвертях):
пшеницы у крестьян — 4,25—6,5 (5,4—7 ц.), у владельцев — 5,0—7,5.

Рогатого скота приходилось 30,6 головы на сто жителей.

В конце века пятьдесят губерний Европейской России собирали:

ржи — более 112 миллионов четвертей,
овса — 84 миллиона четвертей,
пшеницы озимой —12 миллионов четвертей,
яровой —28 миллионов четвертей,
ячменя —28 миллионов четвертей,
гречихи —9 миллионов четвертей,
проса —8 миллионов четвертей,
кукурузы —3 миллиона четвертей,
полбы —1,5 миллиона четвертей. (Четверть — 8 пудов.)

Добыча золота в 1861 — 1870 годах — 1656,24 пуда,
в 1898 — 2361 пуд.

Выплавка чугуна в 1861—1870 годах: 18 631 тысяча пудов,
в 1898 году: 134 242 тысячи пудов.

Для сравнения:
в 1898 году Великобритания выплавляла — 536 000 пудов,
Франция — 155 000 пудов,
Германия — 452 000 пудов.

Выплавка стали:
1851 год — 1860 тысяч пудов,
1887 год — 69 889 тысяч пудов,

Для сравнения:

в 1898 году Великобритания — 283 000 пудов,
Франция — 88 000 пудов,
Германия — 452 000 пудов.

Построено железных дорог:

к 1890 году — 26 554 версты,
к 1898 году — 39 787 верст.

Раздел IV

ГОСУДАРСТВО

Исторический путь России был не столько выбран ею, сколько дан ей. Нигде это не проявилось, может быть, так остро и наглядно, как в ее внешней политике. На протяжении столетий соседи России определяли приоритеты ее государственного развития. Соседство с кочевым Востоком и Югом, противоборство с германской колонизацией восточного берега Балтики, соперничество с Западом за контроль над Восточной Европой — все это к XIX веку составило жесткие геополитические рамки нашей государственности. Завоеванные в XVIII веке выходы к морям, присоединение кочевых степей и раздел, вместе с Пруссией и Австрией, Польши обнажили главные фигуры, противостоящие России в европейской и мировой политике.

Непосредственно у границ России располагалась Османская империя, соседствовала с нею, но проявляла себя лишь на Балканах Австро-Венгрия, за ними стояли (в прямом и переносном смыслах) Англия и Франция. Центральным объектом российской политики было Черное море, стиснутое меж Балканами и Кавказом,— здесь с ней сталкивались все основные действующие лица. Восточный вопрос с его труднейшими узлами — вокруг проливов, Гроба Господня в Иерусалиме, православными народами под турецким гнетом,— вот где лежал нерв геополитики. Без него долговременные интересы и немногочисленные варианты политических комбинаций сложились бы в подобие шахматной игры с минимальным набором фигур, не предоставляя особенного выбора политику-шахматисту. Но в правила игры вмешались такие непредсказуемые и иррациональные факторы, как духовные традиции и нравственные обязанности, имперское призвание и появление в Европе новых великих держав. За первым следовало освобождение Балкан, за вторым — завоевание Кавказа, третьим была объединяющаяся Германия.

Эти новые обстоятельства изрядно осложнили внешнеполитическую судьбу России, и без того трагическую после неудачной Крымской войны. Православие, колониализм (за Кавказом последовал Туркестан) и отношения с Германией — вот что влекло Россию за пределы традиционной геополитики, вот что должно было определить ее будущее.

Проблема настолько широка и актуальна, что поначалу схватывается лишь в безответных вопросах, за каждым из которых — история...

Фатально ли было наше расхождение с Германией?

Стоило ли «идеалистически» и прагматически бороться за освобождение Балкан? За мифический Константинополь, чтобы плоды пожинали австрийцы и немцы, чтобы народ за народом отворачивался от освободителей? Оправдало ли включение Польши в состав Российской империи те материальные и духовные его издержки, что актуальны поныне? Не стоит ли числить среди отдаленных, но оттого не менее глубоких причин свершившегося в 1917 году, «оскудения центра» России?

Так геополитика нечувствительно перетекала в проблемы внутренней политики. Неизбежность внешних союзов и столкновений отзывалась в неизбежности внутренних катастроф.

И потому не стоит ли видеть в рациональных правилах внешней политики не только отвлеченную алгебру дипломатии, но и стихию исторического бытия, называемую историей государства?

Историки иногда пользуются спортивными терминами для объяснения экономических явлений. Существует, например, понятие «стартовавшие с опозданием». К нему часто обращаются, когда пишут об экономическом развитии России или Японии во второй половине XIX века. При очень существенных различиях географического, территориального, этнического характера между этими странами можно найти много общего в процессе модернизации их промышленности и финансов на рубеже двух столетий.

Б. Ананьич,
профессор, доктор исторических наук

Проблемы российского реформаторства

Обе страны с опозданием приступили к капиталистической индустриализации. И обе — в результате реформ, проведенных сверху. Для государственного управления России и Японии характерна была высокая концентрация власти. Правительства обеих стран не только провели реформы, открывшие возможности для развития капиталистических отношений, но и непосредственно участвовали в процессе индустриализации. В обеих странах государственное вмешательство использовалось для того, чтобы ускорить процесс индустриализации и достичь уровня развития передовых стран Европы и США.

Стартовавшие с опозданием вынуждены догонять. Можно говорить об известной модели поведения страны, догоняющей передовые в экономическом отношении государства. С этим нельзя не считаться, рассматривая особенности экономического развития России в пореформенный период.

Но вот вопрос: почему же Россия к середине XIX века оказалась в числе стартовавших с опозданием?

Зачем нужны великие реформы?

Проведенные в 1860—1870-х годах, в царствование Александра II, реформы принято называть великими. Действительно, они затронули самые разные стороны жизни русского общества и экономики. Однако почему же власть в России не могла довольствоваться обычными, регулярными реформами как естественным средством усовершенствования государственного управления и развития народного хозяйства?

Современники, сторонники реформ, часто называли предшествовавшее им царствование Николая I периодом «тридцатилетнего

застоя». За эти годы Россия не просто отстала в своем экономическом развитии, но и откатилась назад. (Впрочем, процесс отставания начался еще раньше.)

При этом страна продолжала демонстрировать военное могущество, участвуя в подавлении революционного движения в Европе. Однако поражение в Крымской войне показало всю призрачность этого могущества. Россия оказалась перед угрозой превращения во второстепенную европейскую державу. Глубокий и длительный застой требовал «великих» реформ для выхода из кризиса.

В реформах нуждалась прежде всего система управления. Однако, несмотря на размах объявленных реформ, они совершенно не затронули высшую власть. О конституции не было и речи. Александр II не поступился ни одной из своих прерогатив. Россия оставалась страной без объединенного правительства в виде кабинета или совета министров, без представительного учреждения парламентского образца, с обществом, разделенным на сословия.

Более серьезных реформ в системе государственного управления требовала прежде всего экономика. Это хорошо понимали и современники, и уже в начале 1860 годов в правящих кругах России возникла острая борьба между сторонниками и противниками углубления реформаторского процесса. Победа консерваторов, твердивших о самобытности России, способствовала его торможению, а затем и свертыванию в середине 1880 годов.

«Свободные сельские обыватели»

И все-таки те реформы, что были проведены, дали мощный толчок экономическому развитию России, и, конечно, огромное значение имела отмена крепостного права. Три четверти населения было связано с сельским хозяйством. Российское крестьянство и после реформы оставалось не только самой большой, но и самой бесправной частью населения. Перейдя в состояние «свободных сельских обывателей», крестьяне были причислены к разряду податных сословий и оставались основными налогоплательщиками. До середины восьмидесятых годов они облагались подушной податью, введенной еще в царствование Петра I, до 1874 года несли рекрутскую повинность. Тяжелым бременем на крестьян легли выкупные платежи. (Они были прекращены только с января 1907 года под влиянием революционных событий.) Кроме общих для всех сословий казенных и земских сборов, для крестьян были установлены мирские сборы и повинности, налог на обязательное страхование строений, сборы на пополнение продовольственных капиталов.

Освободившись от крепостной зависимости, крестьяне оказались в плену общинных отношений. Мир оплачивал содержание сельских церквей, выборные крестьянские должности. Волостное правление, подчиненное уездной администрации и полицейским властям, выполняло довольно много обязанностей по воинской повинности, конским переписям, сбору статистических сведений, контролю над взиманием налогов и натуральных повинностей. Эти обязанности лежали и на сельских старостах. За счет мирских сборов производилась починка проселочных дорог, содержались волостные и сельские школы, дома призрения инвалидов и сирот.

После отмены крепостного права четыре пятых надельных земель оказались в общинном землепользовании. Община несла ответственность за уплату податей. Она могла отбирать у недоимщиков наделы, подвергать их телесному наказанию по приговору волостного суда. В особых случаях вышестоящая администрация прибегала к мерам взыскания: продаже движимости, скота и строений, принадлежавших недоимщикам. Если и эти меры оказывались недостаточными для покрытия налогов, причитавшихся с общины, то вступала в силу круговая порука. Закон об ее отмене начал действовать только весной 1903 года.

Существовавшая в России паспортная система, введенная еще при Петре I, ограничивала возможности свободного передвижения крестьян. Она преследовала три цели: полицейскую, то есть облегчала надзор за населением; податную — была средством давления на податную часть населения, крестьянин или мещанин, имевшие недоимки, не могли получить паспорт; и наконец, финансовую, ибо паспорт был одним из источников государственных доходов.

Правительство отдавало себе отчет в том, что ограничение передвижения крестьян пагубно отражается на развитии промышленности и народного хозяйства в целом. И тем не менее лишь в конце 1880 годов, после отмены рекрутской повинности и подушной подати, в правительственных кругах серьезно занялись выработкой нового закона о паспортах. Он вступил в силу в январе 1895 года.

Паспортная реформа затянулась, таким образом, более чем на тридцать лет и так и не решила до конца проблему свободного передвижения крестьянства. В основе паспортной реформы 1894 года лежало, как и прежде, разделение населения империи на две части — привилегированную и податную. Дворяне, чиновники, почетные граждане, купцы и разночинцы получали бессрочные паспортные книжки и не были огра-

ничены в выборе постоянного места жительства. Для мещан, ремесленников и крестьян лишь несколько облегчили свободу передвижения. Теперь они могли получить пятилетнюю паспортную книжку и находиться в течение более длительного срока вне места своего постоянного жительства. Только в 1906 году, в период революции, на основании указа 5 октября представители бывших податных сословий получили право абсолютно свободного передвижения.

В пореформенный период резко возрос прирост сельского населения в Европейской России. С 1863 по 1897 год оно увеличилось более чем на 26 миллионов человек. За эти годы около трех миллионов крестьян ушли в город и превратились в промышленных рабочих. Несмотря на это, к началу XX века в России возникло аграрное перенаселение. Кроме того, в 1880 годах под влиянием мирового аграрного кризиса началось падение цен на хлеб, затянувшееся почти до конца 1890 годов. Подавляющее большинство российского крестьянства не

года допускала выход крестьян из общины или с согласия «мира», или при досрочном погашении выкупного долга. Но вместо того чтобы создать условия, при которых крестьяне могли бы самостоятельно делать выбор, правительство взяло курс на укрепление общины. В 1886 году был принят закон, ограничивавший право семейных разделов у крестьян-общинников, в 1889 — введен институт земских начальников, усиливавший контроль дворянства над органами крестьянского местного самоуправления, а закон, принятый в июле 1893 года, ограничивал право земельных переделов. Он устанавливал для переделов наименьший срок в двенадцать лет и непременный контроль над ними земских начальников. 14 декабря 1893 года было объявлено о запрещении выхода из общины без согласия «мира» даже при досрочном погашении выкупного долга, а также о запрещении продажи, передачи в дар или залога земельных наделов.

Итак, крестьяне оставались пленниками общинного землевладения вплоть до 1906 года, до проведения столыпинской аграрной реформы.

способно было бороться с падавшей доходностью своих хозяйств. К середине 1890 годов перед царским правительством со всей остротой встала проблема так называемого оскудения Центра — упадка и разорения крестьянских хозяйств центральных земледельческих губерний. Усилилось самовольное переселение крестьян из центральных губерний России. После реформы 1861 года правительство старалось ограничить и затруднить этот процесс, опасаясь, что центральные губернии окажутся без рабочей силы, а поселение крестьян на казенных землях даст им повод надеяться на дополнительные наделы. Затем, начиная с 1890 годов, пыталось его регулировать. Были приняты меры для облегчения переселения крестьян на окраины империи. Однако решить эту проблему в целом правительство оказалось не в состоянии. Свободное передвижение крестьян было сковано паспортным уставом, общинной системой землевладения и круговой порукой.

Статья 165 Положения 19 февраля 1861

Царское правительство пыталось регулировать разделение земельных богатств между разными сословиями империи с помощью Крестьянского поземельного и Государственного дворянского земельного банков, созданных соответственно в 1882 и 1885 годах. В Министерстве внутренних дел стремились препятствовать появлению крупных крестьянских хозяйств, приближавшихся к фермерскому типу. Там готовы были содействовать лишь малоземельным крестьянам в приобретении новых владений в пределах, которые обеспечили бы безбедное существование средней крестьянской семье.

Несмотря на отмену крепостного права, положение крестьян и состояние сельского хозяйства продолжало оставаться самой больной проблемой российской действительности. В конце XIX века Россия производила до половины мирового урожая ржи, до двадцати—двадцати пяти процентов мирового урожая овса, она выступала как один из крупных поставщиков на мировом хлебном рынке. Объем русского хлебного

экспорта достигал пятисот миллионов пудов в год. И в то же время в стране периодически повторялись неурожайные и голодные годы с трагическими последствиями. Так было, например, в неурожайные 1891—1892 годы, когда от голода и сопутствовавшей ему холеры умерло более пятисот тысяч (!) человек. Необычайные размеры бедствия, охватившего огромную территорию с многомиллионным населением, свидетельствовали о социальных причинах разыгравшейся трагедии.

Аграрная политика в России находилась в ведении Министерства внутренних дел, в то время как промышленность и денежное обращение контролировались Министерством финансов. В результате управление этими двумя тесно связанными друг с другом областями народного хозяйства было искусственно разобщено. Консервация феодальных пережитков в сельском хозяйстве сосуществовала с политикой ускоренного промышленного развития, проводившейся Министерством финансов.

Государство как двигатель прогресса

Но что же характерно для поведения стран, с опозданием вступивших на путь индустриализации? Это, во-первых, стремление воспользоваться опытом и технологическими достижениями более развитых государств, во-вторых, их прямой финансовой помощью в виде займов и инвестиций и, в-третьих, опереться на государственные структуры для определения программы ускоренного развития промышленности и непосредственного ее осуществления. Все это мы наблюдаем и в России.

Участие государства в процессе индустриализации в XIX веке — явление обычное. Почти во всех европейских странах государство финансировало, например, дорогостоящее железнодорожное строительство. Однако в России по целому ряду причин и, в первую очередь, ввиду самодержавной природы власти государственное вмеша-

тельство в экономику было особенно значительным. Соотношение государственной и частной собственности в промышленной и финансовой сферах было под постоянным контролем правительства и министерств, осуществлявших экономические реформы.

Во второй половине XIX века Министерство финансов возглавляли известные люди: М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский и, наконец, С. Ю. Витте. Бунге и Вышнеградский были учеными с мировым именем. Сторонники реформ в Министерстве финансов в конце пятидесятых годов придерживались западноевропейских экономических учений, в частности идеи Сен-Симона о всемогущей роли кредита в развитии промышленности. Царское правительство, начав в ходе реформ преобразование своей банковской системы, опиралось на опыт европейских стран, прежде всего Германии и Франции.

До середины XIX века в России действовала система казенных банков, поддерживавших дворянское землевладение, а также заметную роль в финансовой жизни империи играл частный банкирский промысел — банкирские дома и конторы. Со времен

Ткацкая фабрика в г. Шуе

Екатерины II существовал институт придворных банкиров. Через них поддерживались связи с европейскими денежными рынками. Последним придворным банкиром был известный предприниматель и меценат барон А. Л. Штиглиц. В результате финансовой реформы в 1860 году в России был образован Государственный банк, и А. Л. Штиглиц был назначен его первым директором. Казенные банки были аннулированы, и вместо них в России начала создаваться система акционерных коммерческих банков.

В 1860 годы в основных европейских странах происходит переход от разрешительной системы учредительства к явочной, то есть процесс возникновения акционерных компаний приобретает свободный характер, предпринимательство раскрепощается, освобождается от государственного контроля. Рос-

сийское Миинстерство фииаисов в иачале шестидесятых годов тоже заявило себя стороиииком поощреиия частиого предприиимательства. Миистр фииаисов М. Х. Рейтери выступал за развитие биржевых операций и отстаивал ие только частиую ииициативу в учреждеиии баиков, ио и полезиость коикуреиции между иими. Ои иачал разработку закоиопроекта о предоставлеиии частиой иинциативе большего простора в учреждеиии акциоиериых компаиий.

Одиако уже в середиие 1870 годов положеиие измеиилось. Отчасти испугаиное размахом биржевых спекуляций и крахом 1873 года, правительство вериулось к традициоииой политике коитроля иад акциоериым учредительством и сдерживаиия сво-

Рабочая слободка

бодиой коикуреиции. В сфере фииаисовой для Россни стало тнпнчным использовать государствеииые средства для обуздаиня бнржевых кризисов, для регулнрования курса рубля и цеииых бумаг и для поддержкн правительством «солидиых» предприятий н баиков, в том числе за счет выдачн из средств Государствениого баика иеуставиых ссуд. Было разработаио жесткое законодательство, регламентнровавшее акциоиериое учредительство. Государствеииый баик превращеи в орудне государствеииой политнкн и стал выполиять роль баика баиков. В Мниистерстве фииансов специальиое подразделеине — Особеииая каицелярия по креднтиой части — сосредоточило в своих руках коитроль иад банками и междуиародиыми кредитиыми операциями.

На пути свободиого предпрннимательства стояли ие только жесткое акциоиериое закоиодательство, ио и иациоиальиая и религиозиая политика правнтельства. В 1859 году был издаи закои, разрешавший богатому еврейскому купечеству переселяться в круп-

ные города, находившиеся за пределами черты оседлости. В Петербурге и Москве возникли крупные банкирские дома, такие, как «Л. Поляков» или «И. Г. Гинцбург». Однако продолжавшие действовать другие законодательные ограничения для предпринимателей иудейского вероисповедания или старообрядцев отрицательно сказывались на свободе предпринимательства.

Чрезмерный государственный контроль тормозил развитие не только финансов, но и промышленности. Значительную ее часть составляли казенные заводы с низкой производительностью труда и устаревшим оборудованием. Они полностью зависели от правительственных заказов, а также от субсидий в периоды кризисов.

Решающая роль принадлежала государству в сфере железнодорожного строительства. Железные дороги в России часто строились в слаборазвитых в экономическом отношении районах и способствовали их освоению, а потому были малодоходными или убыточными. К числу таких дорог относилась, например, Сибирская магистраль.

До 1860 годов железнодорожное строительство велось преимущественно на внутренние средства. Россия только покупала за границей железнодорожное оборудование и материалы. В 1857 году при поддержке правительства было создано Главное общество российских железных дорог для постройки линий, которые связывали бы центр России с земледельческими районами страны, а также с портами на побережьях Балтийского и Черного морей. В его учреждении приняли участие крупные европейские банки и банкирские дома, и оно должно было способствовать притоку иностранного капитала. В 1867 году правительство образовало специальный фонд для финансирования частного железнодорожного строительства и пополняло его за счет заграничных займов. К 1880 годам почти все железнодорожное дело оказалось сосредоточенным в руках частных железнодорожных обществ. Но в 1883 году железнодорожный фонд был исчерпан и ликвидирован. К этому времени правительство отказывается от поддержки частного предпринимательства в железнодорожном деле и начинает выкуп дорог в казну, возобновляет их казенное строительство.

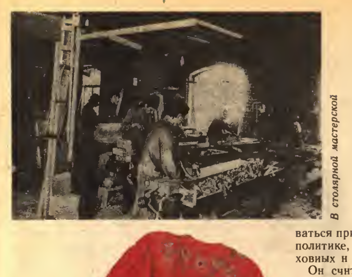
Попытки укрепить рубль и другие реформы

К началу XX века из общей протяженности железнодорожной сети в пятьдесят одну тысячу километров две трети ее принадлежали государству.

Поражение в Крымской войне способствовало развитию инфляции. С началом реформ правительство сделало решительную попытку стабилизировать денежное обращение. С целью укрепления рубля министр финансов М. Х. Рейтерн в апреле 1862 года сделал у лондонских и парижских Ротшильдов пятипроцентный заем на крупную по тем временам сумму в 15 миллионов фунтов стерлингов, а в мае попытался ввести в России свободный размен кредитных билетов на золотую и серебряную монету. Но попытка эта оказалась неудачной. В январе 1863 года началось польское восстание, сразу же отразившееся на финансовом и политическом положении России. На Петербургской бирже вспыхнула паника, и Государственный банк вынужден был объявить о прекращении размена. Россия оказалась еще недостаточно подготовленной к введению золотого денежного обращения. Переход к золотой валюте был отложен, и начался длительный период накопления золотого запаса, в том числе и за счет заграничных займов. Европа переходила к золотому монометаллизму. В 1816 году он был введен в Англии, в начале семидесятых годов — в Германии, Швеции, Норвегии и Дании.

Провал денежной реформы свидетельствовал о недостатке капиталов в России. Но обеспечить их приток из-за границы можно было, только стабилизировав рубль. Между тем начавшаяся в апреле 1877 года война с Турцией вызвала дальнейшее расстройство денежного обращения. В конце 1870 годов наступил и некоторый спад в промышленном развитии. Стало очевидным, что для развития экономики страны и укрепления ее финансового положения необходимы новые реформы.

К началу девяностых годов в правящих кругах существовало две концепции их проведения. Сторонником первой был Н. Х. Бунге, известный экономист, профессор университета Святого Владимира в Киеве, занимавший с 1881 по 1886 год пост министра финансов, а с 1887 по 1895 — председателя Комитета министров. По его мнению, для успешного развития народного хозяйства необходимо было произвести изменения в системе государственного управления. В частности, создать объединенное правительство во главе с председателем Совета министров, ввести какую-то форму представительства, хотя бы привлечь общественных деятелей в Государственный совет, ослабить влияние Министерства внутренних дел и губернаторов, провести децентрализацию управления. Бунге был за то, чтобы пересмотреть акционерное законодательство и предоставить большую свободу учредителям акционерных обществ и банков, придержи-

В столярной мастерской

ваться принципа всесословности в податной политике, создать условия для развития духовных и материальных сил народа.

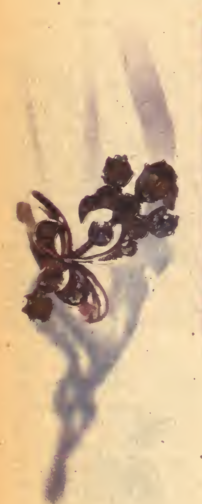
Он считал, что только распространение частной собственности могло способствовать повышению благосостояния крестьян. Бунге был сторонником замены общинного землевладения частным и придавал большое значение правильному расселению землевладельцев на пространствах незанятой земли. Он критиковал чрезмерное государственное вмешательство в экономическую жизнь страны. Бунге утверждал, что накануне Крымской войны «частное начало» в области «духовной и материальной жизни» было ограничено в России «до крайности».

«Разочарование, постигшее всех в пору Крымской войны, привело к внутренней политике, которая ожидала всего от частной инициативы», но «она проявлялась иногда в столь прискорбных формах, что люди бла-

В рабочей столовой.

гонамеренные начали снова вопить о надзоре и контроле со стороны государства и даже о замене государственною деятельностью частной». «В этом направлении,— сетовал Бунге,— мы продолжаем преуспевать и теперь... Кажется, невозможно идти далее, если не допустить, что государству следует пахать, сеять и жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы и подвизаться на поприще искусств и науки...»

Бунге предостерегал правительство от замены «свободного» частного хозяйства «принудительным хозяйством государственным или общественным», от вторжения в отрасли, которые «с успехом велись частной промышленностью». «Можно ли требовать от казенного управления, которое при дурном ведении хозяйства не отвечает своим карманом в такой степени, как частное, чтобы оно было по природе своей и справедливо, и интеллигентно, и разумно? — рассуждал Бунге.— Весьма мало вероятно, чтобы государство могло во всем и везде заменять частную предприимчивость». Для успешной борьбы с социалистическими идеями правительству предлагалось позаботиться о создании правовых и экономических условий, которые смягчили бы «материальное состояние всех и каждого как классов, владеющих недвижимым имуществом, так и рабочих».

Предпочтение было, однако, отдано программе экономических реформ, не связан-

ных с какими бы то ни было политическими преобразованиями. Ее автором стал известный железнодорожный деятель С. Ю. Витте, занявший в августе 1892 года пост министра финансов. Витте обещал, не проводя политических реформ, радикально изменить экономическое положение России в течение двух десятилетий и догнать за это время развитые в экономическом отношении страны Запада. В отличие от Бунге Витте был сторонником решительного государственного вмешательства в народное хозяйство и именно высокую концентрацию власти намерен был использовать в качестве рычага для проведения ускоренной индустриализации.

Во второй половине 1890 годов С. Ю. Витте провел целую серию очень важных реформ в экономике и финансах России. Прежде всего Витте завершил начатый его предшественниками процесс стабилизации рубля и ввел в России указом 29 августа 1897 года золотое денежное обращение. В связи с этим был реформирован Государственный банк. Он стал центральным эмиссионным учреждением. Однако в отличие от центральных эмиссионных банков других стран он занимался также и коммерческой деятельностью и продолжал оставаться под контролем Министерства финансов.

Введение золотого стандарта обеспечило устойчивое положение рубля и открыло возможности для широкого привлечения в Россию иностранных капиталов как в виде займов, так и инвестиций. Витте стремился широко использовать международный денежный рынок. Иностранные капиталы Витте рассматривал как верное лекарство против бедности.

Одновременно с привлечением иностранных капиталов С. Ю. Витте предпринял меры к накоплению внутренних ресурсов. Этой цели прежде всего служила система налогообложения. В 1898 году был утвержден новый промысловый налог, пополнивший доходы государства за счет отчислений с промышленных предприятий. Резко возросли косвенные налоги на керосин, спички, спирт и другие товары. Одним из самых эффективных средств выкачивания денег из народного кармана стала винная монополия, введенная в 1894 году.

В целях развития отечественной промышленности Витте придерживался протекционистской системы. Ее основы были заложены таможенным тарифом 1891 года. Противники протекционизма во весь голос говорили о том, что русская обрабатывающая промышленность не способна удовлетворять внутренний спрос и населению из-за пошлин приходится покупать иностранные изделия по высоким ценам и приплачивать за изделия внутреннего производства. В оправдание этого Витте мог заявить только одно: «Великие задачи требуют и великих жертв». Он обещал уменьшить эти жертвы, ускорив процесс образования вполне независимой национальной промышленности.

Витте связывал экономическое развитие России при помощи иностранных капиталов с активной борьбой за рынки сбыта на восточных окраинах России. Он надеялся, что в течение нескольких лет русская промышленность достигнет высокого уровня развития и сумеет занять на этих рынках прочные позиции, русские товары станут конкурентоспособными, а из выручки от вывоза в Азию можно будет оплачивать проценты на капиталы, полученные в Европе. Со второй половины 1890 годов русское Министерство финансов начало так называемое мирное экономическое проникновение на рынки Дальнего и Среднего Востока, в первую очередь Маньчжурии, Персии и Монголии. Решающая роль в проведении этой политики была отведена банкам — Учетно-ссудному банку Персии, являвшемуся фактическим филиалом Государственного банка, а также Русско-китайскому банку, работавшему как на казенных русских, так и на иностранных капиталах.

Проводившееся Витте государственное вмешательство в экономику обычно оправдывалось необходимостью поддержки неокрепшей еще частной инициативы. Однако в действительности далеко выходило за эти пределы и препятствовало естественному развитию капиталистических отношений в стране. Широко используя государственное хозяйство не только для решения внутриполитических задач, но и в борьбе за внешние рынки, Витте так и не провел или не сумел провести реформы общего характера, которые создали бы условия для более свободного развития частной инициативы. Ему не удалось сделать более демократичным акционерное законодательство.

Проведенные Витте реформы были связаны между собой и преследовали определенную цель — ускорить промышленное развитие России. В своей совокупности они имели вид определенной программы или системы. Витте отдавал себе отчет в том, что решение задачи успешного экономического развития страны невозможно без дальнейших реформ и в сельском хозяйстве. В связи с этим он обратился в октябре 1898 года к Николаю II со специальной запиской по крестьянскому вопросу. Витте писал, что крестьянство в результате реформы 1861 года было «освобождено от рабовладетелей», но осталось в рабстве у «своих односельчан и сельского управления». Он ставил необходимость пересмотра положения крестьян в прямую связь с интересами госу-

дарственного бюджета, призывал к созданию условий для повышения их благосостояния, а тем самым и налогоспособности. Однако призыв Витте остался без ответа и был похоронен в недрах Министерства внутренних дел.

Экономическая политика Витте оказала большое влияние на развитие русской промышленности. В девяностых годах в стране было сооружено рекордное количество новых железнодорожных линий, в среднем строилось свыше трех тысяч километров путей в год. К 1900 году Россия вышла на первое место в мире по добыче нефти. Казавшийся стабильным политический режим и развивавшаяся экономика завораживали европейского мелкого буржуа, охотно покупавшего высокопроцентные облигации русских государственных займов и железнодорожных обществ. Современники шутили, что русская железнодорожная сеть строилась на деньги берлинских кухарок. В области финансовой для России конца XIX века и начала XX века характерен чрезвычайно быстрый рост государственного бюджета. По росписи 1867 года обыкновенные доходы составляли всего 115 миллионов рублей. Прошло тридцать лет, и они увеличились на один миллиард. Для накопления второго миллиарда рублей по этой статье понадобилось уже всего одиннадцать лет. Рост бюджета, однако, не соответствовал росту национального дохода и не был признаком финансового благополучия. Он во многом зависел от доходов винной монополии.

В результате промышленного взлета 1890 годов Россия приблизилась к индустриально развитым странам, однако не догнала их. Программа Витте не достигла своей цели. В конце 1898 года на европейском денежном рынке появились первые признаки финансового кризиса. В 1899 году он стал общеевропейским. В 1900 году наступил мировой экономический кризис. Под угрозой краха в России оказались многочисленные предприятия, стал сокращаться приток иностранных капиталов в промышленность и сменился их отливом.

К началу экономического кризиса казалось, что Витте добился успеха в осуществлении своей внешнеполитической программы. Россия уверенно занимала позиции на рынках Дальнего и Среднего Востока, тесня там своих соперников. Однако так называемое мирное проникновение в эти районы было связано с большими расходами, ложившимися на плечи русского налогоплательщика, способствовало обострению русско-английских и русско-японских противоречий и приблизило развязку войны с Японией.

Но едва ли правильно было бы утверждать, что систему Витте погубили война и кризис. Ускоренная индустриализация России не могла быть успешной при сохранении традиционной системы власти и существовавших экономических отношений в деревне. Политика Витте была глубоко противоречива, ибо для капиталистического развития страны он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой власти российского самодержавия. Консерватизм системы Витте состоял в том, что она должна была способствовать укреплению экономического могущества существовавшего режима.

Правительство поощряло частное предпринимательство и частную инициативу, но только в той мере, в какой это не затрагивало политические интересы самодержавия и при условии, что контроль над развитием промышленности все-таки был сосредоточен в Министерстве финансов и других государственных учреждениях.

Уже во время войны, в сентябре 1914 года, профессор политической экономии Московского университета и член Государственного совета по выборам от университетов и Академии наук И. Х. Озеров передал Николаю II через министра финансов П. Л. Барка специальную записку. И. Х. Озеров умолял царя о «снятии тормозов с развития производительных сил страны» и призывал следовать примеру Соединенных Штатов, создавших условия для промышленной деятельности. «У нас... слово «коммерсант» считается чуть ли не бранным,— писал Озеров.— Вследствие волокиты, с которой связано у нас открытие новых акционерных предприятий, за последнее время русские люди стали учреждать эти предприятия на английской и французской территориях по законам тех стран, для чего здесь нужно шесть — девять месяцев, а то и более, а там то же самое можно сделать за несколько дней».

Итак, стартовавшая с опозданием Россия, несмотря на попытки царского правительства форсировать индустриализацию, не достигла уровня развития передовых европейских стран. Проведенные во второй половине XIX века реформы не создали необходимых условий для превращения России в государство с процветающей экономикой, более того, оказались неспособными остановить революционный процесс. Историческая альтернатива — реформы или революция — в условиях первой мировой войны объективно разрешилась в пользу революции. ●

Петербургские парки

Екатерингофский и Александровский парки пренебрегаются «чистой» публикой, пренебрегаются даже Думой, и по весьма резонной причине — их возлюбил для воскресной летней прохлады питерский фабричный мужичок. А много ли мужичку нужно? Была бы травка-муравка, на которой можно было бы брюхом полежать на палящей солнечной угреве, было бы поблизости «заведение» с вольным отпуском сиволдая и пивка — он и счастлив, он и весел, он и «гуляет» во всю свою неприхотливую душу! «В час вечерней мглы» парки эти чреваты для запоздалых любителей природы не совсем приятными встречами с так называемыми «шестерками» и «вяземскими кадетами», тяжелыми на руку и легкими, подобно «быстростремительному Ахиллесу», на ногу...

Вл. Михневич, «Петербургское лето», СПб, 1887 год

Пригородные чухны

В отношении своего населения наша северная столица имеет своеобразную физиономию: куда вы здесь ни взглянете, всюду встретите «угрюмого пасынка природы» — чухонца.

Петербург не то, что Москва: если в Москве, этом сердце России, вы никогда не увидите чухонца, то, напротив, в Петербурге чухны — явление самое обыкновенное. По справедливости можно сказать, что обыватели столицы в своей повседневной жизни едва ли не больше имеют дело с чухнами, нежели с русскими крестьянами, так что коренной петербуржец, собственно говоря, даже и не имеет ясного представления о русском крестьянстве, ибо представление об этом, последнем он получает, так сказать, издали. Хотя летом из глубины России и приходят в Петербург разные тверские, ярославские, костромские и т. д. крестьяне, но с наступлением зимы, подобно перелетным птицам, они снова возвращаются на родину. Совсем не то — чухны, которые ежедневно переполняют собой все столичные рынки, где только производится возовая торговля. На окраинах столицы, на вывесках мелочных лавок нередко имеются даже надписи на финском языке.

А. Бахтиаров, «Брюхо Петербурга», СПб, 1887 год

Ценится только живая стерлядь

Несмотря на свою сравнительно небольшую величину, стерлядь составляет едва ли не наиболее замечательный вид из всего семейства осетровых, имеющего у нас такое громадное промышленное значение. Конечно, в этом, последнем отношении стерлядь значительно уступает своим родичам, но она имеет высокий интерес, потому что в настоящее время встречается почти во всех реках России и Сибири, есть рыба вполне пресноводная, а не проходная, как осетр, белуга, так и севрюга, а, во-вторых, потому, что образ жизни, нерест и история развития благодаря недавним наблюдениям Овсянникова, Кноха, Гримма и Пельцама известны нам гораздо лучше, нежели у других осетровых. Но совершенно напрасно полагают многие, что стерлядь играет весьма важную роль в ряду других рыб: несмотря на многочисленность улова, ценится только живая стерлядь и притом достигшая известной меры; она не имеет определенной ценности, не заготовляется впрок, а потому, по крайней мере в настоящее время, занимает второстепенное место.

«Природа», 1874 год, книга 4.

У российской дипломатии не было выбора, и германофил Александр II так же стремился к соглашению с Францией, как франкофил Александр III — к соглашению с Германией. Но если соглашение с французами было временным и неестественным явлением и отход от него был болезненным лишь для Франции, то крушение дружественных отношений России с Берлином в конце XIX века сказывается в судьбе двух великих наций до сих пор.

О. Айрапетов

Был ли выбор у российской дипломатии?

18 (30) марта 1856 года Парижский трактат подвел итоги Крымской войны. Условия его закрепляли победу над Россией трех западных держав — Англии, Франции и Австрии. Правда, Австрия официально в войне не участвовала, но ее «нейтральная» позиция стоила нам двухсоттысячной армии, которую император был вынужден держать на границе с Дунайской монархией.

Из союзников России только Пруссия оказалась в состоянии удержаться на позиции «нейтрального нейтралитета», как назвал эту политику ее король. Условия мира были тяжелыми, и хотя до расчленения империи дело не дошло, все же Западу удалось достичь многого: статья XI объявляла о нейтрализации Черного моря, крепости и арсеналы на его берегах уничтожались, прибрежным государствам запрещалось иметь в его водах серьезные военно-морские силы; юг России оставался абсолютно беззащитным.

По XX статье трактата страна теряла Бессарабию, лишаясь контроля над устьями Дуная, судоходство по которому объявлялось свободным. Для закрепления своих успехов Англия, Франция и Австрия заключили союз, предусматривающий, что всякое нарушение договора от 30 марта 1856 будет рассматриваться в качестве повода для войны и вызовет немедленную помощь со стороны означенных держав Турции. Так окончательно сложилась Крымская система, борьба с которой за отмену ограничительных статей Парижского мира стала главной линией русской дипломатии до 1871 года. Эту задачу призван был решить новый глава МИДа князь А. М. Горчаков, выпускник царскосельского Лицея.

Центральным звеном Крымской системы была обладательница самой мощной армии на континенте — Франция, и именно с ней первоначально хотел договориться Горчаков, заявивший, что добьется отмены ограничений, не потратив на это «ни копейки русских денег, ни капли русской крови». Иного союзника для этой программы тогда не могло быть.

В 1856 году Наполеон III послал герцога Морни представлять Вторую Империю на коронационных торжествах в Москве. Путь миссии лежал через Германию, где Морни встретился со вдовствующей императрицей Александрой Федоровной. У старого двора не было профранцузских настроений, и, поняв это, Морни отметил в письме к Валевскому: «...если вообще русский недолюбливает француза, то русский, привитый к немцу, глубоко их ненавидит». Но в Москве Морни ждал радушный прием. Герцог был очарован русским двором, беседами с императором, великими князьями и Горчаковым.

Когда пожалованы.	НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Что пожаловано в за какія дѣла.
Апрѣл. 11	1, 2 и 3 батальонамъ 7-го пѣхотного Ревельскаго полка.	Георгіевскія зномена. За 1877 и 1878 гг.
	7 Драгунскому Кинбургскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка.	Георгіевскіе Штандарты за отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 гг.
	7 Гусарскому Бѣлорусскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полку.	
Авгус. 16	Дагестанскому Конно-Иррегулярному полку.	Георгіевское знамя за подавленіе возстанія въ Дагестанѣ 1877.
Авгус. 30	Войску Донскому	За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 гг.
1880. Мартъ 19	3 батальону 81 Апшеронскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича полка.	Георгіевское знамя за подавленіе возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ 1877 году.
	2-му батальону 83 пѣхотнаго Самурскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича полка.	тоже
Авгус. 30	Кубанскому Казачьему войску.	Георгіевскія знамена за отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 гг.
	Терскому Казачьему войску	

ВѢДОМОСТЬ

Частямъ войскъ Шефомъ коихъ состоялъ въ Бозѣ почившій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

Лейбъ Гвардіи: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, Егерскаго, Гренадерскаго, Павловскаго, Кавалергардскаго, Коннаго, Кирасирскаго Его Величества, Гусарскаго Его Величества, Казачьяго Его Величества, Уланскаго Его Величества, 1-го Стрѣлковаго Его Величества батальона, Л. Гв. Саперного батальона, Л. Гв. Кавказскихъ Казачьихъ Эскадроновъ, Собственнаго Его Величества конвоя; Л. Гв. 4-го Стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона, Л. Гв. 1-й Артиллерійской бригады; 1-й Имени Его Величества батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады; полковъ Имени Его Величества: 1-го Лейбъ Драгунскаго Московскаго, 2-го Лейбъ Уланскаго Курляндскаго, 2-го Лейбъ Гусарскаго Павлоградскаго, 1 го Лейбъ Гренадерскаго Екатеринославскаго, 13-го Лейбъ Гренадерскаго Эриванскаго, 68 Лейбъ пѣхотнаго Бородинскаго, 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго, Генералъ-фельдмаршала Князя Барятинскаго: 16-го Стрѣлковаго Имени Его Величество батальона, 1-го Военнаго Павловскаго училища, 3-го Военнаго Александровскаго училища.

Шефъ полковъ Иностранныхъ Армій:

Австрійскаго 11-го Уланскаго Имени Его Величество; Австрійскаго 2-го пѣхотного. Имени Императора Александра 1-го; Прусскаго и Бранденбургскаго Кирасирскаго № 6-го Имени Императора Николая 1-го; Прусскаго Бранденбургскаго Уланскаго № 3-го Имени Его Величества Прусскаго 1-го Гвардейскаго Гренадерскаго Имени Императора Александра 1-го; Баварскаго 1-го Легко-Коннаго Имени Его Величества.

завязались личные контакты. Именно благодаря им вскоре оказалось возможным провести встречу двух императоров — Франции и России — в Штутгарте. Однако в Штутгарте французский император произнес слово, роковое для русско-французских отношений,— «Польша». Александр II, вообще очень сдержанный, мягкий человек, был взбешен этим. Его слова, сказанные по окончании встречи — «Со мною осмелились заговорить о Польше!»,— стали известны всем. Тем не менее штутгартское свидание привело к определенному сближению позиций России и Франции, хотя согласованность была достигнута по второстепенным вопросам и Россия продолжала оставаться в изоляции.

В сентябре 1858 года в Варшаву для встречи с Александром II прибыл принц Жером Наполеон. На переговорах готовилась почва для оформленного союза в планируемой французско-сардино-австрийской войне.

Переговоры шли трудно, часто заходили в тупик. И все-таки 19 февраля (3 марта) 1859 года был подписан договор, по которому Россия взяла на себя обязательства соблюдать благожелательный к Франции и Сардинии нейтралитет в их войне с Австрией, несмотря на то, что французские обещания помочь в деле пересмотра ограничительных статей были сформулированы крайне туманно. Но главное было достигнуто — Россия вышла из изоляции. Характерно, что на этот раз обошлись без демонстраций — договор был секретным.

В апреле 1859 года Австрия объявила войну Пьемонту. Наполеону III уже нечего было желать — теперь австрийцы не могли рассчитывать на помощь Германского союза (его конституция предусматривала военную помощь лишь в случае оборонительной войны). Ликовала вся Россия — австрийские предатели наказывались без всякого участия с нашей стороны. Посол Пруссии в Петербурге Отто фон Бисмарк имел возможность убедиться в этом, посетив в июне 1859 Москву. Московский губернатор водил Бисмарка по одной из библиотек, где они встретили служителя — старого солдата, имевшего среди прочих наград «Железный крест» за Кульм. Бисмарк вспоминал: «Я спросил его, с кем бы он пошел — с Италией или с Австрией, на что он с энтузиазмом заявил: «Всегда против Австрии!» Я заметил, что, ведь при Кульме Австрия была другом Пруссии и России, а Италия — нашим врагом, на что он сказал громко и отчетливо, как русские солдаты говорят с офицерами: «Честный враг лучше неверного друга». Этот невозмутимый ответ привел князя Долгорукого в такой восторг, что не успел я оглянуться, как генерал и унтер-офицер заключили друг друга в объятия и горячо облобызались».

Война, совершенно внезапно для европейской дипломатии, кончилась быстро, но наложила тень на русско-французские отношения. Обе стороны обвиняли друг друга в нарушении союзнических обязательств. Этим воспользовались австрийцы и пруссаки. По инициативе Франца Иосифа I в октябре 1860 года в Варшаве произошла встреча русского и австрийского императоров и прусского принца-регента. Д. А. Милютин вспоминал: «Государь лично дорожил более своими традиционными связями с Берлинским Двором и не допускал, чтобы тесное сближение с Наполеоном охладило отношения России к ближайшему в то время союзнику; но с другой стороны, Государь уклонился от всяких обязательств в смысле военной помощи австрийскому императору, ограничившись обещанием ему нравственной поддержки». Встреча в Варшаве, таким образом, не принесла кардинальных изменений в русскую политику, однако будущее хороших отношений с Францией все более и более ставилось под вопрос в русском МИДе. Однако росли симпатии к Пруссии. В 1861 году принц-регент Пруссии — дядя Александра II — стал королем Вильгельмом I. Личные отношения царственных родственников играли не последнюю роль в укреплении русско-прусских контактов. Много сделал для этого и Бисмарк, ставший с 1862 года первым министром Пруссии. Но, конечно, окончательно позиции франкофилов были сломлены... самим Наполеоном III. Д. А. Милютин вспоминал: «...при нашем Дворе относились к личности Наполеона III с затаенным недоверием, которое еще более возросло после Итальянской кампании 1859 года и явного посягательства императора французов на права, освященные формальными международными трактатами». В 1863 году в царстве Польском и Виленском крае начался мятеж, и наш двор убедился в правоте своих симпатий и антипатий.

Не будем вдаваться в анализ причин мятежа, отметим лишь, что прямым его последствием было резкое ухудшение правового положения поляков, срыв либеральных реформ, уничтожение широкой автономии царства Польского и превращение его в Привислинские губернии Российской империи.

Руководство революционной части польского общества делилось на «красных», более близких городской буржуазии, и «белых» — шляхту, связывающую победу восстания с организацией интервенции Запада в Россию. Поддержку «белые», ставшие во главе выступления с весны 1863, ожидали встретить в Париже. И Франция высту-

пила. 21 февраля 1863 французское правительство выступило инициатором организации коллективной ноты государств Крымской коалиции по поводу русско-прусской конвенции, подписанной 8 февраля того же года в Петербурге. Пруссия — единственная из западных наших соседей опять продемонстрировала лояльность по отношению к России. А восстание разрасталось. О нем много написано в советской историографии, но революционный террор польских «жандармов-вешателей», расправы над белорусским и украинским населением, православными священниками (а Белоруссию и Украину по Днепр — по границе 1772 года мятежники считали Польшей и пытались перенести боевые действия и туда) — эти темы еще ждут своих исследователей. Среди мятежников, ведших героическую и беспощадную войну с Россией, было немало добровольцев — французов, венгров, итальянцев. Неудивительно, что все это вызывало раздражение в русском обществе.

Ситуация изменилась после апрельских и июньских нот держав, принятие которых фактически узаконило бы вмешательство Запада во внутренние дела России. Бисмарк не участвовал в этом дипломатическом походе, утверждая, что Пруссия вообще не поддерживает либерального курса по отношению к полякам, так как они «не удовлетворились бы никакими дарованиями им льготами». Если апрельские ноты звучали более или менее миролюбиво, то июньские почти угрожали войной. Россия готовилась к войне. Армия была увеличена на 167 тысяч человек, достигнув общей цифры в 690 тысяч человек при 1026 орудиях, чего, конечно, было совершенно недостаточно для столкновения с Австрией, Францией и Англией.

Главную роль сыграла дипломатия, поддержанная общественным мнением нашей страны. С либерализмом было покончено, в Варшаву наместником назначен генерал-фельдмаршал Ф. Ф. Берг, в Вильно — М. Н. Муравьев. На террор мятежников был террор правительства.

В ответах вице-канцлера Горчакова изящно разбивалась аргументация нот Запада. Мягко, но решительно Россия отказалась обсуждать польский вопрос на международном уровне. Горчаков ошеломил Запад, где все были уверены в капитуляции России. Парижская «Courrier du Dimanche» писала в эти дни: «Горчаков просил Западные кабинеты устранить причину тех смут, которые они оплакивают, предложил конференцию из трех Держав, участвовавших в разделе Польши, такую конференцию, в которой Пруссия и Россия играли бы главную роль и решения которой были бы в виде любезности сообщены Англии и Франции».

Смертельный удар восстанию нанесла не армия, которая разгромила мятежников, а реформы, проведенные Н. А. Милютиным. Мятежники-дворяне лишались поместий, а земля переходила к крестьянам. Сами крестьяне стали выдавать властям повстанцев и их отряды. В начале 1864 года мятеж был подавлен. Русское общество ликовало, Горчаков и Муравьев-Виленский стали героями дня. Демократическая часть общества, позволившая себе поддержку поляков, была подвергнута остракизму. Рухнул даже такой безусловный авторитет, как Герцен. Отношения с Францией резко ухудшились, позиции германофилов упрочились. Начиналась эра создания объединенной Германии, а Пруссия, возглавившая этот процесс, была одновременно тараном, который разрушал крымскую коалицию.

Бисмарк начал готовить войну против австрийцев.

В Петербурге лишь Горчаков неодобрительно смотрел на усиление Пруссии; император, двор, почти весь высший генералитет — все были настроены прогермански. Чтобы как-то мотивировать свои позиции, Горчакову был нужен союз с Францией, возможный лишь при отказе последней от гарантий ограничительных статей. Наполеон III не шел на это.

Пруссия была безмерно выше Австрии в организации своей армии. Ее генеральный штаб, возглавляемый Гельмутом фон Мольтке, представлял собой идеал мозга армии, идеал высшей нервной системы, а это делало организм германской армии безупречным орудием на полях сражений XIX и XX веков. За три недели Мольтке разбил австрийскую армию. Позиция России была неоднозначной. Посол Пруссии в Петербурге генерал Швейниц сообщал, что в правительственных кругах «ненавидели... австрийцев и желали им поражения, но не хотели, чтобы мы стали слишком сильными и независимыми от расположения России».

С другой стороны, как только возникала угроза вмешательства Франции, в России забывали опасения чрезмерного усиления Пруссии. И это было логично: главным противником России на континенте оставалась Франция. 24 августа 1866 года был подписан Пражский мир. Австрийцы ушли из Германского союза, Пруссия стала первым государством в новой объединяющейся Германии. На повестку дня встало полное объединение немцев, а следовательно — и новая война. Остановить ее можно было только путем координации действий континентальных держав, прежде всего Франции и России. Горчаков ждал конкретных действий со стороны Наполеона III в восточном вопросе, где особенно чувствовалось противостояние Франции. Наполеоновская дипломатия способствовала укреп-

Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825—1888), граф, крупный государственный деятель. Фактический руководитель военных действий на Кавказе в 1877—1878 годах. В 1880 году — начальник Верховной распорядительной комиссии, в 1880—1881 — министр внутренних дел.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), граф, русский генерал-фельдмаршал (1898), почетный член Петербургской Академии наук (с 1866), профессор Военной академии. В 1861—1881 военный министр. Провел военные реформы 1860—1870 годов. Оставил «Дневник» и исторические работы о войне России с Францией в 1799 году.

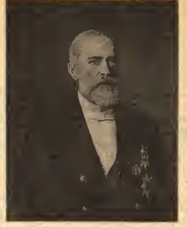
Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, русский дипломат, канцлер с 1867 года. В 1871 году добился отмены ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 года. Участник создания «Союза трех императоров». Обеспечил нейтралитет европейских держав в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Сторонник буржуазных реформ.

Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, второй сын императора Павла I. Из-за отсутствия у Александра I детей Константин считался наследником престола и имел титул цесаревича.

Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890), граф, государственный деятель. В 1862—1878 — министр финансов, в 1881—1886 — председатель Кабинета министров. Проводил реформы финансовой системы.

Бунге Николай Христианович (1823—1895), государственный деятель, экономист, академик Петербургской Академии наук (1890). В 1881—1886 — министр финансов. Проводил политику протекционизма, правительственного финансирования промышленности. Инициатор отмены подушной подати.

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, государственный деятель. В 1865—1880 — обер-прокурор Синода, с 1866 по 1880 — министр народного просвещения. С 1882 — министр внутренних дел, шеф жандармов. Руководитель разработки «контрреформ». С 1882 года — президент Петербургской Академии наук.

Павел Дмитриевич Киселев (1788—1872), граф, государственный деятель. Участник Отечественной войны 1812 года. Автор записки о постепенном освобождении крестьян. В 1819 году — начальник штаба 2-й армии, где под его началом служили декабристы «Южного общества». Николай I называл его «начальником штаба по крестьянской части».

лению целостности Турецкой империи, Франция развивала армию Турции, поддерживала ее финансы. По-прежнему открытыми оставались южные берега России. Российская дипломатия придерживалась политики, направленной на проведение реформ для христианских народов Оттоманской империи, а в конечном итоге — на создание автономных или независимых христианских государств. Если Россия пыталась объединить действия турецких христиан, то Франция, пользуясь конфессиональными противоречиями между католиками и православными, разобщала их, вытесняла влияние России.

В июне 1867 года в Париже открылась Всемирная промышленная выставка, на которую приехали все коронованные особы Европы. Александр II также посетил выставку, но в Париже на него было совершено покушение. Участник восстания 1863 года стрелял в императора. Покушение само по себе не изменило официальной части визита, но шумная одобрительная реакция французского общества по отношению к террористу сорвала возможность сближения двух стран. Франция медленно и неуклонно шла к катастрофе, а большинство французских политических и военных деятелей Второй империи как будто не замечали происшедших с 1856 года в Европе перемен. Они наивно полагали, что смогут в одиночку справиться с ролью главного арбитра континента, и отметали все планы соглашения с Россией. Прошлые победы не давали французам возможности правильно оценить свои силы.

Франция продолжала курс, объективно направленный против России и Пруссии, что, естественно, укрепляло отношения между этими дружественными со времени Петра Великого странами. Действительно, прошлое России и Пруссии омрачалось до 1914 года лишь одной войной — Семилетней (1756—1763). Хорошо понимал особенности Российской империи Бисмарк, который говорил: «Даже самый благоприятный исход войны (против России.— *А. О.*) никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских...» Французское правительство этого понять было не в состоянии и с 1867 года взяло курс на реанимацию «крымской системы», укрепляя дружественные отношения с Австро-Венгрией и Турцией. Сделав своими врагами и немцев, и русских, Наполеон III совершил акт политического самоубийства.

20 июля 1870 года Франция объявила Пруссии войну. Франция и Германия обладали примерно равными потенциалами. Французы превосходили немцев по качеству стрелкового оружия, но уступали в артиллерии и, главное, в организации. Под Седаном французская армия капитулировала вместе со своим императором. 4 сентября в Париже провозглашена республика.

Для России во многом это был реванш за Севастополь, осуществленный руками нашего германского союзника. Под Седаном громились не только войска маршала Мак-Магона, того самого, который штурмовал Малахов курган. Под грохот крупповских орудий уходил в небытие парижский трактат и его ограничительные условия. Даже Горчаков — франкофил! — считал, что для Франции пришло время расплаты и за Крымскую войну, и за вмешательство в польские дела. 21 сентября Бисмарк подтвердил обещание полной поддержки в отмене ограничительных статей, а 31 октября 1870 года Горчаков разослал европейским правительствам «Циркулярную депешу», извещавшую державы, что, поскольку условия Парижского мира неоднократно уже были нарушены, Россия вступает в полные права на всем Черноморском побережье. В начале 1871 года Лондонская конференция подтвердила право России держать флот на Черном море.

Одновременно с открытием конференции 19 января 1871 года в зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя.

В эту пору в Европе сложилась весьма непростая международная ситуация. Одной из главных задач России стало восстановление Франции до известного предела, достаточного, чтобы служить противовесом Германии, и одновременно поддержание союзных отношений с Берлином. В октябре 1873 года Вильгельм I в Шенбрунне подписал «Акт присоединения Германии к русско-австрийской конвенции». Таким образом оформился союз трех императоров, в рамках которого Германия стремилась изолировать Францию от России, Россия — Австрию от Англии, Австрия — Россию от Германии.

Одной из главных задач Бисмарка после создания империи была дипломатическая изоляция Парижа, постоянная угроза Франции войной, чтобы этим предотвратить самую возможность возникновения там реваншистских настроений. Бисмарк, используя «рептильную» прессу, провоцировал одну за другой «военные тревоги». Франция жила под постоянной угрозой германского вторжения.

Однако действия Бисмарка вызвали не только страх во Франции, но и объединение Англии, Австрии и России в дипломатическом демарше в защиту Парижа. Наши хорошие отношения с Германией начали ухудшаться. Последовавшие события усилили этот процесс.

Летом 1875 года в турецких владениях на

Балканах — Боснии и Герцеговине — вспыхнуло восстание. Горчаков немедленно начал переговоры с графом Андраши — своим австрийским коллегой. Андраши — венгр, участник восстания 1848 года, ненавидел славян и вовсе не хотел способствовать их освобождению. Он шел на сотрудничество с Горчаковым лишь для того, чтобы лишить Россию свободы действий, соблюдая видимость сохранения Союза трех императоров. Захватив инициативу, Андраши представил султану от имени трех союзных держав проект умиротворения Боснии и Герцеговины, поддержанный Францией, Италией и Англией. План этот предусматривал проведение реформ, имевших конечной целью сохранение целостности Турции. Но Константинополь не принял полностью и эту программу. В 1876 году восстание перекинулось в Болгарию. Еще одна славянская страна истекала кровью. Только в Филиппопольском санджаке регулярными войсками и башибузуками было вырезано население ста восемнадцати сел и деревень. 30 июня 1876 года Сербия объявила войну Турции. Позже Сербию поддержала Черногория. Могла ли Россия удержаться от выступления?

В Сербию направилось свыше четырех тысяч добровольцев во главе с генералом Черняевым. Начальник Жандармского управления Петербурга сообщал: «Можно положительно сказать, что сочувствие к южным славянам полное и, по моему мнению, оно явственнее обрисовывается в простом необразованном классе; каждый крестьянин готов поделиться последним, лишь бы помочь своим единоверцам». Правительству было сложнее: Россия не могла выступить изолированной. Страна была не готова к войне и в финансовом, и в военном отиошении. Ей необходимо было обеспечить фланг нашей армии на Балканах соглашением с Австро-Венгрией.

В 1876 году, 8 июля, в Рейхштадтском замке (Чехия) встретились Александр II и Горчаков с Францем Иосифом и Андраши. Каждая сторона составила свой текст общего решения балканской проблемы. Обе редакции значительно отличались друг от друга, но общим вектором была относительная свобода рук России. Сербия терпела поражение, и 26 августа 1876 года ее князь Милан обратился к Европе с просьбой о посредничестве в деле прекращения войны. Турки согласились, но выдвинули тяжелые условия. Теперь Россия смогла выступить.

31 октября 1876 года русское правительство вручило Порте ультиматум: немедленно заключить перемирие с Сербией сроком на четыре — шесть недель. Ультиматум был подкреплен мобилизацией двадцати дивизий. Турки имели сорок восемь часов на его обдумывание. Предложение России было принято. 11 декабря 1876 года открылась Константинопольская конференция послов великих держав. Русский посол, «вице-султан» граф Игнатьев, пытался провести программу широких реформ на Балканах, но турецкое правительство, поддержанное англичанами, объявило о провозглашении конституции, уравнивающей права мусульман и христиан в Оттоманской империи. Конференция была сорвана — формально реформы были уже декларированы (на деле никто не торопился их осуществлять).

15 января 1877 года в Будапеште была подписана секретная русско-австрийская конвенция, еще раз подтверждавшая австрийский нейтралитет, купленный правом Вены на оккупацию Боснии и Герцеговины. Можно было воевать, хоть и в правительстве России были люди, выступившие против войны. Их доводы были внешне вполне логичны: первое — война невыгодна России, так как освободившаяся Болгария будет проводить самостоятельную политику, Россия потеряет самый удобный путь к проливам через Балканы, который перекроют два государства — Румыния и Болгария; второе — флота на Черном море нет; третье — армия не полностью готова; четвертое — война вызовет финансовый кризис. Но Российская империя не могла не пойти на эту невыгодную и ненужную для себя войну, ибо ощущала свой долг перед славянами. Когда речь идет о политике и дипломатии, такие понятия, как долг и честь, отступают, это общеизвестно, и тем не менее вступление России в эту войну можно объяснить чисто альтруистическими намерениями — помочь братьям-славянам. Россия, мобилизованная и оснащенная оружием, уступавшим по качеству турецкому, двинулась к Балканам.

24 апреля 1877 года в Кишиневе был подписан манифест об объявлении войны Турции, а 3 марта 1878 года она закончилась подписанием в Сан-Стефано мирного договора. Его автор, граф Игнатьев, предусмотрел появление большой и сильной Болгарии, расширение границ Сербии и Черногории, реформы в христианских областях Турции и другое. Но что же получала, собственно говоря, Россия, понесшая огромные жертвы в этой войне? Южную Бессарабию, отторгнутую Парижским договором, Ардаган, Карс, Баязет, Батум и контрибуцию в 310 миллионов рублей. Масштабы потерь несравнимы с размерами приобретений, но все русское общество ликовало.

«Исполнен долг, завещанный от Бога» — трудно передать другими словами чувство, охватившее россиян после Сан-Стефано. Но... вновь вмешалась Европа. Австро-Вен-

грия, Англия и даже еле стоящая на ногах после 1871 года Франция при молчаливом согласии Германии добились пересмотра условий договора, объявленного предварительным. Европа еще раз продемонстрировала способность к объединению, коль скоро шла речь об ущемлении интересов славян вообще и в России в частности. Берлинский конгресс, проходивший в июне — июле 1878 года, был чудовищным посягательством на эти интересы: Болгария делилась на три части; Боснию и Герцеговину оккупировали австрийцы. Только два эти решения стоили в прошлом и обходятся сейчас славянам Балкан очень дорого. Россия теряла Баязет, сокращалась сумма контрибуции.

Решения конгресса в России были восприняты как пощечина. И главное поражение наше общество увидело прежде всего в расчленении Болгарии и оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Это оскорбление не простили никому. Бисмарк занял нейтральную позицию, что было воспринято как предательство, усилились антигерманские настроения. Горчаков участвовал в конгрессе и не смог защитить наши интересы — карьера этого политического долгожителя после Берлина была кончена. Люди, понимавшие логичность уступок в данной ситуации, оказались в меньшинстве.

Началось ухудшение русско-германских и русско-австрийских отношений. В 1879 году был подписан германо-австрийский союзный договор, направленный прежде всего против России. Бисмарк решил защитить Австрию и при любых обстоятельствах не допустить ее вытеснения с Балкан. Союз трех императоров фактически распался. Изменилась ситуация и в Петербурге. Александр II был убит террористами. Больной и старый, канцлер еще раньше отошел от дел и в 1882 году был отправлен в отставку. Министром иностранных дел стал Н. К. Гирс. Новый царь не жаловал немцев, но вовсе не собирался порывать с ними связи. События, развиваясь крайне невыгодно для России, заставляли ее двигаться к союзу с Францией, хотя и на этот раз русская дипломатия сделала все, чтобы спасти добрососедские отношения с Германией. В 1881 и 1884 годах Россия пошла на возобновление союза трех императоров, позволявшего еще регулировать отношения с Берлином и Веной, не доводя их до открытой вражды.

Во многом этого требовали и балканские дела. В сентябре 1885 года началось восстание за воссоединение Болгарии. Александр Баттенбергский, избранный на болгарский престол после Берлинского конгресса, объявил себя князем объединенной Болгарии. Проводя политику, нацеленную прежде всего на решение болгарских интересов, князь Александр постоянно сталкивался с интересами России. Болгарское правительство взяло курс на согласие с Австрией и Турцией. Последовал разрыв дипломатических отношений с Болгарией. И это после спасения братьев-славян...

Дунайская монархия была надежно застрахована от нас на Балканах Германией. Напряжение между Берлином и Петербургом достигло опасной точки. Это очень взволновало реалистов в обеих столицах. Срок договора 1884 года истекал. Бисмарк и Гирс, поддержанный группой русских германофилов, смогли привести дело в июне 1887 года к русско-германскому договору «о перестраховке». Обе стороны обязались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны с третьей державой (под которой не подразумевались ни Австро-Венгрия, ни Франция). Германия признавала «исторически приобретенные» права России на Балканах, гарантировала закрытие проливов Босфор и Дарданеллы, а в секретном протоколе обещала нейтралитет, моральную и дипломатическую поддержку России, если та предпримет в районе Балкан и проливов самостоятельные действия. Договор был подписан на три года. Конечно, его антианглийская направленность делала соглашение выгодным для России, но... Наступил 1888 год, и на германский престол вступил Вильгельм II. Молодой, энергичный кайзер не ужился с Бисмарком, и в 1890 году канцлер подал в отставку.

Генерал Лео Каприви, занявший место Бисмарка, в кратчайший срок разрушил его систему политического равновесия. В 1890 году он отказался продлить договор о перестраховке, заключил англо-германский союз, а в 1891 году возобновил Тройственный союз. Страшный призрак изоляции заставил Россию, помимо своей воли, сблизиться с Францией. В 1891—1893 годах был подписан ряд соглашений министрами иностранных дел, начальниками генштабов, оформивших русско-французский союз. Русская дипломатия, исходя при его оценке из слов Александра III («Пусть они (французы.— *А. О.*) всегда помнят, что этот договор им нужен больше, чем нам»), настояла на сверхсекретности документа. Число людей в России и Франции, ознакомленных с ним, не превышало десяти человек.

Заключая договор, наша дипломатия очень надеялась на восстановление дружеских отношений с Германией, но сделать это не удалось. Россия и Германия были обречены на столкновение. Они были обречены на защиту интересов, абсолютно не сравнимых по значению для России и Германии с масштабами жертв и последствиями русско-германской войны. Они были обречены на катастрофу XX века. ●

1879—1880. *«Братья Карамазовы» и Пушкинская речь Ф. Достоевского.*
1879. *Последний том «Истории России...» С. Соловьева.*
1879. *Основание революционно-террористической организации «Народная воля».*
1880. *«Диктатура сердца» министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова: подавление революционного движения и либеральные реформы.*
1 марта 1881. *Убийство Александра II народовольцами.*
1881—1894. *Царствование Александра III.*
1882—1884. *Л. Н. Толстой, «В чем моя вера?»*
1884. *Новый университетский устав. Ликвидация университетской автономии.*

После разгрома остатков революционного движения (народовольцев в 1884 году) восьмидесятые годы представляли унылую картину победившей реакции. В кругах интеллигенции это отразилось появлением типа «восьмидесятников» — преходящего, но очень характерного. Это были «непротивленцы», по Толстому, устроители культурных «скитов», проповедники «малых дел», дезертиры политики, укрывшиеся под знаменем аполитизма, вернувшиеся к проповеди религии и личной морали.

П. Милюков

1883—1891. *Статьи В. С. Соловьева, объединенные в сборниках «Национальный вопрос в России», направленные против шовинистического и великодержавного утверждения русского национального духа.*
1884—1896. *Роспись Владимирского собора в Киеве В. М. Васнецовым, М. А. Врубелем и М. В. Нестеровым.*
1889. *Закон о земских участковых начальниках.*
1890. *Новое положение о выборах в земские собрания (земская контрреформа).*

Наиболее распространенным идеалом тогдашнего общества было единство в самой грубой внешней его форме. Те же учреждения и, при возможности, тот же язык и та же религия от Белого моря до Черного, от петербургских болот до побережья Тихого океана, стало общим лозунгом русских националистов. Нужно ли говорить, что признанным главою этого направления, наиболее ярким его носителем, словом, фактическим первым министром императора Александра был К. П. Победоносцев. Его задачей было утвердить самодержавие на двух объединительных началах — религиозном и гражданском, то есть на православии и народности.

Старания навязать русский тулуп всем инородческим национальностям, православного попа — всем иноверцам, русский язык всем говорящим на иных языках, наконец, русским становым заменить все исторически сложившееся по окраинам местное управление сделалось главным, основным мотивом правительственной деятельности. Для этого не только допускалось насилие, но признавалось оно вполне законным, потому что большинство населения имеет будто бы не только право, но и прямую обязанность подавлять всякую инородческую особенность. И если духовное завоевание окраин оказывается невозможным, его следовало, пожалуй, заменить двумя другими приемами — застращиванием, с одной стороны, подкупом — с другой. Сторонники этого учения и не догадывались, сколько угольев они подкладывали в будущий очаг русской революции.

К. Головин,
писатель

1890. *Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов завершают оперу А. П. Бородина «Князь Игорь».*
1891. *Начало строительства Великой Сибирской железнодорожной магистрали.*
1892. *Городовое положение (городская контрреформа).*
1892. *«Русское богатство» под редакцией Н. К. Михайловского, позднее В. Г. Короленко.*
1891—1892. *Изгнание евреев из Москвы.*
1891—1892. *Голод в двадцати одной губернии Европейской России.*

В. Ламздорф

Дневник 1894

Январь

Суббота, 15 января

Шишкин, с которым я вижусь около половины одиннадцатого, сообщает мне, что государь болен; уже вчера он не смог принять министров финансов и государственных имуществ. Министр вызывает меня к себе в 11 часов. Он хорошо спал, чувствует себя лучше и даже намеревается лично отметиться в книге посетителей у великой княжны Ксении в Аничковом дворце. Вместе с тем он очень доволен, что его очередной // доклад //* государю откладывается. Моренгейм, имевший аудиенцию у их величеств в четверг, долго рассказывал министру о тех милостях, которыми был осыпан, но при этом запутался в собственных измышлениях; бросается в глаза тот факт, что при этой второй аудиенции, как и при первой, Моренгейм не был приглашен остаться на завтрак, хотя именно так обычно поступают с послами. Утром спускаюсь в канцелярию рано; туда пришло телефонное распоряжение подготовить копию телеграммы, которая должна быть послана сегодня кайзеру Вильгельму нашим монархом; вскоре является //скороход// с карандашной запиской, написанной рукой наследника, с требованием прислать //немедленно государыне императрице копию с проекта телеграммы государя императора императору Вильгельму на сегодняшний день//. Это кажется странным, что же творится в Аничковом дворце? Оболенский через свою невестку знает, что вчера вечером государь вынужден был слечь в постель; неужели он настолько болен, что его не хотят беспокоить по поводу телеграммы кайзеру Вильгельму, которая в полностью готовом виде находится у государя двое суток? Завтракаю вместе с Оболенским, потом отправляюсь расписаться в книге посетителей и оставить визитную карточку у генерала Вердера, посла Германии; говорят, что посол сейчас находится в Аничковом дворце на традиционном завтраке в честь германского властелина; очевидно, его принимают государыня и наследник — цесаревич. Бедному Вердеру нередко приходится выслушивать неприятные вещи на августейших воскресных завтраках, куда его приглашают по старой привычке. Графиня Строганова как-то рассказывала, что наш монарх не стесняется в выражениях, высказываясь о германском императоре, и допускает вслух такие грубости, как //«этот дурак Вильгельм»// и т. п. Довольно изысканно! Министр впервые выходит на улицу после месяца вынужденного затворничества. Вечером мирно работаю у себя дома. В утренних газетах описывается внезапное появление князя Бисмарка в Берлине.

Воскресенье, 16 января

Вот уже три дня, как государь не возвращает ни одного пакета с бумагами! В 11 часов меня вызывает министр. Мы с господином Гирсом беседуем о появлении

* *В. Ламздорф.* Дневник, 1894—1896. Издательство «Международные отношения», 1991 год. Написан по-французски с включением немецких, английских и русских (в двойных скобках) слов.

Бисмарка в Берлиие, миинстр соглашается с моим миеиием, что удовлетворение самолюбия и тщеславия, которым дали иасладиться великому человеку, в итоге может обойтись ему дорого. Отиыие ои оказывается моральио связаииым с «иовым курсом» и со всеми аваитюрами, иа которые может пуститься Вильгельм II; коиечио, ои может сиова поссориться с Вильгельмом и вновь подиять голос протеста, ио это оказалось бы более сложиым предприятием. За бутылкой старого виил, выслушав иесколько лицемериых любезиостей, Бисмарк отказывается от иезависимой позиции и соглашается войти в игру иа сторойе обижающего его молодого моиарха; это могло бы стать великой игрой, если бы при этом Бисмарк вновь взял в руки бразды правлеиия, смог бы влиять иа судьбы своей страны. Однако поскольку такого положеиия иет, то к чему все это театральиое представлеиие! Мы с Гирсом решаем иичего больше ие посылать государю дополиительио впредь до получеиия от его величества первого пакета с возвращаемыми бумагами. Я спускаюсь иенадолго к Оболеискому, чтобы сообщить ему об этом решеиии, и ие обращаю виимаиия иа взятый им иеприятиый тои. Миинстр вчера поручил Оболеискому посоветоваться со миой по поводу представлеиия государю секретиого письма графа Шувалова иа имя его величества. Оболеиский ограиичился тем, что иа ходу бросил мие: «Я думаю отослать этот документ отдельио». И это ои считает выполиеиием приказа миинстра посоветоваться со миой, своим бывшим иачальииком!

Вторник, 25 января

На завтра приходит Шварц; ои долго разговаривает с Оболеиским иасчет иитеидаитов и поместий. Как всегда, у иас появляется оттеиок разиогласий, когда речь заходит о иаших собствеииых преимуществах по службе. Миинстр вызывает к себе Оболеиского только около четырех часов, передавая с иим бумаги в каицелярию; затем вызывают меия. Я иахожу своего милого старикаиа миинстра в совершеиио измеиившемся состояиии; ои спокоеи и бодр. Их величества оказали ему самый сердечиый прием. Государь полиостью одобрил мысль о представлеиии ему ие целиком, а в виде выдержек доиесеиий иаших послов, в особеииости Нелидова, сообщеиия которого государь буквальио ие в силах читать, иастолько оии кажутся ему длиииыми и иудиыми со всегдашиим пережевываиием одиого и того же по иесколько раз. Государь озабочеи положеиием в Сербии и отиосится с резким иеодобреиием к молодому королю Алексаидру. Ои даже сказал: //«Уж лучше бы Карагеоргиевичей вместо этих Обреиовичей»//. Проект послаиия, подготовлеииого миою в свое время в адрес киягиии Баттеиберг, использовать ие удастся. Эта польская дама, подвижиая ие по летам, бомбардирует телеграммами, спрашивая, получеио ли ее письмо с требоваиием миллиоиа рублей в пользу детей графа Гартеиау, ее покойиого сыиа, и какой ход даи указаииому письму. Его величество ие хочет отвечать личио такой своеобразиой тете и поручает это сделать господиину Гирсу с одиовремеииым предоставлеиием сиротам киязя Алексаидра 100 000 рублей, если только эту сумму можио будет выделить за счет болгарских фоидов. В 5 часов от государя прииосят пакет с возвращаемыми бумагами; в их числе иаходится то зиамеиитое письмо, которое бароп Мореигейм оставил перед отъездом в Москву и от которого ожидал особого эффекта. В послаиии, датироваииом одиииадцатым числом текущего месяца, иаш посол в Париже старается доказать миинстру (с целью получеиия ордеиов для своих друзей и ставлеииинков еврейского происхождеиия) //«крайиее иеудобство и иеосторожиость возбуждать имеиио в иастоящее время еврейский вопрос во Фраиции»//. Его величество сделал иа письме следующую помету: //«Никакого еврейского вопроса мы и ие возбуждаем во Фраиции. А поощрять евреев и давать им кресты я ие иамереи и своего миеиия ие переменю»//. Столь категорическая помета мие импоиирует; пусть теперь кто-иибудь попробует сказать, будто иаш властелии ие имеет больше силы воли! Вечером пишу свой диевиик, а также составляю иебольшое письмо Пимеиу.

Февраль

Вторник, 1 февраля

Наша пресса достойиа иеиависти. Опубликоваииая иесколько дией иазад в //«Новом времеии»// статья содержала в себе угрозы в адрес Германии иа случай, если иаш с ией торговый договор ие будет утвержден рейхстагом. Граф Шувалов телеграфом сообщил из Берлииа, что подобиые разглагольствоваиия, к иесчастью, приииимаемые всерьез по ту сторону граиицы, отравляют атмосферу и ставят под

сомнение всю проблему. В перлюстрированной вчера вечером телеграмме прусского министра внешних сношений послу Вердеру с горечью отмечается неуместность оскорбительных выпадов «Света» против Вильгельма II как раз в тот момент, когда этот монарх столь энергично высказался в пользу нашего торгового сближения с Германией.

Сегодня утром //«Новое время»// опубликовало длинную статью, явно инспирированную и заказанную министром финансов Витте; в ней подчеркивается правомочность и эффективность тарифной войны, провозглашенной прошлым летом. Шесть месяцев применения драконовского тарифного режима повлекли за собой значительные убытки для обеих сторон, однако, по мнению газеты г-на Суворина, принятая мера была единственным средством, которое смогло обеспечить выигрыш дела и избавить от опасностей, связанных с дифференциальным режимом. Нетрудно было предвидеть, что г-н Витте станет хвастаться именно в этом смысле. //Но дали бы хоть по крайней мере довести дело до благополучного конца!//

Среда, 2 февраля

...Во Франции снова начинаются взрывы бомб.

//Париж, 1 (13) февраля.

«Население Парижа сильно взволновано новым взрывом бомбы, произведенным в кафе громадной гостиницы «Terminus», прилегающей к чрезвычайно оживленному вокзалу «Saint Lasare». В 9 часов вечера в кафе вошел высокого роста молодой безбородый человек по имени Лебретон. Сев у входа с правой стороны, он потребовал рюмку ликеру. Спустя пять минут этот субъект направился к дверям, вынул из кармана бомбу, похожую на вайяновскую, и бросил ее на эстраду». //

...Недавняя казнь Вайяна, совершившего взрыв в палате, вот-вот дополнится казнью несчастного, бросившего бомбу в кафе «Терминюс». Ну и что же дальше? Удастся ли выбраться из порочного круга? Если бы в самом деле можно было защитить общество при помощи красивых фраз, то оказались бы уместными те громкие аплодисменты, которыми было награждено выступление г-на Рейналя.

Вторник, 8 февраля

В Париже снова взрываются бомбы. Визит кайзера Вильгельма во Фридрихсруэ вызвал гораздо меньшую сенсацию, чем посещение Бисмарком Берлина.

Вторник, 15 февраля

В газетах опубликованы подробности обсуждения в Берлине торгового договора с нами. Тем временем наши друзья-французы увеличили пошлину на зерно до 7 франков.

Март

Среда, 2 марта

Оболенский, придя на завтрак, рассказывает мне, что вчера Шишкиным была послана государю //докладная записка// с предложением Кассини урегулировать наши дела с Китаем на английский манер, то есть ставя всех перед свершившимися фактами; сегодня утром бумага вернулась с одобрительными пометами его величества. Как мне известно, министр в свое время поручил графу Капнисту договориться с генералом Обручевым, подготовить подобную //записку// и дать на подпись ему; поспешную ее отправку, на которую толкнули Шишкина, я рассматриваю как интригу; впрочем, я тут же одумываюсь и уклоняюсь от всякого смущающего умы обсуждения. К чаю является один Оболенский; мы едем на его //дрожках// в Невский монастырь. Митрополит Палладий торжественно читает //«Мефимоны»//, а затем произносит короткую проповедь; у него слабый голос и нечеткое произношение, что как-то не вяжется с его хорошо отработанными жестами; мне кажется, он склонен позировать и претендовать на светскую элегантность; у него не получается никакого воздействия на народ, для которого идеал //святителя// несовместим с человеком такого типа, довольно нового для нашей церкви.

Апрель

Среда, 13 апреля

В наши дни происходят странные вещи; творится произвол, достойный самого деспотического азиатского владыки. Баронесса Таубе, урожденная Замятнина, соч-

ла нужным уйти от мужа, чтобы выйти замуж за Михаила Гирса; она стала квартировать у своей тетки, старой, видной дамы, графини Толстой, вдовы бывшего министра внутренних дел. Не сумев добиться развода за отсутствием установленных законом поводов, она обратилась в комиссию Рихтера, требуя отдать ей детей. И вот без особых формальностей, по высочайшему повелению бедному Таубе предлагают передать своих детей жене, одновременно получающей отдельный паспорт. Генерал Рихтер далеко не Соломон, и его решения всегда пристрастны, когда речь идет о юбках; кстати сказать, его дочь недавно родила сына, не имеющего фамилии, поскольку у него слишком много отцов. Говорят, будто Мятлев вызывает на дуэль пятерых предполагаемых отцов. Это тем более странно, что во время оргий, на которые он затаскивал свою молодую супругу, он охотно предоставлял ее в пьяном виде другим. «Это был верх бессилия», как выразился г-н Ону. Хорошенькие образцы нравов!

Май

Среда, 11 мая

После обеда, набравшись храбрости и как следует укутавшись, отправляюсь в баню на //Бассейной//, чтобы принять душ. Меня встречает тот же меланхоличный банщик; жалко смотреть на молодого человека, обреченного на столь глупое ремесло. Возвращаюсь в небольшом извозчичьем экипаже нового фасона. Своеобразная стачка извозчиков, вызванная внезапным решением полицейского начальства запретить с 1 мая использование //дрожек// старого типа, подходит к концу.

Суббота, 14 мая

Приходит д-р Гуидобин и все утро мешает мне работать. Он встревожен мерами, о которых говорится в сегодняшних газетах, и даже высказывает желание переселиться при первой возможности за границу. По его мнению, не может быть и речи о каких-то гарантиях существования в стране, где вас неожиданно отбрасывают на полвека назад, даже не крикнув «берегись»! В самом деле, организация //инспекторского департамента по гражданской части// без всякого предварительного обсуждения вопроса и без всякой необходимости, если не говорить о создании излишней формалистики в интересах укрепления престижа графа Воронцова и обеспечения его приспешников высокими ставками жалованья, вызывает удивление, чтобы не выразиться сильнее. Проект был разработан в наградной комиссии стараниями господ Ренненкампфа и Непорожнева, а потом утвержден государем по докладу графа Воронцова-Дашкова. Во всех газетах появились статьи, в которых проскальзывает критическое отношение к новой мере. Наибольшую сдержанность проявляет //«Новое время»//. Придя на завтрак, Оболенский, обычно восхищающийся теперешним государственным правлением, сейчас тоже высказывается против нововведения; по моему личному мнению, оно вряд ли способно оказать мало-мальски значительное влияние на судьбы России. Будут ли нас, так называемых //чиновников//, назначать и продвигать одним способом или другим, это, в сущности, сводится к одному и тому же; знаменательна и достойна внимания лишь сама манера проведения этого маленького законодательного фортеля! Для чего же тогда существуют Государственный совет и Комитет министров? Навещаю Марию и говорю с ней, быть может, чересчур откровенно о неосмотрительности нашего племянника Николая; в возрасте 34 лет ему пора бы стать более благоразумным и выдержанным в служебных делах. Чай. Все присутствующие находятся под впечатлением от императорского указа. Шишкин, приехавший из Царского Села, рассказывает, что министр юстиции г-н Муравьев в качестве генерального прокурора представил государю красноречивую сводку возражений против нового положения. Его величество, внимательно выслушав, ограничился тем, что сказал: //«Да, так указ напечатать завтра же»//. Тем самым было сказано все. Министр внутренних дел Дурново, министр финансов Витте, министр путей сообщения //Кривошеин//, как и министр юстиции Муравьев, будто бы поговаривали об уходе в отставку, но делали это вполголоса, между собой, и не сдвинулись со своих постов, несмотря на ущемление их престижа. Как уверяют, отправной точкой для принятой в порядке указа меры послужили некоторые нелепые служебные назначения, сделанные перечисленными выскочками в государственные деятели; они продвигали в чинах и оделяли другими благами своих близких, работающих в соответствующей сфере. Однако,

по мнению знающих людей, проведение в жизнь опубликованных в указе мероприятий лишь усложнит положение дел, но ничего не улучшит.

Воскресенье, 15 мая

Вчера министр прислал мне два письма, приглашая приехать в Царское Село для совместной с ним работы. Поездом в 3 часа 20 минут выезжаю в Царское. Министр полон решимости поехать во вторник со своим //докладом// в Гатчину. Он перечисляет и записывает все вопросы, подлежащие передаче на усмотрение государя; в частности, намечает предложить отправку нового письма Стаалю в дополнение к посланному полмесяца тому назад в связи с предложениями, выдвинутыми лордом Розбери насчет всеобщего разоружения. Г-н Гирс намерен поговорить также о брачном контракте наследника; составление проекта документа доверяется мне. В связи с данным вопросом министр показывает мне небольшое рукописное послание, датированное 4 (16) мая и полученное им от г-на Стааля, нашего посла при британском дворе. Письмо начинается следующей тирадой: «Она восхитительна и очаровательна, будущая супруга нашего великого князя наследника-цесаревича. Не так давно я имел честь быть ей представленным в Виндзоре; тотчас же оказался очарованным. Молодая принцесса красива и весьма элегантна; вместе с тем она производит впечатление серьезной, приветливой, вдумчивой и благосклонной. Лучший выбор был просто невозможен». «Письмо вполне в стиле Стааля,— говорит мне министр,— он рассчитывает, что я покажу его послание государю, но я этого не сделаю. Принцесса Алиса совсем не красива»,— добавляет он. В самом деле, прийти в восхищение от продаваемых фотографий довольно трудно; недавно полученные английские открытки, изображающие августейших жениха и невесту в день помолвки, прямо-таки уродливы; это форменная проза и к тому же мещанская. Покидая г-на Гирса в 5 часов, наношу краткий визит Шишкину и поездом в 5 часов 50 минут уезжаю обратно в город. По прибытии в город замечаю, что из вагона выходит Бютцов, наш посланник в Персии. Министр отказался принять его во время разговора со мной и просил зайти снова через час; человечек показался мне чопорно натянутым.

Октябрь

Суббота, 8 октября

Ночью заснуть не удается; встаю еще до 4 часов утра, чтобы переделать свой проект сокращенного циркуляра, который мне хотелось бы дать в виде приложения к циркуляру 1881 года. Министр совершил ошибку, когда консультировался с г-ном Витте во время позавчерашнего визита по поводу того, что следовало бы сказать в циркуляре; еще более неправильно было записывать карандашом в присутствии этого наглого выскочки переданные последним мысли; вот точная копия записи этой путаной речи: // «Перемены в политике не будет. Те же принципы и начала, которыми руководствовался мой отец, остаются в силе, то есть преследуема будет корректность отношений ко всем державам для поддержания общего мира» //. Стоило ли утруждать себя записыванием подобных пошлостей и делать вид, что принимаешь их в качестве политической программы! Мой министр явно слабеет, приходится постоянно приходить ему на помощь. Готовлю также проект письма государыне на случай ужасной катастрофы. Снова ложусь в постель только на рассвете, а в 8 часов поднимаюсь опять и пью чай вместе с Пименом. Чувствую нервное волнение; доверительно зачитываю Пимену свои проекты (ему, видимо, они нравятся) и, помолившись, отсылаю их министру. Когда позднее, около 11 часов, прихожу к министру, он говорит, что одобряет мой проект циркуляра и собирается ознакомиться также с проектом письма государыне; однако, поскольку в данном случае речь идет об акте исторического значения, он предоставляет мне право проконсультироваться еще с кем-либо, если я хочу, имея при этом в виду русский перевод документа; я, конечно, воздержусь от подобных консультаций, а переделаю проект сам, когда придет время и когда буду чувствовать себя менее измотанным.

Суббота, 15 октября

Говорят о предстоящем обручении и свадьбе великого князя наследника-цесаревича, который будто бы вернется в столицу в роли регента, в то время как их величества отправятся на Корфу или же в Каир. Снова доходят малоутешительные вести о состоянии Гамбургера. По этому поводу у нас происходит любопытный разговор с Михаилом Гирсом; он рассказывает, между прочим, и о том,

что когда его мать представлялась греческой королеве, та говорила только о назначениях своих подзащитных на те или иные должности. Нужно дать самостоятельный пост Бахметеву и т. п., и т. д. В связи с этим министр, несмотря на государеву помету, еще не принял никакого решения о замене Персиани на его посту в Белграде, и, видимо, министру снова навяжут чью-то кандидатуру. Все это не очень-то ободряет.

Четверг, 20 октября

В 10 часов являюсь к министру; нужно быть готовым ко всему. В 12 часов министр вызывает меня снова; застаю его в кресле на колесиках, на полпути к комнатам г-жи Гирс. Он держит только что дошедший до него 9-часовой бюллетень и говорит мне, плача: «Конец». Отправляюсь в Казанский собор; на улицах развешивают два утренних бюллетеня; кое-где публика останавливается возле них, чтобы прочитать, но я не замечаю никакого особого впечатления. Может быть, люди уже привыкли к подобным новостям сверху и снизу или же это просто довольно обычное для нас безразличие и равнодушие. Шишкин, придя к четырехчасовому чаю, рассказывает о каком-то движении, которое будто бы готовится в войсках, склонных присягнуть скорее великому князю Владимиру, чем наследнику-цесаревичу, столь малоизвестному. Один из сыновей Шишкина, моряк, даже сказал ему о подобных же настроениях среди его товарищей в Кронштадте; быть может, тамошние хотят высказаться за великого князя Алексея? Все эти слухи, видимо, лишены всякого основания, но момент тем не менее серьезный, а будущее весьма неопределенное. Мрачная новость о смерти государя поступает к нам в 6 часов по телефону из министерства двора на основании телеграммы, присланной великим князем Владимиром своим детям. Мы тотчас же приступаем к рассылке телеграмм и извещений членам дипломатического корпуса, аккредитованным в Петербурге, и нашим представителям за границей. Ваксель проявил исключительную бдительность, все составлено и подготовлено заранее, так что мы заканчиваем нашу печальную работу к 10 часам вечера; министр может поставить подпись, и пакеты разойдутся по назначению. Бедный Ваксель не успевает пообедать; он приходит ко мне выпить чаю; по его словам, пересекая проспект, он был поражен мрачным молчанием толпы, среди которой полицейские раздавали крошечный бюллетень Воронцова, где сообщалось о причащении государя в 10 часов утра. Весть о смерти распространилась уже после этого; однако все осталось спокойным, и, по свидетельству друзей и знакомых, которым довелось побывать на улицах вечером, не наблюдалось никаких сцен безутешной скорби, вроде тех, которые описываются газетами.

В самом деле, внутри страны смерть государя оплакивается главным образом только по причине проистекающей отсюда неопределенности положения, в связи с незаметностью наследника-цесаревича, которого почти до самого последнего времени держали в детской комнате; наследник не проявил себя ничем, он известен только кое-какими слабыми сторонами и увлечениями молодости, отнюдь не способными внушить к нему какое-либо доверие.

Хорошей стороной прошлого царствования была, безусловно, внешняя политика, восстановившая мир в умах и путем весьма ловких и подходящих средств сумевшая препятствовать всему, что было бы способно этот мир нарушить. Весь цивилизованный мир в конечном счете проникся доверием к огромной империи, которая, сохраняя верность программе, возвещенной при восшествии на престол Александра III, трудилась над развитием собственного процветания и силы, делая из них орудие умиротворения, а не разрушения и авантюр. Лояльный и твердый характер покойного государя бесспорно играл в этом большую роль, однако было бы несправедливо приписывать все исключительно одному государю, не учитывая заслуг его единственного в своем роде министра иностранных дел. Если даже министр был, как любят говорить, лишь инструментом, то и в качестве такового он должен был бы дождаться искреннего «спасибо» более чем за 14 лет службы непрерывной, верной и безупречной. Несколько дней тому назад британский посол сказал: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает как раз в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие».

Культура России XIX века — культура православных крестьян и чеховских интеллигентов, Льва Толстого и оптинских старцев, Владимира Соловьева и Константина Леонтьева, Чайковского, Менделеева, Ключевского — кажется нам на исходе XX века неким потерянным раем, вершиной. «Золотым веком». А между тем породившая его страна, едва перевалив за грань XX, рухнула в пропасть, поглотившую и эту культуру, и весь уклад жизни.

Почему это произошло?

Как могло случиться, что великая русская культура и ее вершина — литература — не смогли уберечь общество от катастрофы? Более того, они несли в себе бациллу революционности, превращавшую их развитие в неуклонное движение к самоубийству. Как революционность смогла пустить корни в творчестве титанов русской культуры, сознательно революцию отвергавших?

И было ли в русской духовной жизни иное, оппозиционное направление?

Пристальнее вглядываясь в культуру России второй половины XIX века, поражаешься ее неестественности: верхний, образованный слой и народ жили, по сути, в разных измерениях, в разных культурах и словно в разные времена.

Как современники пытались преодолеть этот разрыв? Почему они потерпели поражение?

Судьба русской культуры была тесно связана с судьбой иной доминанты русской жизни — государственности.

Каковы были взаимоотношения этих двух начал? Какими соображениями руководствовалось государство, вначале открывая шлюзы в области просвещения, информации, творчества, а затем пытаясь их закрыть?

Раздел V
Общество

Один из самых красивых мифов новой отечественной истории лишился своей живой основы. То, что с середины XIX века казалось непременной чертой нашего общества, чему приносили дань многие поколения русской демократической литературы, знаменитая русская интеллигенция наконец завершила свой исторический путь и уже не возродится никогда.

М. Колеров

Дитя несвободы

Рождение и смерть интеллигенции

Для патриота, любящего свой народ и болеющего нуждами русской государственности, нет сейчас более захватывающей темы, как о природе русской интеллигенции.

С. Булгаков

1

И факт этот не трагичнее, чем долгожданное «взросление» России. Ибо только живые следы крепостного права, неизжитая патриархальность и резкое противоречие между «устоями» России и «европейскими» формами ее культуры послужили питательной почвой и причинами возникновения интеллигенции. Именно интеллигенции, а не слоя интеллектуалов, не «образованного класса», культурной элиты и т. п., коих с неизменным успехом мы обнаружим в любую эпоху у любого народа. Нет, ни жрецы, ни духовенство, ни дворянство, ни нынешние «белые воротнички», этот «мозг общества», не могут претендовать на звание «социальной совести». Выдающиеся представители традиционных сословий могли быть лишь одиночками «интеллигентами без интеллигенции», подобно Радищеву или Чаадаеву, но не составляли интеллигенции. Интеллигенция — духовная среда, не равная совокупности художников и писателей, не имеющая границ и материальных критериев, но хранящая в своей сердцевине яркое и твердое интеллектуальное, идейное ядро, от которого расходятся круги нравственного влияния. И преодолеваются профессиональные, национальные и социальные рамки.

Зато границы жизни интеллигенции и ее исторические ниши довольно очевидны. Если нужна формула, то она легко собирается из привычных нам терминов — это эпоха модернизации феодального, традиционного общества, насаждения в нем капитализма, буржуазных отношений, западных ценностей. Таково было историческое поле интеллигенции — между строем принудительного коллективизма и строем частной собственности и индивидуализма. И нам лишь только кажется, что она была двигателем этого перехода и олицетворяла собой свободу.

По мере становления и развития российской государственности все возможные проявления не то чтобы общественной самодеятельности, но просто общественного сознания поглощались и закрепощались государством и не отделимой от него церковью. Без реформаций, шаг за шагом родовое и общинное отсутствие личности простого человека средневековья вошло в сословное ее отрицание. Все, что претендовало на индивидуальность, либо подавлялось, либо утилизировалось властью. Русскому дворянству пришлось весь XVIII век бороться за «вольности» под крылом государства, чтобы единичные его представители смогли отважиться на вольнодумство. Должны были появиться специальные правительственные нужды, чтобы признать известную пользу самостоятельной мысли. И «дней Александровых прекрасное начало», начало XIX века, дало рождение системе высшего образования и сфере периодической печати. Должно было пошатнуться идеологическое всевластие церкви и монархии, чтобы размышления о Боге не расценивались как еретичество, а рассуж-

дения о форме правления — как государственное преступление. И эпоха Просвещения и французской революции посеяли в русских умах изрядно сомнений.

Чем выше становились потребности власти в знании и инициативе, чем напряженней и сложней была ее борьба с цивилизованными противниками в Европе, тем шире оказывались «лазейки» для представителей неблагородных сословий и автономней сфера интеллектуальной деятельности. «Буферная масса» разночинцев, в основном поповичей, допущенная к сознательной деятельности, но лишенная свободы, а вместе с тем и ответственности за произвол сокрываемой мысли, переплавляла свое суровое православное воспитание в идейный фанатизм отгороженного от жизни «диссидента». Два чувства преобладали в нем: память детства о страдающем и униженном народе и обида молодости, истраченной на достижение хотя бы толики того, что другие, немногие, имеют по праву рождения.

Последекабристская эпоха выкристаллизовала и особый тип аристократа-интеллектуала, скепсис и общественный индифферентизм которого не мешал отдаваться философско-историческим размышлениям о судьбе России, ее особенностях и за неимением отечественных примерять западные теории к туманному прошлому и будущему страны. В царствование Николая I (1825—1855) исторически встретились: изнутри размывающее сословный строй разночинство и отрицающая его с высот европейского знания, рационализма и социализма аристократическая оппозиция режиму. Жесткий внутриполитический контроль послужил дополнительным стимулом к консолидации раздробленных и не знающих еще коллективного сознания «лишних людей». Их лоном стали салоны, кружки и семьи.

Разумеется, «коммунизмом» не исчерпывались интеллектуальные притяжения и интересы. Ведь не что иное, как «идеализм 1830—1840-х годов» ввел русскую духовную культуру в общеевропейский контекст, не только воспроизведя ряд идей Гегеля, Фихте, Шеллинга или Канта, но и впервые серьезно обратившись к принципиальным вопросам национального и общественного бытия. Но квалифицированное философское творчество оставалось уделом единиц, большинство же искало формулы достижения всеобщего счастья. Именно поэтому жаждущая живого дела молодежь с легкостью променяла темного и трудного Гегеля на не столь глубокого Фурье. Мало кого уже удивляет, что призрак европейского коммунизма встретил в России, не прошедшей и десятой части пути к цивилизации, готовых к присяге сторонников и, как оказалось, готовый к действиям коммунистический инстинкт. Однако для того чтобы освятить инстинкт, преклониться перед массой, недостаточно было одной смутной симпатии к народу: рассудок, построивший себя на отрицании, всегда разрушителен, и первой его жертвой пал сам разночинец. «Иго строило его жизнь, под игом родился он, под игом же сойдет и в могилу,— писал о нем Салтыков-Щедрин.— Проснувшееся сознание не приносит ему с собой ни примирения, ни надежды, а встрепенувшаяся совесть указывает только один выход — выход бесплодного самообвинения». Так что первым образцом социалистического коллективизма в России стало поклонение изуродованному крепостным правом крестьянству и самоуничижение «отщепившегося» от народа разночинца.

Понятие «отщепенства», появившееся одновременно с интеллигенцией, имеет, помимо исторического и философского, сугубый социологический смысл. И социологическую параллель — маргинальность. К уже описанной маргинальности социальной (внесословной) следует прибавить религиозную, государственную, возрастную и национальную маргинальность (известно, насколько велика была роль в интеллигентском движении евреев и насколько многообразны были касающиеся их ограничения, установленные правительством).

Сама молодость, свободная как от прежних, семейных уз, так и от будущих, служебных, официальных, в некотором смысле изначально ставила человека вне сложившихся общественных отношений. В массе своей студенческая, молодежь, свободная от государственных обязанностей и жизненного опыта, более чем кто-либо испытывала страсть к «перемене судьбы» своей и своего окружения. Не случайно, что самым ранним определением, данным русской интеллигенции, с конца 1850-х годов было «молодежь». Один из внимательнейших публицистов, Б. Н. Чичерин отмечал: «Молодежь — это все то, что в мыслях, но в особенности на словах, окончательно разделалось со старым, не успевши придумать ничего нового... Все, что ратует во имя свободы и не терпит чужого мнения; все, что выезжает на фразах, не давая себе труда изучить и понять существующее; все, что выкинуло из своих понятий категории действительного и возможного... Бедная молодежь! Зачем твоим привлекательным именем окрестили это беспутное казачество, которое называется современным или передовым направлением в России?». Совершенно оче-

видно, что автор имел в виду исторически антигосударственную роль казачества в Смуте и всех крестьянских войнах, инициатором которых оно оказывалось.

Посему центральным критерием радикализма вообще и интеллигентского в частности служило его отношение к государству. Более того, максимализм «отщепенцев» воспитывался самой властью и в первую очередь политической, духовной и экономической несвободой. Государственный порядок не прямо, так косвенно диктовал правила поведения внутренней оппозиции. Одно только выпадение человека из сословного строя, из плана государственных повинностей выносило «нарушителя» за скобки государственной пользы и государственного сознания. «Полиция, не довольствуясь преследованием нелегальных поступков и чуя глухой ропот, хотела читать в умах и сердцах посредством доносов и обысков, отставками, арестами и ссылками карала предполагаемые помыслы и намерения и незаметно превратилась из стража общественного порядка в организатора правительственного заговора против общества» (Ключевский).

Повязав с собственными интересами церковь и вероисповедание, власть вынуждала отталкиваться от религии и тех, кто еще не успел проникнуться западным материализмом. Религиозные вопросы выводились из сферы индивидуального размышления, превращались в дело поверхностного политического самоопределения — за власть и ее церковь или против. В университетах преследовалась философия, дабы она не конкурировала с богословием. В разночинской среде преследовалась религиозная мысль, вера уничтожалась как прибежище «мракобесия и реакции». Но душа искала объект поклонения, и им становились «прогресс», «народушко», «революция». И в этом интеллигент был «отщепенцем» — так в церкви называли сектантов и еретиков.

Внегосударственность имела и глубокое психологическое содержание: отсутствие ответственности за позитивное общественное развитие, нужды государства. Отрицание власти нынешней не отделялось от анархизма, общественная непрактичность превозносилась как «неучастие во лжи». Страх перед жизнью у разночинца, в глубине души хранившего жажду сословной благоустроенности, превращался в требование жесткой регламентации общественного развития, разделение его на полярно противостоящие силы — за прогресс и, напротив, за реакцию. Господствующий класс и народ. Порочное богатство и святая бедность. Подобное аскетическое отношение к миру можно было бы соотнести с христианским, если бы за ним не стояла иная страсть — упростить, сузить общество и человека, дабы подчинить себе их судьбу. Жажда власти и житейская наивность прекрасно отражались в представлении об обществе как механической или органической системе, на которую следует воздействовать соответствующим образом — насилием или селекцией.

Под стать произволу и безответственности мысли вырастал и произвол дел, агрессивный максимализм, растлевавшие самые святые чувства. Повешенный в 1880 году террорист говорил на суде: «Полная невозможность какой бы то ни было деятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться сколько-нибудь свободой своих убеждений, свободой жить и дышать — все это заставило русских революционеров, русскую молодежь, по своим наклонностям гуманную, самую человечную, пойти на такие дела, которые по самому существу своему противны природе человека».

Непосредственным результатом пресловутой цензуры стало «растекание» политических тем, темпераментов, размежеваний по далеким от общественных проблем сферам мысли — искусству, литературе, наукам. К нуждам политического самовыражения приспосабливалось все: в чужой истории искали прямых параллелей, в философии — политических уроков. На материале самых головоломных наук разрешались «насущные» вопросы: революция или эволюция, заговор или народное движение? Именно поэтому стала дорого стоить полемика о терминах или фактах, за каждым стояло социальное чувство, жажда «настоящей» политической борьбы. Расцвел эзопов язык, иносказание превратилось в науку, на алтарь абстрактных теорий клалась жизнь. Занятие предельно «очищенными» от официальной идеологии и церковной лояльности естественными науками, медициной было синонимом радикализма. Присягание «позитивному» научному факту, апология вульгарного материализма, изничтожение последних начал души и веры соединялись с глубоко идеалистическим порывом к свободе, самоотвержением во имя народа. Отрицание Бога, абсолютных ценностей и морали, требующих от человека самоограничения и самодисциплины, всеми воспринималось как диверсия против власти. Неполное, избирательное отрицание или просто внимательный анализ действительности казались кощунственными перед лицом гауптвахты, цензуры и рабства. Все было ясно и без исследований: «Истинная наука должна дать отвращение к нынешнему общественному устройству».

Общественные интересы были в зародыше, в первобытной слиянности. Единственное, что могло объединить разнообразие индивидуальных эмоций,— жажда свободы, ненависть к власти. Страсти и мифы полнили жизнь духовных оппозиционеров. Но для осознания себя единой политической оппозицией нужны были крупные перемены...

2

Последние годы царствования Николая I получили название «мрачного семилетия» (1848—1855). На Западе одна за другой совершались революции, венгерское восстание разливалось у границ России, когда Российская империя осознала себя единственным оплотом самодержавия и православия. Она спасала австрийскую монархию. Ее рука простиралась к Гробу Господню в Иерусалиме, пребывавшем в составе Османской империи. Ее покровительства искало порабощенное иноверцами славянство. Император стал фактическим главой русской цензуры. Петербургских фурьеристов, рискнувших пропагандировать социалистическую утопию, приговаривали к смертной казни. А. И. Герцен свидетельствовал, что именно в эти годы за границей стали появляться молодые русские люди, в характере которых явственно вырисовывался тип замкнутого в себе, далекого от жизни и безжалостного к ней нигилиста. Они искали в Европе социализм, и только обретя его, смогли заявить о себе как о едином идейном организме. В барокамере последних николаевских лет созрело зерно, из коего при необходимых условиях должны были выйти цепкие побеги нителлигенции.

«Великие реформы» открыли небывалые возможности для самореализации общественного мнения в периодической печати, темперамента в поддержке и осуществлении либеральных реформ и, наконец, самоопределения радикальной молодежи вовне в оппозиции всему, что тормозит «материальную и умственную жизнь народа». Если по своей психологии интеллигенция — дитя несвободы, то по физиологии,— несомненно, продукт реформ.

Быстрые и резкие перемены открыли клапан не только для позитивного недовольства прежним режимом, но и для всесокрушающего максимализма. Очень скоро обнаружилось, что в лице «молодежи» власть обрела не союзника в деле преобразований, а нетерпеливого, непримиримого и бескомпромиссного оппонента слева. Лозунг немедленной революции, несмотря на всю его абсурдность, отвечал истеричности чувств вдохнувших свежего воздуха «нигилистов», находя все новых и новых сторонников. Это сплочение вряд ли произошло бы так скоро, если бы не важнейшие особенности формирования русской интеллигенции, в теории подмеченные П. Н. Милюковым, а на практике проявившиеся на рубеже 1850 и 1860-х годов. Интеллигенция строилась вокруг общественных задач, но ее основой, доводящей задачи и аргументы до сознания «массы», служило идейное ядро. Времена меняются, «масса» колеблется, в «ядре» идет борьба поколений. Но интеллигенция продолжает жить, пока сохраняется в силе ее «мобилизационный закон»: политические идеи важнее, существеннее человеческой жизни и «частной» судьбы. Пока общество лишено политической свободы, человек не может быть спокоен за неприкосновенность своей личности, она так или иначе будет попрана политикой — насилием власти или насилием идей. Только свободный человек сам выбирает способ своей деятельности, в несвободе за него решает профессиональная оппозиция.

Ядром оппозиции была демократическая журналистика, в полной мере пожавшая плоды александровской гласности. Ясно определились литературные «партии», мыслившие себя временными местоблюстителями партий политических. Само слово «интеллигенция» поначалу применялось для обозначения сплоченных групп литературных деятелей, «властителей дум» и «вождей» общественной самодеятельности. Разумеется, «Современник» или «Русское слово» прямо не звали к революции, но николаевская выучка позволяла в любой форме провести пресловутую мысль. Много лет спустя безвестный чиновник в «Записке о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России» докладывал начальству: «Правительство находится в борьбе с врагом великой крепости и силы, с врагом, не имеющим плоти и крови, то есть с миром известного рода идей и понятий, с которыми борьба должна иметь особый характер. Устранить влияние известной литературной клики на журнальное дело, то есть расстроить внешнюю форму, в которую этой враждебной силе удалось организоваться, значит сделать только шаг к ослаблению ее разрушительного влияния...» Сломить же сопротивление врага полагалось на пути перевоспитания, духовного противоборства. Интеллигенция — материализовавшаяся идея, «орден», «церковь». И духовная дисциплина составляла одну из важнейших ее черт.

С началом реформ сложилась подпольная революционная организация «Земля и Воля», распространявшая прокламации и тем приводившая в немалое смущение

Ге Н. Н., «Голгофа» (неоконченная картина), 1893.

оторопевшего обывателя, для которого уже одио 19 февраля было потрясеинем основ. В прокламации, иазванной «Молодая Россня» (1862), утверждалось: «...В современном общественном строе все ложно, все нелепо — от религии и до семьн, ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхиостиой крнтнкн... Выход нз этого гнетущего, страшного положеиия, губящего современного человека н на борьбу с которым тратятся его лучшне снлы, однн — революция, революцня кровавая и неумолимая, революция, которая должна нзменнть радикально все, все без нсключення... Мы не страшнмся ее, хотя н знаем, что прольется река кровн, что погнбнут, может быть, н невнннные жертвы...»

Еслн таковы былн задачи, то можно предположнть, какне «моральные кодексы» определялн поведенне нх потеицнальных нсполннтелей. Неистребимое желание «по крайней мере повернуть все вверх дном» (Добролюбов), возведенное в мечту о социальном перевороте, становнлось стержнем круговой поруки заговорщиков нлн просто сочувствующих ннтеллнгентов. Жестокой порукн не только в окруженнн однозного Нечаева, но сплошь н рядом в гнмназнческнх н студенческих кружках. Нравственный сыск, спесь местных «авторитетов», травля иедостаточно «ортодоксальных» или сомиевающихся, иетерпимость к ииакомыслию удваивалнсь н утраивалнсь молодостью революцноиеров, полицейскимн преследованиями и ореолом спаснтелей иарода от рабства. Этого ие стеснялись: «Суровые фаиатнки революцнн вовсе ие отвергают чувства любви и дружбы, но оии отвергают в иастоящем порядке и его обществе присутствне условий для существоваиня всех таких проявлеиий чувств». Днсцнплииа секты воспроизводила нравы воспитавшего интеллигеицию режнма. И оиа делала все, чтобы стать ему отчаяииым возмездием.

Шестндесятые годы углубили раскол между реформаторским государством н «молодежью». Ряды «отщепенцев» рослн, и нмя «интеллигеиции» в 1864 году писателем П. Д. Боборыкнным было переосмыслено как соцнологнческая категория. Процесс вступлення в «орден» упрощался. Если прежде нмпульсом служнли повышеииая соцнальиая чуткость н способности, вырывающиеся из закрепощеииого мнра, то теперь чтенне Чернышевского, Пнсарева, Бакуиниа и Лаврова диктовалось желаинем быть «комильфо» н восполиить свою жнтейскую неустроеиность причастностью к корпорацни. Лестио было противостоять мощиому государству и своими руками приблнжать иедалекое уже царство свободы. Наблюдатели отмечали, как в считанные месяцы юноши от чтення «Истории французской революции» н речей Лассаля переходили к глубокомысленным сужденням о судьбах человечества. Не нужио было вдумываться в вечные вопросы, большая нх часть имела в публицнстнке свое популярное «разрешенне», а ответы затверживалнсь в своеобразный катехизис. Он гласнл: «критическн мыслящая лнчность» — двнгатель прогресса, нх совокупность, ннтеллнгеицня, определяет направленне развнтня страны; Россня пока еще сохраияет в непрнкосновенностн общнниый строй, следовательно, революция, уннчтожнв государство, получит в лнце общннного коллектнвнзма готовый фундамент соцналнстнческого общества; кроме того, с гнбелью государства нсчезнут н все порожденные нм общественные н моральные язвы, лнчность сможет развиться гармоиическн... Но «назначенная» на 1863 год крестьянская революцня почему-то не состоялась.

Смысл жнзни ннтеллнгенцнн рушился. Народ оказался неподвнжен, слухн о его революцнонностн не подтверднлнсь. Как вспомннал нзвестный реиегат террорнзма Л. А. Тнхомнров, «без революцнн» ннтеллнгенту-народннку «грознло полное крушенне всего мнросозерцання... Другой веры он не мог себе найти. Оставалось одно: еднноличный бунт». Открылась преступная охота иа Александра II, покушение за покушеиием. Доктрина становилась нзощреииее, человеколюбне выхолащнвалось, круг революционеров сужался.

Шло размежеванне нителлигеицин. Ее ндейные наставникн началн прозревать сложиость жнзни. Насилие н фанатизм, к которым апеллнровали революцноиеры, обнаружнлись как иензбежное следствне всего интеллигеитского мнровоззреиня. А. И. Герцен прнзиавался М. А. Бакуннну: «Я ие верю в серьезность людей, предпочитающих логику и грубую снлу развитию и сделкам (компромиссам.— *М. К.*). Проповедь нужиа людям... проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину. Апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам. Разгулявшаяся сила истреблеиия уиичтожит вместе с межевыми знакамн и пределы сил человеческнх». С развенчанием иасилия должна была быть пересмотреиа н безоглядная любовь к идеальному «народу». Н. Г. Чериышевскнй, фнкснруя свою «измеиу» интеллигентскому мнфу о иароде, обращался к Алексаидру II: ныиешний народ «не пощаднт и иашей наукн, иашей поэзии, нашнх нскусств; он станет уиичтожать всю иашу цнвнлнзацию. Поэтому мы также протнв ожидаемой попытки иарода сложнть с себя всякую опеку».

Но о сомиениях вождей массы интел-

лигенции не узнали. А опыт жизни их не умиротворил, правительственное насилие продолжалось.

«Хождение интеллигенции в народ» в начале 1870-х годов призвано было разрешить кризис интеллигентского самоопределения, подтянуть уровень «сознательности» (то есть революционности) крестьянства до желаемой нормы. Итоги оказались разрушительны: крестьяне «скубентов» ловили, иногда били и всегда сдавали в полицию. Фальшивый «народный» язык специально сочиненных листков, барский вид пропагандистов, ряженных «под мужичка», непочтительное их отношение к царю с лихвой перевешивали любые спекуляции по поводу земельного голода.

Интеллигенция, может быть, впервые обнаружила свою ненужность народу в том виде, в котором она сложилась и намеревалась действовать. Мечты о революции были плохим покаянием перед обездоленным народом и на деле не улучшали его положения. Разрыв между «общечеловечностью» знания и национальным характером проблем, которые оно претендовало разрешить, привел к расслоению «духовной среды» по нескольким ориентациям. Одни решили вовсе перестать оглядываться на страну, в случае удачи ставя ее перед фактом революции. Другие признавали необходимость политического воспитания России под руководством революционной диктатуры. Третьи полагали посвятить немалые силы интеллигенции рутинным, неблагодарным «малым делам» там, где народ испытывает действительную нужду,— в больницах, школах...

Если первые два варианта основывались на прежнем утверждении насилия, то последний — на «культурничестве», постепенном внедрении цивилизации в тело России. Взамен принесения в физическую жертву народу всего, что составляло духовное содержание интеллигенции, «культурничество» ставило его на профессиональную службу общественным потребностям. Примечательно, что революционная борьба подразумевает прямо противоположное: профессионализму подпольщиков соответствует дилетантизм их теоретиков и рядовых исполнителей. От «личной годности» же деревенского врача зависели не только жизни людей, но и, в конечном счете, «правильность» его народолюбивых теорий.

Такая переориентация означала превращение значительной части интеллигенции в живую силу общественного строительства. Такой путь требовал не бесплодного покаяния, нервического самоотрицания как «паразитического» слоя (теоретизирующая о благе народном столичная молодежь и в самом деле была «паразитична»), а личной ответственности интеллигента за свои знания и профессию и самоотверженного служения настоящему прогрессу. Подвижнический труд земской интеллигенции — вот несомненный центр тяжести ее наследия, а отнюдь не чтение «Русского богатства» с его кулуарной полемикой. Трудно поверить, что лишь желание исподволь подготовить социальный переворот держало врачей, учителей, статистиков в нищих деревнях... Такой переход к позитивной работе означал начало конца той политической секты, какой с момента рождения была русская интеллигенция.

Однако не забудем, что взращивает ее. Не забудем и тех разрушительных идей, что составляют ее сердцевину. Террорист рубежа 1870 и 1880-х годов вспоминал: «...требование культурной работы... являлось в сущности антиреволюционным» и потому не могло перевоспитать интеллигенцию. Она либо творила, либо оправдывала террор. И должно было свершиться 1 марта 1881 года и развернуться «обратное», реакционное реформирование страны, чтобы первая радость от свершившегося убийства сменилась разочарованием. Глухие 1880-е годы повторили ситуацию николаевского царствования — экстремисты были уничтожены, умеренные приструнены.

Результаты не замедлили сказаться. Уже готовые к общественному действию кадры интеллигенции, ежечасно раздражаемые правительственным произволом в земствах и университетах, в прикусившей язык печати, лишь ждали знака правительственной слабости, чтобы перехватить инициативу. Голод 1891—1892 годов, когда обнаружилось, что бюрократия не всесильна, а общественность не бессильна, дал мощный импульс радикализации интеллигенции. Внешне это вылилось в ожесточенную полемику «девятидесятников» с хранителями «наследства 1860—1870-х годов». «Дети» террористов жестоко осуждали сторонников «малых дел» за утрату политической перспективы освобождения, за приспособление к недостойным человека условиям общественной деятельности. Правительство исправно издавало такие распоряжения, такие «разъяснения» и с таким остервенением доказывало приоритет «жесткой» и шовинистической власти, что радикалам было совсем не трудно назвать примирение с ним жизнью «применительно к подлости». Оказывалось, что даже заурядная работа на благо народа воспринимается самодержавием как покушение на ее «отеческое попечение». Вкупе с неуклонно шедшей капиталистической, антипатриархальной демократизацией неполитических сфер жизни росло не просто отчуж-

дение, но глубокое убеждение: очень скоро все это кончится. Но мысль о кровавой цене перемен не возникала, напротив, в литературе и публицистике, в науке и кружках как о само собой разумеющемся говорили о будущем строе счастья, равенства и гармонии.

В идейном плане радикализация соединилась с борьбой «русских учеников Маркса» с народничеством. Община расслаивалась на глазах, промышленность плодила рабочий класс, а капитализму, согласно теории, грозил скорый и неизбежный конец. Во всеоружии «последних слов» европейской науки марксисты с цифрами в руках доказывали, что Россия один к одному повторяет путь Европы к социализму, и т. д. Неизменный идеал интеллигенции, народ-крестьянство «по науке» оказался не «народом», а сельским пролетариатом и сельской буржуазией. «Пролетариат — народ будущего»,— писал Плеханов, и святое место праведника в интеллигентском сознании было отныне занято им. И хотя в марксизме интеллигенция в очередной раз уничтожалась как часть буржуазии, ее представление о своей миссии в освобождении России сохранилось. Оно трансформировалось в идею о социал-демократической партии, призванной возглавить рабочий класс и его попутчиков.

Повторялась прежняя схема: идейное ядро формировало мировоззрение и поведение своих сторонников независимо от их происхождения. Цель была прежней — революция и немедленный социализм.

Разлагавшийся капитализмом патриархальный порядок находился в опасной близости с социалистическими идеями: равенство умозрительное отзывалось на то традиционное равенство, о котором мечтал оторванный от корней русский человек — ему был нужен родной обширный мир, обогащенный «черным переделом». В социалистических лозунгах проявилась самая настоящая «почвенная реакция» на развитие буржуазных отношений собственности и индивидуализм. Как «мертвый хватал живого» в этой борьбе России с капитализмом, так и впитанная с молоком матери несвобода заставили русскую интеллигенцию «купиться» на знакомый мотив, из всей европейской цивилизации ухватив и пересадив на родную почву лишь патриархальную утопию.

3

1905 год сродни 1917, но между ними — не шанс, но возможность предсмертного просветления интеллигенции. Когда после бессмысленных жертв на пресненских баррикадах, военно-полевых судов и думских дебатов многим стало понятно, что победа бюрократии над революцией обусловлена не только ее силой физической, но и силой государственного опыта, знания, реальной политики, то недоуменные взоры обратились к интеллигенции. Где же ее образованность, где ответственность за кровавые лозунги, где та жизнь, в которой она намеревалась одержать победу? Глубокий кризис интеллигенции был им ответом. Вполне различимо проявились перспективы ее «обуржуазивания»: утверждение капитализма в России увенчивалось престижностью и выгодностью интеллектуального труда, высокая общественная потребность в грамотных руководителях кооперации и думских деятелях. Демократия и частная собственность, казалось, снимали застарелую мозоль политической и экономической несвободы. «Русская интеллигенция, отрешившись от безрелигиозного государственного отщепенства, перестанет существовать как некая культурная категория»,— надеялся современник. Но тщетно...

Многое уже сказано об обреченности царизма, повязавшего с своей судьбой судьбу России. Много «иллюзий наоборот», исторических мифов о способности «гениального» Столыпина найти нереволюционный путь для страны. Нам не следует забывать диагнозов свидетелей и участников событий начала XX века — в них достаточно трезвости и пессимизма. Еще в 1905 году один из вождей русского либерализма писал: «Русская монархия, которая не заключит с революцией почетного для обеих сторон мира, а победит ее реакцией, эта русская монархия не выдержит не только второй революции, но и второй такой войны, какою была русско-японская война». Была и реакция, была и еще более страшная война. В короткую паузу меж этих фатальных событий другой либерал прогнозировал: несмотря на то, что реальная политика требует согласия и компромиссов, что только она может обеспечить мирное и стабильное развитие общества, что ожидания революции утопичны и не способны предложить никакой позитивной альтернативы, следует признать, что именно деструктивное, утопическое по существу политиканство имеет все шансы победить в России. Потому что революционализм цинично отвергает мир и стабильность, что он сознательно играет на низменных чувствах толпы, и нужен только фитиль, чтобы заведенная в тупик страна взорвалась... «Пока существует такая русская интеллигенция, какая она сейчас,— писал непосредственно после революции ее свидетель,— революция в России не может быть изжита. Изжить русскую революцию — значит изжить прошлую и современную рус-

скую интеллигенцию». Впрочем, это было уже неактуально — революция осуществила исключительно все идеи интеллигенции, ей, лишенной своей сердцевины, оставалось лишь раствориться в вызванном ею хаосе...

Большевики, уничтожая интеллигенцию размышляющую или покупая интеллигенцию, создающую технологии, вряд ли думали, что построенное ими государство с удивительной точностью повторит судьбу всех деспотий: воспитает своей ненавистью к свободе болезненную к ней любовь, воспитает свое отрицание снова в лице интеллигенции. Правда, история внесла существенные поправки во внешние повторения. Коммунистический тоталитаризм делал невозможным появление политической оппозиции как сплоченной и способной к действию среды, советское диссидентство смогло стать лишь духовной оппозицией режиму. Тоталитаризм совершенно не подвержен реформирующему, тем более революционному воздействию извне, он может только сам, изнутри начать собственное разрушение. Так и случилось: создание политической оппозиции в СССР интеллигенции было разрешено...

Революция в августе 1991 года дает выход из заколдованного круга русской истории и одновременно кладет конец самостоятельному, деструктивному существованию русской интеллигенции. Сама эта революция противостоит многим типическим чертам русского интеллигентского радикализма: она впервые — государственна, впервые — национальна, ибо отстаивает Российское государство как непреходящую общенациональную ценность, не сравнимую ни с политическими, ни с этическими идеями, она впервые — общенародна, неразделима по социальному или интеллектуальному признаку, в ней уже нет интеллигенции, в ней есть противники и неучастники, но в ней нет «идейного ядра»; она впервые лишена богоборческих эмоций, требующих царства Божия на Земле; утверждая нормальную свободу, она ясно видит абсолютные ценности человеческой жизни, через которые переступить невозможно...

У «Белого дома» России есть памятник 1905 году. У его подножия сохранена брусчатка, из коей тогда, несомненно, строили баррикады. В августе 1991 года из той же брусчатки строились новые баррикады. Преемственность неистребима и важна, но важно и другое: закончившееся противостояние интеллигенции миру должно воплотиться в личное ответственное строительство мира. От несвободы — к свободе. От интеллигенции — к каждому человеку. ●

«По соглашению с кем следовало...»

По ходатайству Самарского городского общества... г. министр внутренних дел, по соглашению с кем следовало, входил с представлением об учреждении в г. Самаре общественного банка в Государственный совет. Вследствие сего государь император, согласно с мнением Государственного совета, в 18-й день июня 1860 года высочайше повелеть соизволил: 1) допустить учреждение в городе Самаре общественного банка на правилах, изложенных в прилагаемом уставе; 2) в основной капитал означенного банка отделить из запасного капитала города Самары двадцать тысяч рублей, к коим присоединить по мере получения всю чистую прибыль от банковских операций.

«Журнал мануфактур и торговли», 1860, сентябрь

Высочайшие награды

Всемилостивейше пожалованы:
В 27-й день марта 1878 года
лейтенанту 1-го Черноморского флотского Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала экипажа Леониду Пущину 2-му в награду отличного подвига храбрости при атаке турецкого броненосца на Сулинском рейде в ночь на 29 мая 1877 года орден св. Георгия 4-й степени.

В 16-й день апреля 1878 года контр-адмиралам:

капитану над Николаевским портом Андрееву 2-му орден св. Анны 1-й степени,

младшему флагману Черноморского флота Баженову 2-му орден св. Станислава 1-й степени.

Генерал-майорам корпуса флотских штурманов:

вице-директору гидрографического департамента Козакевичу орден св. Анны 1-й степени,

инспектору классов технического училища, Тыртову орден св. Станислава 1-й степени,

председателю временного совета по управлению внутреннею Киргизскою ордою Тверитинову орден св. Станислава 1-й степени,

младшему производителю работ в чертежной, капитану Юлиану Долганову орден св. Станислава 2-й степени.

«Морской сборник», 1878, № 5

1892. П. М. и С. М. Третьяковы передают свои художественные собрания в дар Москве.

Третьяковская галерея во времена позднего передвижничества, после смерти Третьякова, почти перестала приобретать вещи старых передвижников, находя, что они уже сказали свое и к прежнему ничего прибавить не могут... Стараков в их время выносила наверх высокая волна общественной жизни, общественных интересов. Они имели в литературе готовые для себя темы, которыми жило общество, они были иллюстраторами этих тем, а у нового поколения передвижников возникал вопрос, что писать, и на него они не имели ответа. Большие общественные запросы под гнетом наступившей реакции замерли, а прежние тенденции передвижников устарели, проповедь наскучила, и нового ничего не намечалось. Слабые плоды приносил занесенный с запада импрессионизм, и в конце концов завладела большинством форма... Никакой рассказ, никакое содержание в картине не признавались.

Я. Минченков,
управляющий Передвижными
выставками

1894. Введение казенной винной монополии.

1894. Первый манифест русского марксизма в легальной печати: П. Б. Струве, «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России».

К середине 90-х годов оцепенение предыдущего десятилетия понемногу проходило. Политических партий по-прежнему не было. Их не разрешали. Даже разговоры о политике не одобрялись. Но уже ясно обозначались три течения мысли: либералы, социал-демократы, народники. Народники сентиментально идеализировали мужика, не подлинного, не того, который почитал Бога и царя, а мужика, ими выдуманного, который, по их мнению, созрел для социализма. Эти три направления были еще не до конца оформлены, они меняли очертания, переплетались. Их представители жарко спорили, но еще поддерживали между собой общение, иногда даже дружбу. Марксисты первые стали отгораживаться от остальной оппозиции, ставить барьеры.

А. Тыркова,
публицист,
общественный деятель,
член ЦК кадетской партии

1895. Изобретение радио А. С. Поповым.

1896. Коронация Николая II. Ходынская катастрофа.

1896. Стачка петербургских ткачей. Рабочее законодательство в России.

1896. Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде.

1896. А. П. Чехов, «Чайка».

1897. Введение золотого денежного обращения (денежная реформа С. Ю. Витте).

1898. Основание художественного общества во главе с А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым.

1899. Основание журнала «Мир искусства».

1898. Открытие Московского художественного театра.

1899. Массовые студенческие волнения.

В 1898—1901 годах мы знали твердо: идет гроза, будет и гром, но будут и ослепительные зори — зори в грозе.

Андрей Белый

Современная русская журналистика

(1902 год)

Аким Львович ВОЛЫНСКИЙ (1861—1926), критик и искусствовед, в конце XIX века — инициатор «борьбы за идеализм» в эстетике, против литературной «партийности».

Ни в одной стране журналистика не играет такой роли, не имеет такого значения для умственной жизни общества, как в России. Юридический строй, не допускающий здесь классификации общественных сил по идейным партиям с теми или другими жизненными программами, сделал журналистику единственным поприщем, на котором встречаются самые различные человеческие интересы. То, что по своему характеру должно было бы стать предметом практической борьбы, является в России только предметом для теоретического обсуждения в журналах и газетах под видом литературной критики, научно-философских рассуждений и даже беллетристики.

Многие русские писатели, даже среди самых талантливых, полагают, что чистая литература — поэзия, критика — сама по себе бесправна, не может оплодотворить историю человеческого развития живительными семенами, что она стоит на высоте своего назначения только тогда, когда находится в связи со злободневной политикой...

Последним журналом с яркой социально-политической окраской должен быть назван журнал, деятельность которого обнимает все семидесятые годы,— «Отечественные Записки». С журналом этим связывалось представление, как об источнике разных либеральных брожений, которыми было охвачено русское общество. «Отечественные Записки» были популярны, давали известное направление пассивным, сравнительно спокойным силам общества, но истинно деятельные, истинно протестантские элементы шли на борьбу с жизнью под флагом иных авторитетов. В «Отечественных Записках» слышались только разрозненные отголоски тех напевов, которые призывно звучали для молодого поколения со страниц совсем иной, более откровенной литературы. Однако после катастрофы 1881 года «Отечественные Записки» были совершенно закрыты. Во главе журнала стоял знаменитый сатирик Щедрин-Салтыков, сменивший не менее известного и не менее талантливого поэта Некрасова. Казалось, что сатирик захватывает своим бичеванием самые различные слои русского общества, что он оставляет на них глубокие рубцы, что смех его обличает всю неправду жизни, а между тем именно по отношению к Салтыкову приходится сказать, что он не имел влияния, соответствующего силе его таланта. Его вдохновение более походило на негодующий азарт, чем на внезапное соприкосновение с высшими человеческими правдами, которые умягчают самое негодование и вносят благодатный оттенок в самое беспощадное обличение человеческих пороков.

Другим руководителем «Отечественных Записок» был Михайловский. По характеру литературного дарования это — настоящий публицист, хотя деятельность его обнимает и вопросы науки и философии, и критику художественных произведений. То, что создало ему известность в России,— это статьи философского и критического характера. Михайловскому принадлежит одно неслыханное в науке открытие, а именно открытие «субъективного метода», который должен быть применяем к расследованию социологических явлений. Оказывается, что с изменением в обществе типа передового человека, с изменением руководящих, передовых идей должен изменяться и метод социологических исследований. Каждая историческая волна поднимает на своем хребте совершенно новый научный критерий!

* *А. Л. Волынский*, «Книга великого гнева». Критические статьи. СПб, 1904 год.

С самоуверенностью избалованного партийного главаря Михайловский прокладывает себе путь в мире научных идей, бойко расталкивая плечом таких людей, как Спенсер, Гексли, Маркс, людей не только огромной эрудиции, но и тончайших научных восприятий. Деятелей русской науки Михайловский едва удостаивает внимания, попутно шельмуя их как прирожденных ретроградов. Михайловский мог считаться до самого последнего времени истинным представителем целых обширных кругов русского общества с их некультурностью, с их умственной ленью и вульгарною развязностью в суждениях о чужих духовных святынях, о чужом духовном труде.

В качестве критика Михайловский является типичным резонером. Его расценка талантов производится по тому же «субъективному методу», то есть согласно с требованиями политической передовитости «Отечественных Записок». Так именно он оценил мощную работу Толстого, которая, конечно, не может уложиться в прокрустово ложе либеральной программы, а потому и не может выдержать критики по сравнению с иными русскими талантами, возросшими на почве «Отечественных Записок». Так именно оценил он и Достоевского, этого истинного Колумба русской литературы. Талант Достоевского определен им как «жестокий талант». Не менее опрометчивы и, быть может, еще более самонадеянны разные другие литературные характеристики Михайловского — характеристики Тургенева, Лескова, Ибсена, Ницше. Все это разбирается одинаково верхоглядно, с высот незабвенного радикализма «Отечественных Записок», с запальчивой полемикой на все фронты современности, хлестко, балагурно, с неизбежным задиранием всех неприятных Михайловскому людей... Какой-то непреклонный жандарм литературной республики, браво стоящий на платформе перед проносящимся мимо него поездом новейшей идейной истории!

Салтыков и Михайловский были, как уже сказано, главными руководителями «Отечественных Записок», и около них группировались многие другие литературные силы: беллетристы Глеб Успенский, Златовратский, Мамин-Сибиряк, социолог Южаков, философ Лесевич, критики Скабичевский и Протопопов, публицисты Елисеев и Кривенко. Здесь же впервые прошумела симпатичная слава Гаршина. Тут же появлялись время от времени и произведения знаменитого драматурга Островского. Тут же вылупился больной птенец русской поэзии Надсон.

Весь тон этого журнала, беспощадная полемика на все стороны, свистящие рецензии, фамильярное обращение с наукою в ее представителях и образцах — все это создавало впечатление, в связи с общественными настроениями эпохи, чего-то страшно радикального и политически дерзновенного. Журнал бил по шапке умеренных либералов, презрительно говорил о разных «постепеновцах» российского прогресса, шикал им, замахивался на все, что казалось редакции неблаговидным с точки зрения ее оппозиционной политики. Но в действительности журнал был только либеральным журналом, к тому же с очень неясною политическою программою. Журнал преследовал какие-то народнические тенденции, можно сказать, проповедовал «хождение в народ», но при всем том он являлся представителем именно той части общества, которая духовно оторвана от народа. В своих теоретических измышлениях «Отечественные Записки» давали отголоски европейских идей, но с разными наивными, «субъективными» прибавлениями, разбарабанивали ходкие на Западе истины, но только шиворот-навыворот.

Закрытие «Отечественных Записок» лишило собственного журнального корабля двух главных деятелей этого журнала. Грузная сатира Салтыкова, которая прежде производила впечатление чего-то непримиримого и беспощадного, была почтительно принята на лоно программно выдержанного либерализма в лице «Вестника Европы». Салтыков вошел в эту корректнейшую редакцию настоящим чужестранцем. В контраст «Отечественным Запискам» все тут было чисто, трезво, культурно. Михайловский при своей популярности тоже быстро нашел органы для своей литературной деятельности. Статьи его стали появляться в газете «Русские Ведомости» и в других газетах, но по преимуществу в журнале «Русская Мысль». Его яркие писания, можно сказать, оживляли это бледное, серое издание с смутною политическою программою, но с раз навсегда выработанными либеральными шаблонами. Михайловский был для «Русской Мысли» только знаменитым гастролером, которому ради выгод приходилось прощать все на свете — и деспотизм в обращении, и задор по отношению к другим

либеральным изданиям, как, например, по отношению к «Вестнику Европы», с которым полезнее было бы жить в мире...

В 1890-е годы в составе старой журналистики начинались новые брожения и возникали новые органы печати. Михайловский овладел самостоятельной боевой позицией в журнале «Русское Богатство». Приближается новое время, и люди, которые хотели бы идти общим старым путем, не ссориться между собою, не компрометировать себя никакими междоусобицами, все-таки расходятся, разбредаются по разным дорогам, следуя закону исторической дифференциации. Либеральная канцелярия «Вестника Европы» с почетом приняла к себе повинного во многих антилиберальных грехах Лескова и воинствующего богослова Владимира Соловьева.

Этот писатель, Соловьев, занимает в журналистике последнего десятилетия своеобразное место. В нем было что-то особенно привлекательное для русского общества. Он гнался за Богом, много говорил о религии тем языком, которым не говорят о религии люди, религиозные в своем сердце, но говорят те, которые умствуют о религии. Он был разнообразен: писал возвышенную публицистику, говорил на исторически сложную тему о примирении церквей, сочинял полубеллетристические вещи cum grano veneni в духе Боккаччо, занимался лирической версификацией, в которой было что-то от декадентской неясности, и в то же время смеялся над декаденством нехорошим буффонским смехом. Он был вечно в обществе, в компаниях самого различного типа, вечно чего-то искал, был каким-то скороходом, гнавшимся за истиною и забывающим, что настоящие, великие, спасительные истины осеняют людей в благодатном отчуждении от суеты. Но все это страшно нравилось в публике, потому что все это имело оттенок широкой мужественной гражданственности и какое-то отношение к либерализму.

Общее журнальное брожение давало чувствовать не только в упомянутых либеральных изданиях, но и в журналах иного типа. Недолго просуществовавшее «Русское Обозрение» представляло собою некоторое небезынтересное смешение примитивного политического консерватизма с разными хитросплетенными и хитротуманными церковными новшествами. Здесь развернулась публицистика Льва Тихомирова, этого покаявшегося грешника деятельного радикализма, писателя, не лишенного ума и таланта, но бессильного подняться над целым морем конкретных познаний русской действительности в ее либеральных и консервативных струях. Тут же появлялись время от времени и любопытные литературные писания Розанова, человека изломанно-нервного, с ярко горящими пунктиками в мыслях и умилениями в чувствах, в которых что-то отдаленно и извращенно напоминало Достоевского. Но Розанов был в то время еще недостаточно ярок и недостаточно выделялся из той полуконсервативной тьмы, на которую русское общество обыкновенно не обращает серьезного внимания. Нужны особенные силы в духе Каткова или особенная разнузданность в духе современных «Московских Ведомостей», чтобы консервативное издание могло заинтересовать русское общество. Вот почему такая мумия консерватизма, как «Русский Вестник», после смерти Каткова (в 1887 году.— *Сост.*) не могла занять в русской печати сколько-нибудь влиятельного положения.

Журналы пользуются еще большим распространением, особенно в провинции, но они уже теряют свою цельность, свою выдержанность, превращаясь в какие-то энциклопедические сборники, которые во многих отношениях уже не удовлетворяют умственным запросам общества. Иной современный студент знает теперь более, чем многие передовые журналисты, критиковавшие Спенсера без какой-либо специальной подготовки и даже без знания английского языка. Искусство тоже вышло из-под власти журнальных направлений и сплошь и рядом по своим внутренним психологическим мотивам находится даже в противоречии с рассудочной дидактикой соседнего в журнале публицистического отдела. Публицистика должна мало-помалу сделаться достоянием газет. По самой природе своей газета, а не ежемесячный журнал со скрипом запаздывающих полемических статей, является ареною для политической борьбы: все здесь кстати, своевременно, звонко, потому что каждая строка газетного воззвания моментально возбуждает говор в сотнях тысяч народа. Каждый номер есть как бы почтовый поезд, который мчится на всех парах, разбрасывая свежие известия по всем городам и местечкам, не исключая захолустных станций. В этом отношении никакой журнал в мире не может соперничать с газетою. Что же касается чистой науки и чистой литературы, то надо думать, что с течением времени они уйдут в книги или специальные издания научного и литературного характера. ●

На исходе эпохи великих реформ русское общество оказалось в глубоком кризисе, не только экономическом, социальном, политическом, но и духовном. Уходивший в прошлое патриархально-сословный уклад оставлял человека один на один с бурно меняющимся обществом. Тысячи людей потеряли нравственные ориентиры и смысл жизни: резко выросло число самоубийств, ужасающе падала общественная нравственность. Именно в это время церковь могла бы стать духовным приютом, но она не стала им.

Раздел VI
общество и ГОСУДАРСТВО

Почему? Этот вопрос очень важный. Ибо то, что происходило тогда, столетие назад, а вернее, то, что тогда не произошло, мы ощущаем до сих пор. Та роль, которая могла принадлежать церкви, была у нее отобрана. Как это случилось? Хорошо бы в этом разобраться.

Россию толкал в пропасть человек умный, образованный, глубоко верующий, абсолютно бескорыстный и искренне желавший блага стране.

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907)

Вдумчивый читатель не назовет деятельности Победоносцева иначе, как революционною. Правда, он не был красным революционером... Он был белым, но на духовном облике его лежит та же печать презрения к законам эволюции — тот же порыв к насильственной ломке существующего. Красные скачками идут вперед, такими же скачками он пытался гнать Россию назад.

«Биржевые ведомости», 1907 год, № 9790

А. Полунов

Белый революционер

Поворот

В два часа пополудни 8 марта 1881 года в Малахитовом зале Зимнего дворца было созвано совещание высших сановников Российской империи во главе с молодым императором Александром III. Россия переживала один из критических моментов своей истории: 1 марта в центре Петербурга террористами был убит император Александр II. В столице царила паника, никто не знал, каковы силы наводившего ужас исполнительного комитета революционной партии «Народная воля». Со дня на день ждали революции. В этой обстановке правительству предстояло сделать важнейший выбор — решить судьбу предложенного министром внутренних дел графом М. Т. Лорис-Меликовым проекта о призыве представителей общества к решению общегосударственных вопросов.

Шаг этот значил для России очень много — им мог начаться поворот от векового самодержавия к представительному правлению, к сотрудничеству власти и общества. В последние месяцы царствования Александра II Лорису удалось «протолкнуть» свой проект, доказав, что некое подобие представительства, увенчав брошенные на полпути реформы шестидесятых годов, придаст российской политической системе последовательность и устойчивость, отвлечет общество от содействия террористам.

За несколько часов до гибели Александр II успел принципиально одобрить проект Лориса. Казалось, молодому императору оставалось лишь подтвердить решение отца, ставшее его последней волей.

На совещании 8 марта за созыв представительства высказалась большая часть сановников, в руках которых к началу 1881 года была реальная власть, причем наиболее последовательны были те, кто занимал в тогдашнем правительстве ключевые посты,— сам Лорис, министр внутренних дел, ми-

нистр финансов А. А. Абаза и военный министр граф Д. А. Милютин. Казалось, настроение совещания вполне определилось, когда слово взял один из второстепенных сановников, худощавый человек с сухим, аскетичным лицом. «Бледный, как полотно, и, очевидно, взволнованный»,— с удивлением отметил очевидец.

«Я в смущении, я в отчаянии,— почти с крика начал оратор.— Сердце сжимается при мысли о предложенном проекте: в нем слышится фальшь, скажу более, он дышит фальшью. Едва ли не пришло время сказать: конец России, ведь в России хотят ввести конституцию!»

Чем порождены, спрашивал оратор, беды России? Освободили крестьян, но не устроили над ними надлежащей власти — народ, предоставленный самому себе, стал пить и лениться. Дали обществу местное самоуправление, земство, страна покрылась говорильнями, в которых профаны вкривь и вкось толкуют о сложнейших государственных вопросах. «Дали наконец свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая разносит хулу на власть, посевает между людьми мирными, честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти».

Теперь, восклицал оратор, нам предлагают учредить верховную говорильню, и когда? «Когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе не погребенный еще прах благодушного русского царя, который среди бела дня растерзан русскими же людьми!»

Совещание было ошарашено: впервые открыто осуждались «Великие реформы». Их авторам и сторонникам ставилась в вину гибель Александра II. «Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера»,— вспоминал военный министр. Слово было за новым императором. Как же поведет себя сын царя-реформатора? «На нас всех лежит клеймо несмываемого позора. Все мы должны каяться!» — выкрикнул оратор. И Александр III неожиданно отозвался: «Сущая правда, все мы виноваты. Я первый обвиняю себя!»

В считанные недели после 8 марта руль государственного корабля был повернут на сто восемьдесят градусов: еще недавно всесильные Лорис, Абаза и Милютин получили отставку, а у кормила власти встал человек, выступивший против них 8 марта,— обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев. Россия вступила на путь «твердой власти» и стеснения общества, приведший ее четверть века спустя к огню и крови первой революции.

Прямолинейно и фанатично отрицавший всякий шаг власти навстречу обществу, пытавшийся приказами решать сложнейшие общественные проблемы, Победоносцев, на первый взгляд, идеально укладывается в несложную схему: бюрократ, реакционер, защитник привилегий самовластья. Однако в эту, казалось бы, однозначную фигуру напряженно всматривались многие великие современники: Победоносцев был прототипом толстовского Каренина и сенатора Аблеухова в «Петербурге» Андрея Белого, героем блоковского «Возмездия», о нем рассуждали Н. А. Бердяев и В. В. Розанов.

Художников и мыслителей поражала парадоксальность личности и деятельности Победоносцева: Россию толкал в пропасть человек умный, образованный, глубоко верующий, абсолютно бескорыстный и искренне желавший блага стране.

Победоносцев

В 1861 году в Московском университете появился новый профессор, тридцатичетырехлетний чиновник сената Победоносцев, уже известный читающей России как один из лучших знатоков русского гражданского права.

«Это был прелестный человек,— вспоминал коллега и друг, а впоследствии злейший враг Победоносцева, Б. Н. Чичерин.— Тихий, скромный, глубоко благочестивый, с разносторонним образованием и тонким умом, с горячим и любящим сердцем, он на всем существе своем носил печать удивительной задушевности, которая невольно к нему привлекала».

Победоносцев родился и вырос в маленьком деревянном домике близ Арбата; внук приходского священника и сын профессора словесности, он был плотью от плоти патриархальных глубин первопрестольной столицы. О политике Константин Петрович в молодые годы не помышлял, главным в жизни для него были церковь и наука. Что же превратило тихого московского книжника и аскета в советника императоров, «злого гения России»?

Однажды в 1862 году, вернувшись из церкви, Победоносцев оставил в дневнике запись, многое объясняющую в его мировоззрении: «...Безобразие толпы, бросившейся за святой водой, превосходит всякое описание. Меня схватило за сердце, и я убежал. Каким благодетельным кажется тут власть и распоряжение власти. Толпа есть толпа: как быть без власти».

Замкнутый кабинетный труженик, Победоносцев необычайно боялся хаоса, который может породить не сдержанная внешней силой толпа, а «Великие реформы», проникнутые принципом свободного саморазвития общества, резко, как казалось Константину

Петровичу, эту опасность приблизили: Привыкший к вековой определенности и патриархальному уюту старого уклада. Победоносцев, подобно тысячам своих современников, не мог найти себе места в пореформенной России — здесь поминутно все менялось, не было ничего определенного, устойчивого, неясен был даже завтрашний день.

«Сравнивая настоящее с прожитым, видим, что живем в каком-то ином мире, где все точно идет вспять к первобытному хаосу, и мы посреди всего этого брожения чувствуем себя бессильными,— в ужасе писал Победоносцев.— Жизнь наша стала до невероятности уродлива, безумна и лжива; оттого, что исчез всякий порядок, пропала всякая последовательность в нашем развитии. Около каждого дела образовалось великое множество неуловимых случайностей. Расчеты путаются, потому что данные, с которыми необходимо считаться, ускользают от расчета. Отсюда — состояние неуверенности, тревоги и истомы. Деятель чувствует, что не в силах справиться с обстоятельствами, что воля и разум его бессильны перед окружающими его препятствиями».

Мучительно переживавший коллизии пореформенной России, Победоносцев к тому же в середине 1860-х годов был вырван из привычной обстановки: приглашенный преподавать наследнику престола, будущему Александру III, он перебрался из Москвы в Петербург и посвятил себя главным образом государственной службе. Чиновничья рутина невыносимо изматывала бывшего профессора, а светские нравы и жизнь большого капиталистического города претили его аскетизму и патриархальной морали.

Окружающий мир был настолько противен Победоносцеву, что он пытался полностью от него отгородиться: прятался в своем кабинете, стараясь не выходить на улицу и ни с кем не разговаривать, забывался над книгой, часами простаивал в церкви, подолгу жил в монастыре. Но лишь этим Константин Петрович удовольствоваться не мог; пытаясь спастись сам, он обдумывал рецепт спасения России.

Кто же был виновен, по мнению Победоносцева, в бедах, обрушившихся на Россию?

Прежде всего — реформаторы, либеральная и радикальная интеллигенция, оторвавшаяся от народных корней и решившая перестроить веками складывавшийся уклад на началах, представляющихся «разумными». Разумным кажется, например, чтобы народ сам избирал тех, кто им руководит. В результате, заявлял Победоносцев, власть вручается толпе, которая, будучи не в силах осмыслить сложные политические программы, слепо идет за броскими лозунгами. Так как непосредственное народоправство невозможно, народ передоверяет свои права выборным представителям, однако те, поскольку человек эгоистичен, оказавшись у власти, помнят лишь о своих корыстных интересах. Стоящее над классами и партиями самодержавие — плод органического развития России — ближе, по мнению Победоносцева, к нуждам народа, чем «разумная» демократия, к тому же демократия, не способная твердо направлять общество, порождает хаос, из которого вырастает тирания.

Все попытки людей переустроить органически выраставший общественный уклад казались Победоносцеву сомнительными, все установления, основанные на самостоятельности человека,— опасными и недееспособными. Лжив, заявлял Константин Петрович, их корень — вера в безграничные возможности человеческого разума, в его способность правильно понять законы, по которым развивается общество, в добрую природу человека, стремление максимально освободить его.

«Печальное будет время,— писал Победоносцев,— когда водворится проповедуемый ныне культ человечества. Личность человеческая немного будет в нем значить, снимутся и те, какие существуют теперь, преграды насилию и самовластию».

Превосходный критик, Победоносцев безошибочно находил и безжалостно клеймил больные места пореформенной России. Система взглядов Константина Петровича казалась ясной и цельной, а сам он был предельно искренен и страстен в проповеди своих убеждений. Многие верили Победоносцеву, к нему тянулся, считал другом и наставником в последние годы своей жизни Достоевский. Под влияние Победоносцева попадал и его бывший ученик, наследник престола Александр Александрович, человек волевой и упорной, однако весьма ограниченный, жаждавший простого объяснения причин неурядиц пореформенной России и столь же простых рецептов их искоренения.

В роли Ришелье

Близость к Александру Александровичу и доставила Победоносцеву вначале пост синодального обер-прокурора, фактического главы православной церкви, а затем и власть над всей Россией. Свергнув в 1881 году либералов, обер-прокурор развернул свою программу, впечатляюще яркую и сулившую, казалось, несомненный успех. Гибельное саморазвитие общества, по мысли Победоносцева, должно смениться строгой его опекой со стороны власти. Но как добиться общественного благоденствия, если переустройства общественных и государственных

установлений и бесполезны, и гибельны?

«Не учреждения важны, а люди»,— заявлял Победоносцев. Необходимо пересоздать людей внутренне: возродить в обществе набожность, трезвость, крепкие семейные связи, чувство долга и дисциплины. На главные государственные посты надо назначить достойных людей, императору — неослабно контролировать весь ход государственной жизни, прислушиваясь к голосу советника, душой близкого к народу, в этой роли Победоносцев видел прежде всего себя.

Завращались гигантские маховики государственного механизма, движимые неукротимой энергией Победоносцева. Внук приходского священника сменял и назначал министров. Важнейшей заботой государства стало возвышение престижа православной церкви. По стране прокатилась волна религиозных празднеств: 900-летие крещения Руси в 1888 году и другие. Реставрировались древние русские святыни — Успенский собор во Владимире, Ростовский кремль — и строились новые храмы в древнерусском стиле: Владимирский собор в Киеве, храм Спаса на крови в Петербурге. Лично прочитывая практически всю российскую прессу и литературу, Победоносцев давал указания цензуре, организовывал «чистки» публичных библиотек от неблагонадежных изданий.

Заманчивой была идея дать правильный ход государственным делам без реформ, лишь назначив достойных людей на важнейшие посты. Но, как известно...

Король лакея своего
Назначил генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

Как выбрать действительно достойного? Здесь Победоносцев мог опираться лишь на свое личное мнение, зачастую ошибочное; к тому же, почуяв в обер-прокуроре власть, к нему потянулось множество карьеристов и проходимцев. Возвышение Победоносцева — при всем его уме, образованности и преданности идее — предвещало господство политических ничтожеств, окруживших трон в последние годы самодержавия. Пытаясь поставить необычайно сложную государственную жизнь конца XIX века под личный контроль самодержца, Победоносцев лишь расшатывал механизм управления. Мысль же о том, что нужды страны надо узнавать не через представительные учреждения, а советуясь с честными выходцами из народа, принесла в начале XX века страшный плод — Распутина...

Заботясь об общественной нравственности, заявлял Победоносцев, власть должна регулировать культурную жизнь страны. Но как определить, что здесь действительно здраво, а что — порочно? И здесь Победоносцев мог опереться лишь на личные вкусы. Поощряя, например, религиозную живопись В. М. Васнецова, он ополчался против картин Н. Н. Ге и И. Е. Репина, выхлопотал у царя денежное пособие П. И. Чайковскому, однако находил безнравственными книги Л. Н. Толстого, преследовал Салтыкова-Щедрина и даже таких религиозных авторов, как Н. С. Лесков и В. С. Соловьев...

Испугавшись непредсказуемой самостоятельности человека, саморазвития жизни, Победоносцев попытался упорядочить их неким контролем сверху. Контроль этот, однако, оказывался в руках такого же человека, с тем же несовершенством и слабостями: вышло так, что жизнь общества гораздо сильнее стала зависеть от субъективных случайностей.

Жизнь всякий раз жестоко мстила обер-прокурору за попытки направлять ее приказами. Преследовали серьезные, но казавшиеся «неблагонадежными» книги и журналы, картины и спектакли — бурно плодилась «культура» низкопробная, уследить за которой не было никакой возможности. Победоносцев и его аппарат изнемогали, пытаясь надзирать за каждым кабаком, каждой ярмаркой: от внимания ускользали крупные, давно назревшие проблемы. Надеясь укрепить семью, Победоносцев препятствовал упрощению процедуры развода — падала популярность брака, росла проституция, количество внебрачных детей и незаконных сожительств.

Не удалась Победоносцеву и попытка повысить религиозность русского общества. Но эта тема требует особого разговора.

Церковь и власть

В 1881 году на стол обер-прокурора Святейшего синода лег документ с грифом «Конфиденциально» — отчет о сенаторской, то есть высшего ранга, ревизии одной из российских губерний.

Канцелярии, писал сенатор-ревизор, переполнены «жалобами прихожан на вымогательство отцов духовных, на их немиролюбие, нетрезвость, развратную жизнь, а нередко и на поступки уголовного свойства». Во многих монастырях господствует «повальное пьянство и мужеложество, порождаемые тунеядством и малоразвитостью монахов. Духовные в пьяном виде не только шатаются и валяются по селам и публичным домам, но совершают в таком же виде и требы, и даже литургию; открыто держат в своих домах женщин «зазорного поведения»; во время богослужения наносят при-

хожанам и причетникам обиды словом и действием».

То, о чем писал петербургский сановник, для лучших умов верующей России — Достоевского, Вл. Соловьева, Лескова — давно стало предметом мук и тревог. Им было ясно, что общественное и государственное устройство, у которого прогнила важнейшая — духовная — опора, рухнет от первого сильного толчка.

Причин глубокого падения церкви немало, но, пожалуй, важнейшей из них было отношение государства к церкви. Силы, создавшие в начале XVIII века Российскую империю, подчинили интересам и контролю государства все сферы жизни народа, вплоть до сокровенной — духовной жизни, которой ведала церковь. В императорскую эпоху властители видели в церкви вначале опасного конкурента, затем — кормушку, из которой можно черпать средства на казенные нужды. И наконец, одно из многих орудий управления подданными.

В 1721 году Петр I обезглавил церковь: патриаршество, дополнявшееся поместными соборами, сменил скроенный по лютеранскому образцу синод — собрание иерархов, избираемых и увольняемых императором, давших клятву считать его своим «крайним судьей». Для наблюдения к ним был приставлен обер-прокурор, «око царево и стряпчий дел государственных». Екатерина II выбила у церкви почву из-под ног — забрала в казну церковные владения, посадив архиереев и монастыри на жалованье (оно составляло едва ли треть отобранных у церкви богатств), около половины монастырей было закрыто.

Численность белого духовенства жестко ограничивалась введенными государством штатами; приходы, ранее сами избиравшие себе попов, с конца XVIII века получают их по назначению от начальства, начинается перевод приходского духовенства на казенный оклад, духовных лиц, наряду с офицерами и чиновниками, начинают награждать орденами. Но самое, пожалуй, страшное из того, что сделано Петром,— была снята тайна исповеди. Священники должны были доносить о том, что они услышали на исповеди. Люди теперь либо отказывались от исповеди, но это было опасно, и люди лгали...

Превращая церковь в государственное орудие, власть ограждала ее своими чисто светскими средствами: закон запрещал православным менять веру и ограничивал в правах врагов официального православия — старообрядцев и сектантов. Миссионерство в России было запрещено всем церквам, кроме православной. Дискуссия с православием невозможна, все произведения, касающиеся вопросов веры, подлежали духовной цензуре. Под страхом наказания православные должны были регулярно исповедоваться и причащаться, бывать в храмах по воскресеньям и праздникам.

Менялись акценты в отношениях власти и церкви, но глубинная их суть оставалась неизменной. Государи-реформаторы Петр, Екатерина, Александр I и Александр II уповали прежде всего на «внешние» — административные, социальные, экономические — преобразования и чисто светские способы управления, отводя церкви второстепенную роль; начиная же тревожиться за души подданных — прежде всего «благородного» сословия,— они больше интересовались конфессиями неправославными: Павла I привлекали иезуиты и мальтийские рыцари, Александра I — русские сектанты, европейские мистики, протестанты и масоны. Государь-охранитель Николай I внешне возвеличивал православную церковь, но лишь постольку, поскольку она помогала охранять старый общественный и государственный уклад.

Чем больше православная церковь превращалась в орудие для выполнения чисто светских задач, а вера — в государственную повинность, тем быстрее гасла духовная жизнь в церкви и охладевало религиозное чувство в народе. Конечно, были подвижники: святой Тихон Задонский (1724—1783), преподобный Серафим Саровский (1760—1833), старцы Оптиной пустыни... Во многом благодаря им и трудам православных иерархов — Евгения Болховитинова (1767—1837), Игнатия Брянчанинова (1807—1867) и других — огонь русской святости не затухал окончательно. Падение учительного авторитета церкви усиливало равнодушие православных к вере, нерадение же паствы к церкви обрекало массы духовенства на бедность, грубость нравов, необразованность и беспомощность.

Победоносцев и церковь

Победоносцев выдвинул роль церкви в планах государства на одно из первых мест. Если за 1870-е годы число православных священнослужителей сократилось на 10 процентов, то за 1880-е благодаря усилиям Победоносцева оно выросло на 14 процентов; монастырей за 1870-е годы стало меньше на 8 процентов, за 1880-е больше на 17 процентов, число монашествующих выросло в шесть раз по сравнению с семидесятыми.

Однако возвышая положение духовенства, обер-прокурор строго требовал от него прилежного служения, резко усилив в духовном ведомстве контроль, дисциплину, строгость. Оставшиеся от эпохи великих реформ элементы выборности и самоуправления в жизни духовных учебных заведений и епар-

хиального духовенства искоренялись. В деле положительном оказалась червоточина, но поначалу все шло хорошо. Обер-прокурор побуждал архиереев разъезжать по епархиям, священников — поучать народ с церковной кафедры и во время внебогослужебных собеседований, а главное — учреждать школы для крестьянских детей.

Церковная школа для народа была заветной мечтой Победоносцева, в ней он видел противовес порождению великих реформ — земской, светской начальной школе, которая, как казалось Победоносцеву, отрывала крестьян и от земли, и от церкви. Школа же церковная, сохраняя и укрепляя религиозное мировоззрение в основной массе населения России — крестьянстве, должна была стать залогом спасения всей России. Церковные школы были возрождены Победоносцевым фактически из небытия, лишь за время царствования Александра III их число увеличилось в восемь раз.

Победоносцев стремился восстановить в жизни церкви строгие традиции старины. Церковь тщательно отгораживалась от влияния безрелигиозного светского общества, от современности. Священникам вменялось в обязанность уповать прежде всего не на собственные силы, а на авторитет церкви. Пастырь нарушит свой долг, говорилось в распоряжении синода, «...если выступит судьей общественных дел не по разуму богопреданного учения, а по мудрствованию человеческому, по духу своего века». Воспитанники духовных академий и семинарий были фактически заперты в своих общежитиях, за их повседневной жизнью строго следили, из учебных библиотек изъяли сочинения Менделеева и Сеченова, Салтыкова-Щедрина и Помяловского, Некрасова, Шевченко и других авторов. Все попытки православной паствы влиять на назначение и удаление духовенства строго пресекались Победоносцевым.

Постепенно глубокая червоточина в принципах Победоносцева становилась все видней. Главное, она подрывала его собственную политику. Священники, которым внушали прежде всего послушание и смирение, были не способны стать влиятельными пастырями народа. Лишенное самостоятельности, каменной стеной отгороженное от современности и влияния общества, духовенство теряло пастырский авторитет. Следуя своим принципам, Победоносцев сдерживал активность всякого яркого церковного деятеля, даже бывшего его союзником, например, отца Иоанна Кронштадтского (канонизирован на последнем Поместном соборе Русской православной церкви), архиепископа Волынского Антония Храповицкого (после революции — глава Русской православной церкви за границей). Вскоре становится очевидным, что и церковная школа — чистая утопия: для духовенства главным занятием, а подчас и единственным источником средств к жизни было богослужение и требоисправление, на школу не оставалось ни сил, ни времени.

Таким образом, все благие намерения Победоносцева по отношению к церкви приводили к прямо противоположным результатам. Возродить церковность одними мерами дисциплины и строгости было невозможно... Авторитетной могла быть лишь свободная церковь, но чьей-либо свободы, самостоятельности Победоносцев боялся как огня!

В чем же причина того, что угнетение, утилитарное использование государством церкви, явно ее губившие, были столь устойчивы? Почему Победоносцев, обер-прокурор, наиболее близкий к православию, довел эту политику до наивысшего воплощения?

Вспомним черты религиозности Победоносцева: акцент на смирении, дисциплине и покорности, боязнь человеческой самостоятельности. «Победоносцев ненавидит жизнь,— писал после смерти обер-прокурора в 1907 году Н. А. Бердяев,— не ощущает образа Божьего в человеке, и страшно сказать: научился он этому у православия». Историческое православие, писал Бердяев, обращало все помыслы к потустороннему, считало мир полностью лишенным божественного начала. Улучшить земную жизнь невозможно, можно лишь приостановить нарастание в мире зла с помощью насилия и дисциплины, противопоставить злу не бессильное добро, а иное, неизбежное зло. Но орудием насилия и дисциплины по сути своей является государство, и такая позиция целиком отдавала церковь в его руки. Глубоко и именно по-православному веровавший Победоносцев выразил это в своей политике с наибольшей ясностью.

Ратуя за духовное единство России, Победоносцев торопил формирование ее религиозной и национальной самобытности — подталкивал распространение православия и русской культуры мерами государственного принуждения. Для инородцев и иноверующих это оборачивалось стеснениями, а то и репрессиями. Гонимые верования от преследований лишь крепли, а в обществе укоренялся дух насилия и презрения к свободе совести. «Величайшая опасность в религии и политике состоит в допущении злых путей и средств хотя бы для самых лучших целей,— писал постоянный оппонент Победоносцева Владимир Соловьев.— С переменою поколений цели меняются, а при-

вычка к злому способу действий остается и усиливается, как наследственная болезнь».

Белый революционер

Почему же все благие намерения Победоносцева неизменно приводили к прямо противоположным результатам? Почему каждым шагом своим обер-прокурор приближал хаос, которого так страшился?

В облике Победоносцева — монархиста, охранителя, глубоко религиозного человека — отчетливо проступают, если всмотреться, черты радикального интеллигента. Целиком отрицая пореформенную действительность, Победоносцев не понимал относительности всего земного, невозможности создать общественный уклад, лишенный негативных сторон. Обидевшись на жизнь за то, что она живая, за то, что свет в ней неотделим от тени, Победоносцев возжелал абсолюта, идеала, но, захотев добра без зла, он на деле оказался отброшен в зло без добра.

Максимализм, предельность желаний оборачивались нигилизмом по отношению к реальной жизни, недостатком мужества для того, чтобы принять ее неизбежные негативные стороны, недостатком терпения для того, чтобы медленно их лечить, стремлением «отменить» текущую жизнь, чтобы на пустом месте выстроить свою утопию.

С радикальными интеллигентами Победоносцева родила и тяга к интеллектуальному, душевному комфорту, выглядевшая как принципиальность («Не могу поступиться принципами»), боязнь внутренней работы, нежелание расставаться с раз усвоенными убеждениями, стремление не корректировать свои общественные идеалы в соответствии с движением жизни, а, напротив, жизнь подгонять под свои принципы.

Фанатично веривший в свою правоту, Победоносцев не устоял перед соблазном принципа «цель оправдывает средства». Мягкий, даже нерешительный в личных отношениях, он был неумолимо жесток на политическом поприще. Когда должны были закрыть одну из духовных семинарий, в которой произошли беспорядки, и местный архиерей умолял Победоносцева отменить это решение — дело было зимой, многим воспитанникам грозила голодная смерть,— из Петербурга пришла телеграмма: «Пускай умрут».

Попытками силой заставить людей быть счастливыми и добрыми Победоносцев удивительно напоминал своих антиподов из революционного лагеря: «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью» (В. Г. Белинский).

Понятен становится крах Победоносцева, он ничего не противопоставил революции по существу — «красной» революции он противопоставил революцию «белую». Создалась классическая для России коллизия: революция и реакция, близкие по своей сути, протягивают друг другу руки, создают друг для друга условия, взаимно отвергая мирный «третий» путь. О борьбе Победоносцева с революцией можно было бы сказать словами Тютчева:

Бой невозможный! труд напрасный!
Ты всю ее носил в самом себе...

Год за годом жизнь неумолимо доказывала Победоносцеву, что его программа — утопия, что, как ни плох был отвергнутый обер-прокурором либеральный путь, никакой реальной альтернативы ему он выдвинуть не смог. Отчаявшись воплотить в жизнь свои идеалы, Победоносцев перешел к слепому отрицанию, становясь поперек дороги всему новому в общественной и государственной жизни. С подсказки обер-прокурора молодой Николай II на первой встрече с представителями общества обозвал их надежды на возвращение к основам реформ Александра II «бессмысленными мечтаниями», задав своему царствованию с самого начала крайне напряженный тон.

С годами все сильнее сказывалось разъедающее действие основы мировоззрения Победоносцева — неповерия к человеку. Зловещим, мертвенным стал даже облик обер-прокурора, некогда носивший «печать необыкновенной задушевности»: «Словно бритая летучая мышь в очках и на задних лапах»,— писал журналист А. Амфитеатров.

Долголетие Победоносцева обернулось для него жестоким наказанием: на его глазах рушилось все, что он создавал и чему он служил. Через два дня после обнародования Манифеста 17 октября 1905 года, даровавшего России парламент и демократические свободы, семидесятивосьмилетний обер-прокурор вышел в отставку и через полтора года скончался; десять лет спустя канула в небытие Российская империя, спасти которую Победоносцев так страстно стремился.

«Почти никем не любимый и многими ненавидимый,— писал о Победоносцеве А. Ф. Кони,— сходя в могилу, он не мог не видеть на протяжении всей своей житейской деятельности место пусто, место бесплодно, место безводно... Весть о его смерти перенесла мою мысль в Петербург... Мне показалось, что я вижу его иссохшее бледное лицо и потухающие глаза и слышу его обычные безнадежные вздохи: «Ах, Боже мой! Боже мой!». Пускай же будет милосерд к нему тот Бог, которого он так часто призывал и которому он так странно служил!» ●

Среди травм и утрат культурной памяти, столь болезненно ощущаемых нами ныне, самыми губительными, наверное, оказались даже не запреты или замалчивания. Еще более тяжким бедствием стала профанация и смысловая подмена тех действительно ценных явлений и традиций, которые десятилетиями канонизировались в самом уплощенном и приспособленном «применительно к подлости» виде.

Это относится, в частности, к искусству русского реализма XIX века, творчеству «шестидесятников» и «передвижников». Всякому знакомы скучнейшие формулы о «жизнеподобном изображении», «приговоре жизни» и т. п., с которыми, к сожалению, так мертвяще спаялись в памяти впечатления от перовской «Тройки» или репинского «Грозного». В последние же годы отчуждение только усилилось: наше внимание привлекают теперь авангард, андерграунд; Третьяковская галерея закрыта, старые русские художники сейчас доступны скорее зарубежным посетителям коммерческих выставок, чем на отечественной территории. В этих условиях хотелось бы вновь, без апологетики и дешевого снобизма, вдуматься в драматическую историю русского реализма, его человеческую, социальную и собственно художественную проблематику, порой так живо перекликающуюся с «проклятыми вопросами» наших дней.

Саврасов А. К., «Грачи прилетели», 1871.

В. Л. Петров

«Сберечь человеческий образ...»

Когда были прорваны «умственные плотины», начался период покаяния и обличения, и «каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел это высказать громко» (Н. Шелгунов); молодые петербургские и особенно московские художники сумели выступить с произведениями, достойными того порыва к «обновлению на гуманных и справедливых началах», который переживала страна.

На выставках появились картины, на которых «во всей красе» были запечатлены арестантские этапы с измученными «политическими», чиновники в мундирах и чиновники в рясах, доведенные до отчаяния крепостные, наконец, сами «черты народного характера, особенности кастовых различий, самые предрассудки — все, на что до того не обращалось внимания» (из критической статьи тех лет).

Так велико было желание художников участвовать своим творчеством в «очеловечении» национальной действительности, что многие живописцы в начале 1860-х годов прежде времени прервали положенные им заграничные «пенсионерские» поездки, чтобы «с любовью и сочувствием разработать бесчисленное число сюжетов из городской и деревенской жизни нашего Отечества» (Перов). И хотя произведения, созданные в атмосфере всеобщего возбуждения, охватившего общество в годы отмены крепостного права, часто не обладали художественным совершенством, они были плодом тех новаторских исканий, о которых писал еще юный И. Крамской в 1858 году под впечатлением от картины А. Иванова «Явление Христа народу»: «...Художнику предстоит громадный труд... поставить перед глазами людей зеркало, от которого их сердце забило бы тревогу». Лучшие из художников того времени отчетливо понимали, что если на их долю выпало изображение искаженной, уродливой, ненормальной жизни, то тем более необходимо беречь «живое чувство» людей и уметь доносить вечные высокие цели искусства.

В разработке этих сюжетов уже очень скоро, к 1863—1864 годам, резкость и демонстративность сатирической интонации сменились горестными, печальными, томительно безысходными изображениями «горьких судьбин» без вины виноватых, униженных и оскорбленных. Тогда-то и появились знаменитые перовские «Тройка» и «Проводы покойника», «Торг» Н. Неврева, «Шутники» И. Прянишникова, жанровые картины Л. Соломаткина.

Жизнь пореформенной России переживалась художниками как драма, в которой есть и комические, и идиллические эпизоды, но в целом — как драма глубоко печальная. Выразительны и многообразны ее декорации — городские площади с «заведениями» и питейными домами, банями, лавками, суетливый толкучий рынок, городские присутствия, монастырские кельи, доходные дома, железнодорожные пути, деревеньки на косогорах, дороги с вереницами путников и богомолов. Выразительны и многообразны и ее персонажи — купцы, полицейские, монастырская братия, лакеи, дворники, бродячие артисты, бедные дети, несчастные вдовы...

Все это — вовсе не социологическая или обвинительно социальная фиксация жизни, а философски и этически прочувствованная картина мира, где доминирует представление о страдательном положении человека в холодной и неустроенной повседневности и где сохраняется вера в благие основы человеческого бытия — смирение, любовь, доброту и простоту.

Причины подобной, как тогда говорили, «всепроникающей элегии» русской культуры шестидесятых годов,— конечно, в характере социокультурной, человеческой ситуации, нравственно эстетическом климате пореформенного десятилетия.

Уже вскоре после «великой реформы», особенно, когда «снова рука квартального легла на уста общества» (А. Герцен), стала очевидной тщетность не только революционных порывов, но и прекраснодушных надежд тех либералов, которые верили в последующее после «освобождения» смягчение нравов, быстрое возрастание истинной цивилизованности, преодоление застоя и рабства николаевской эпохи и вступление в мировую цивилизацию. Вместе с промышленностью и торговлей росли города, а с ними множились не только фабрики, магазины и доходные дома, но и трущобы, и ночлежки. Предпринимательская горячка сопровождалась разгулом темных страстей, «безобразий» купечества и чиновничьих махинаций. Типичной фигурой стал щедринский Чумазый, доморощенный нувориш, развивавший бешеную энергию, ничем не брезговавший в борьбе за место под солнцем и часто причудливо соединявший домостроевскую набожность и развращенность, невежество и стремление покровительствовать искусствам.

И хотя «эпоха реформ», при всей их половинчатости, много сделала для освобождения социальной энергетики, человеческой индивидуальности и, ослабив бюрократическую опеку над интеллигенцией, предоставила известный простор самоорганизации культурной жизни, влияние социальных процессов в «переворотившейся» России на духовное состояние общества и искусство было весьма болезненным и «понижающим» (А. Островский).

Конечно, для множившихся год от года литераторов и живописцев, понимавших

свободу как свободу продавать и продаваться, новые условия дали возможность обогащения с помощью легковесного услаждения «праздных фантазий подкупленного воображения» (М. Салтыков-Щедрин). Иные склонялись к позитивистскому подчинению «факту», видя в происходящем пусть варварское, но движение по пути «передовых стран». Существовала и достойная тель-«шестидесятник» Александр Левитов: «...нравы не пересилишь. Они в климате... Они по тебе, пожалуй, проедутся! Попадешься ежели под их веселый поезд, так они лишь свистнут да гаркнут — только капельки крови останутся кое-где на рельсах... Вот знамение нашего времени: с одной стороны, скорбь и уныние, с другой — безобразная оргия под оглушительный звон балалаек».

Сходными эмоциями насыщено и творчество многих художников-«шестидесятников», прежде всего — В. Перова, бывшего тогда «любимцем всей интеллигентной России» (В. Стасов). Не только замечательный живописец, но и писатель, он вспоминал позднее о пореформенных процессах, в частности о судьбе подмосковного имения, сданного в аренду «бойкому мещанину-кулаку»: «...Пошло создаваться новое беспощадное хозяйство, в корень разрушая все доселе существовавшее... не было и помину, чтобы кто-нибудь позаботился о красоте и изяществе... только барыши и нажива чувствовались всюду».

Якоби В. И., «Привал арестантов», 1861.

позиция ухода от прозы жизни в «чистую эстетику», «мир волшебных видений», благо на «красивое» также имелся спрос. Но те, кто недавно встречали реформы с предвкушением гуманизации общества и желанием «работать для этого бедного народа» (Г. Успенский), наступление новых форм жизни переживали очень тяжело — для них мерой оценки реальности были не экономические выкладки и абстрактные свободы, но этос — высшие, нравственные ценности; действительность воспринималась ими не просто как наличная социальная система, а как «судьба идеалов... тоска развитого и сознательного существа, живущего в наше время» (Ф. Достоевский).

«Насилие не упразднено, а идеалы далеко»,— с болью писал М. Салтыков-Щедрин, констатируя, что в мире «торжествующей свиньи» старое крепостное право заменено новым. Близки суждения Достоевского: «Прежний порядок — очень худой, но все же порядок отошел безвозвратно. И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка — эгоизм, разъединение, продажничество... не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились...» Выразительное определение томительной «человеческой ситуации» дал писа-

Резко отрицательное отношение к современным порядкам Перов выразил в рисунке «Современная идиллия» (1880 год), пародирующем парадный портрет с апофеозом,— восседающий на троне купец, которому прислуживают Красота, Искусство, Наука.

Не избавившись от давления Академии художеств и академизма, искусство оказалось еще и в унизительной зависимости от рынка, то есть состоятельной публики, в абсолютном большинстве своем не жаждущей подлинного возвышения вкуса. Характерна в этом отношении судьба петербургской Артели художников, созданной Крамским с тем, чтобы в духе «святых шестидесятых», «дружно взявшись за руки», идти

по пути свободного творчества. Очень скоро художники оказались втянутыми в изнуряющую и разобщающую заказную, часто халтурную, работу над портретами, церковными росписями, требовавшими отнюдь не воплощения «идей века», а «потрафления» казенно догматическим или пошлым, неразвитым вкусам «заказывающих музыку». (И. Крамской не раз с болью писал о том, что «сердца» буржуазии не нужно, ее «искусство... заключается именно в отрицании этого комочка мяса: оно мешает сколачивать деньгу, при нем неудобно снимать рубашку с бедняка посредством биржевых проделок».)

Трудной была судьба «свободных художеств» и в «русском Манчестере» — Москве. Один из лидеров культурной жизни первопрестольной А. Островский уже в начале 1880-х годов подводил определенные итоги минувших десятилетий: «Буржуазия и везде не отличается особенно благодетельным влиянием на искусство, а в Москве тем более... Московское... купечество гораздо менее развито, чем европейское... Чему эта публика самостоятельно сочувствует, так это пошлым намекам и остроумию самого низкого сорта... Эта публика понижает искусство... тем, что не понимает действительных достоинств произведений... предъявляет свои неэстетические требования». И хотя в Москве того времени было немало коллекционеров и меценатов, говорить однозначно о благотворном влиянии капитала на судьбу московских муз было бы неверно.

Так, судьба благородных идей интеллигентного актива Московского общества любителей художеств целиком зависела от взносов и пожертвований входивших в его состав фабрикантов и коммерсантов, среди которых были и такие «любители», как братья Хлудовы, знаменитые «миллионщики», соединявшие беспардонное барышничество, прямую уголовщину со страстью к коллекционированию и покаянной благотворительности. При этом средств у общества все-таки не хватало, и его организаторы, видя, что одной «частной инициативой» оно существовать не может, были вынуждены (по большей части малоуспешно) просить субсидий, «драгоценнейшего внимания августейших покровителей». Документы того времени говорят: «Из крошечной цифры

Шишкин И. И. «Рубка леса», 1867

общего числа художников в Москве только двое или много трое в состоянии существовать, и то кое-как, со сбыта своих произведений... Многие... покидают нищую карьеру, одни становятся чиновниками... другие фабрикантами». А в начале 1870-х годов в отчетах общества встречаются признания, что в пору, когда господствует «плотоядная жажда материального обеспечения», «воспитание идеальных представлений братства и любви в обществе, где все за себя и только за себя, оказывается непосильной для искусства задачей».

Великое значение П. Третьякова в том и заключалось, что долгое время он был практически единственным коллекционером, не потворствующим «спекулятивному направлению» в искусстве. Третьяков противостоял и «чиновникам... погубившим будущность искусства, с одной стороны, и с другой — алчным слабым натурам» (И. Крамской), которых создатель галереи называл «мазуриками». А таковых к концу 1860-х годов в России становилось все больше. Среди них были действительно одаренные живописцы, в начале пути выступавшие за подлинное, свободное, гражданственное искусство, но решившие, по выражению одного из них, К. Маковского, некогда участника «бунта

Мясоедов Г. Г., «Земство обедает», 1872.

четырнадцатн» протнв академни, «не зарывать своего Богом даниого талаита в землю» и сделавшне выбор в пользу дешевого успеха в областн «шнкозиых» салонных портретов знатн и фальшнво бутафорского нсторического и эротнческого кнтча. К сожалению, был среди этих «добровольцев оподлеиия» и В. Якоби, некогда иачавшнй смелым «Прнвалом арестантов» (1861 год) н закончившнй в качестве автора пустых картин на альковно-аиекдотические сюжеты нз «домашней жнзнн» русских нмператриц н нх фаворнтов.

И все-такн, как пнсал М. Салтыков-Щедрнн, «нсторня не останавлнвается оттого, что ничтожество, невежество и индиффереитнзм на время делаются как бы закоиом... Оиа знает, что это явлеиие преходящее и что под инм ютится правда и жизнь». Желание освонть действнтельиость н ее протнворечия, глубже понять человека и «таинственную лабораторню душн» (И. Крамской), утвердить в нскусстве те начала реальностн, в которых нанболее явственны «правда н жизнь», стало характерной чертой русского реалнзма 1870-х годов.

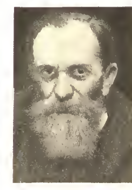
Перов В. Г., «Отпетый», 1873.

А. И. Куинджи

Репин И. Е. «Портрет С. М. Третьякова»

В. Г. Перов

В 1871 году состоялась первая выставка Товарищества передвижииков, сплотившего лучших «шестидесятииков» и иаиболее талаитливых молодых художииков. Это, по определеиию тогдашнего критика А. Киселева, была «отважиая горсть людей, сумевших сберечь человеческий образ и человеческое отиошеиие к своему делу среди безбрежного моря чииовио-звериного государства». Продолжали создаваться искреииие произведеиия, утверждающие волю к «живой жизни» и составившие славу Третьяковской галереи.

Поленов В. Д. «Московский дворик», 1878.

ЗНАНИЕ — СИЛА 2/92

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

№ 2(776)
Издается с 1926 года

Индекс 70332

В НОМЕРЕ

Дополнение к информации в № 1—92 г.

***Уважаемые читатели!
В счет подписки 1991 года редакция планирует выпустить четыре номера.
На конец февраля проблемы выхода журнала не решены. Ждите новой информации.***

В НОМЕРЕ

Сдано в набор 16.12.91.
Подписано к печати 10.02.92.
Формат 70×100 1/16.
Офсетная печать.
Печ. л. 8,0. Усл.-печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 14,25.
Усл. кр.-отт. 42,6.
Тираж 127 970 экз.
Заказ № 1999.

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6.
Тел. 235-89-35

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и массовой информации Российской Федерации
142300,
г. Чехов Московской области

Цена свободная.

ISSN 0130—1640 «Знание — сила», 1992, № 2, 1—128.